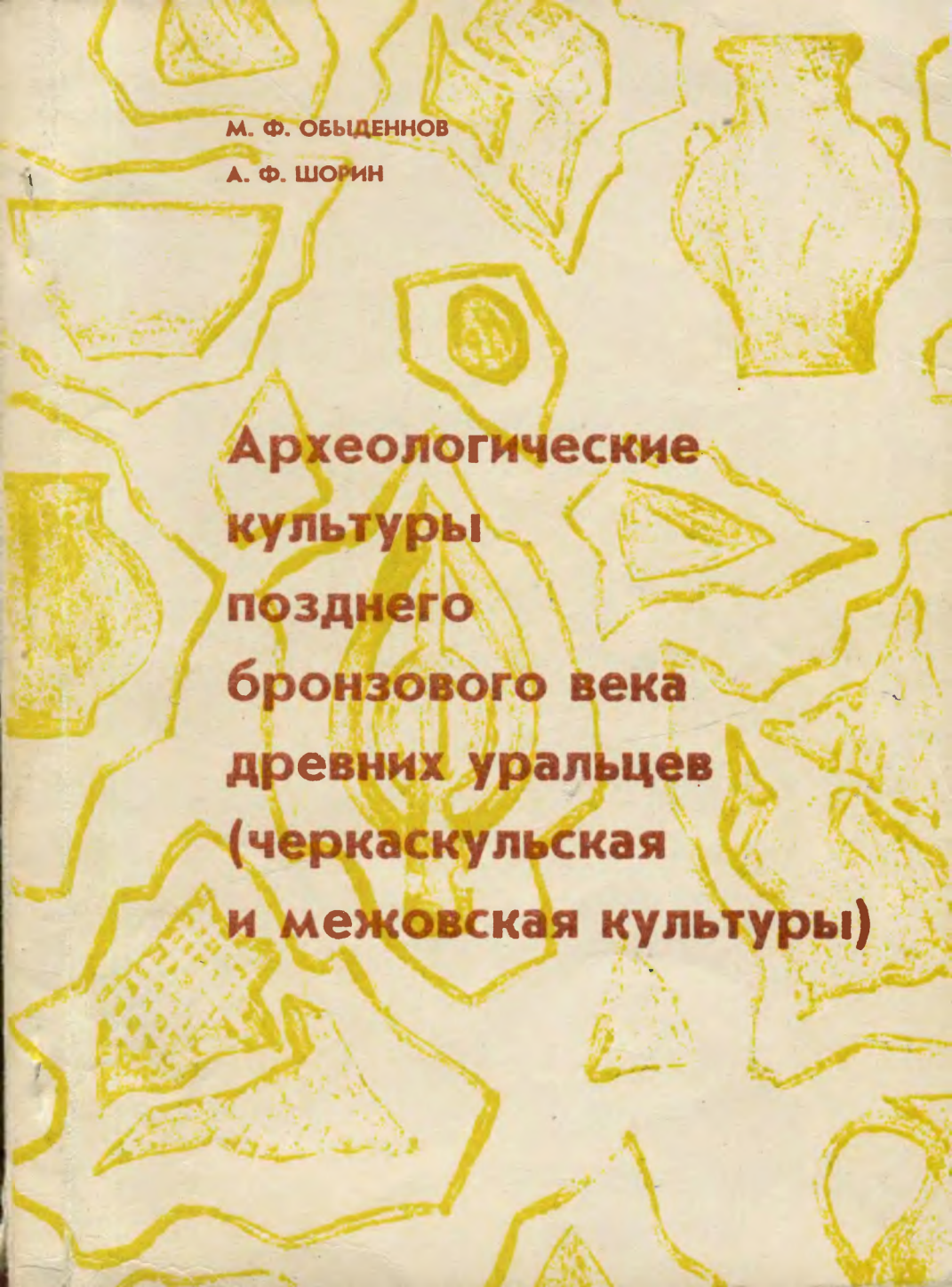

М. Ф. ОБЫДЕННОВ

А. Ф. ШОРИН

**Археологические
культуры
позднего
бронзового века
древних уральцев
(черкаскульская
и межовская культуры)**

М. Ф. ОБЫДЕННОВ, А. Ф. ШОРИН

**Археологические
культуры
позднего
бронзового века
древних уральцев
(черкаскульская и
межовская культуры)**

ББК Т4(2Р36)

О-461

Научный редактор доктор исторических наук М. Ф. Косарев

Рецензенты: член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
В. И. Молодин; кафедра отечественной истории Башкирского
государственного педагогического института

Редактор Е. И. Маркина

Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф.

**О-461 Археологические культуры позднего бронзового века
древних уральцев (черкаскульская и межевская культу-
ры). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. — 196 с.**

ISBN 5-7525-0337-X

Монография посвящена проблемам лесных уральских культур позднего бронзового века Востока Европы, Урала и Западной Сибири — черкаскульской и межевской. На основе новейших материалов впервые в отечественной археологической литературе комплексно исследуются генезис, развитие и дальнейшая судьба этих культур. Рассматриваются вопросы материальной культуры, хронологии и периодизации, экономики, миграции и этнокультурных контактов древних уральцев, а также их роль в становлении культур раннего железного века.

Для археологов, преподавателей и студентов вузов, краеведов.

О 0504000000 - 47
182(02) - 95 Заказное

ББК Т4(2Р36)

ISBN 5-7525-0337-X

© М. Ф. Обыденнов, А. Ф. Шорин, 1995

Технический редактор Т. С. Сергеева

Корректор М. И. Лаевская

Компьютерная верстка Е. И. Максименко, Н. П. Сорокиной

ИБ № 642

Лицензия на право издательской деятельности ЛР № 020227 от 08.10.91.

Сдано в печать 25.07.95. Формат 60 × 84 1/16.

Печать офсетная. Бумага тип. № 2. Гарнитура Таймс.

Уч.-изд. л. 13,2. Усл. печ. л. 12,25. Тираж 250. Заказ 155

Издательство Уральского университета.

620219 Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 136.

Отпечатано с оригинала-макета в 4-м цехе АООТ "Полиграфист".

620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА	6
1.1. Памятники	6
1.1.1. Поселения и жилища	6
1.1.2. Могильники и погребальный обряд	11
1.2. Инвентарь и датировка	22
1.2.1. Керамика	22
1.2.2. Инвентарь	31
1.2.3. Периодизация и хронология	35
1.3. Происхождение и локальные варианты черкаскульской культуры	41
2. МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА	52
2.1. Памятники	52
2.1.1. Поселения и жилища	52
2.1.2. Могильники и погребальный обряд	59
2.2. Инвентарь и датировка	67
2.2.1. Керамика	67
2.2.2. Инвентарь	77
2.2.3. Периодизация и хронология	86
2.3. Происхождение и локальные варианты межовской культуры	97
2.4. Дальнейшая судьба межовского населения	103
3. МИГРАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЧЕРКАСКУЛЬСКОГО И МЕЖОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ	108
ПРИМЕЧАНИЯ	119
ЛИТЕРАТУРА	120
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	129
ПРИЛОЖЕНИЕ	130

Контактное расположение Уральского региона определило сложный и нестандартный характер взаимодействия различных групп древнего населения и обусловило специфику местных археологических культур, в материальных остатках которых отразились существенные события первобытной истории Востока Европы, Урала и Западной Сибири. Здесь издревле взаимодействовали традиции нынешних финно-угорских и ираноязычных народов, и охотничье-рыболовческое население лесотаежной зоны соседствовало со скотоводческо-земледельческим населением степной зоны.

Сложный и нестандартный характер взаимовлияния столь различных групп населения обусловил специфику местных археологических культур и отразил в материальных остатках наиболее существенные события древней истории Востока Европы, Урала и Западной Сибири в целом.

На территории Урала в эпоху поздней бронзы (середина II тыс. до н. э. — начальные века I тыс. до н. э.) фиксируются следы проживания древних групп населения, оставивших после себя поселения и могильники с яркой и оригинальной керамикой. В литературе по археологии она называется посудой черкаскульского, межовского и березовского типов. Все три типа, будучи достаточно своеобразными, тесно связаны между собой и характеризуют развитие уральского населения в рассматриваемый отрезок времени. В то же время указанные керамические комплексы имеют ряд существенных признаков, которые позволяют сближать их с комплексами синхронных им археологических культур широкого Урало-Сибирского региона и рассматривать в рамках андроновско-андроноидной историко-культурной общности (памятники черкаскульского типа) и общности (пласта) позднебронзовых культур лесной и лесостепной зон Урало-Сибирского региона (памятники межовского и березовского типов). Комплексы этих культур, с одной стороны, имеют общие черты с культурами лесной зоны Приуралья и Западной Сибири (ерзовской, сузгунской, еловской, ирменской, бархатовской), а с другой — с культурами лесостепной и степной зон Урало-Сибирского региона (петровской, алакульской, федоровской, алексеевско-саргаринской). Таким образом, изучение археологических культур эпохи поздней бронзы Урала неразрывно связано с изучением проблем формирования и развития культур более широкого региона, и уральские памятники эпохи бронзы следует рассматривать в качестве важного источника информации при решении проблем не только развития древнего

населения Урала, но и развития таких огромных по территории и сложных по внутреннему содержанию историко-культурных общностей, каковыми являются андроновско-андроноидная общность и пласт позднебронзовых культур лесной и лесостепной зон Урало-Сибирского региона.

Изучение памятников уральской бронзы важно также и для понимания проблем первоначальных этапов развития угорских народностей — предков современных хантов и манси, коренных обитателей этого региона до прихода сюда русских. По мнению большинства исследователей [215; 184, с. 373—374; 98; 208, с. 58; 228, с. 97—98], памятники, содержащие керамику отмеченных типов, следует связывать с ранним угорским этносом на том этапе его развития, когда он начинает активное проникновение на сопредельные Уралу территории, а также вступает в тесные контакты с ираноязычным населением степей. Следы этих контактов древних угров с индоиранцами до сих пор сохраняются в языке и культуре современных хантов и манси [214; 98; 208, с. 62; 224; 228, с. 98; 2].

Несколько слов о структуре монографии. В ней приведена характеристика источниковой базы черкаскульской и межовской культур эпохи поздней бронзы (анализ поселений, жилищ, погребального обряда, инвентаря), а также рассмотрен ряд вопросов интерпретационного уровня: происхождение, локальные варианты, характер и направление культурных связей населения этих археологических культур с культурами сопредельных Уралу территорий, дальнейшие судьбы древних уральцев позднего бронзового века.

В работе не рассматриваются вопросы истории изучения уральских культур позднего бронзового века и хозяйственной деятельности древних уральцев, так как эти проблемы освещены в подготовленных к печати препринтах М. Ф. Обыденнова, А. Ф. Шорина “История изучения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы” (Екатеринбург, 1994) и М. Ф. Обыденнова, А. Ф. Шорина, А. И. Варова, П. А. Косинцева “Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы” (Екатеринбург, 1994).

1. ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

1.1. ПАМЯТНИКИ

1.1.1. Поселения и жилища

Археологические памятники, рассматриваемые в работе, подразделяются на долговременные и кратковременные поселения, могильники курганные и бескурганные, клады и случайные находки.

Особенностью всех без исключения поселений является их многослойность: керамике эпохи поздней бронзы обязательно сопутствуют находки других эпох (неолита — ранней бронзы, раннего железного века, средневековья). Это объясняется тем, что поселения второй половины бронзового века обычно возникали на месте предшествующих поселений эпохи неолита — ранней бронзы, и нередко затем на их месте функционировали поселения эпохи раннего железного века и средневековья. Такое расположение поселений затрудняет при визуальном изучении (путем сбора материала с поверхности, особенно на размытых поселениях) и небольших рекогносцировочных раскопках определение точных границ распространения находок эпохи поздней бронзы. Кроме того, возникают сложности и при соотнесении некоторых категорий инвентаря (кремневого, костяного, остеологического и т.д.) с определенными этапами функционирования таких многослойных и, как правило, нестратифицированных поселений. Помимо этого, на большинстве поселений, в слоях которых залегает керамика эпохи поздней бронзы, обычно представлено сразу несколько типов посуды этого времени (обычно черкаскульский и межовский, реже еще и коптыковский или березовский), и их не всегда удастся расчленить стратиграфически или планиграфически, что также затрудняет изучение культурных комплексов подобных памятников. Поселений, где в культурном слое присутствовал бы только один из вышеназванных типов посуды, немного. Коптыковская керамика в чистом виде, без примеси черкаскульского, межовского и березовского типов посуды, известна только на поселении Нижняя Макуша [28, табл. 4]. К однослойным черкаскульским поселениям горно-лесного Зауралья можно отнести поселение Липовая Курья, где встречены отдельные фрагменты коптыковского и межовского облика [208, с. 14—23]. Кроме того, только

черкасульские черепки (но их немного) собраны с поверхности и из шурфов исследованных разведками поселений Тургояк XXII, XXVII (рис. 9, 1), Крутяки IX, Жеряковское (рис. 10, 6), Бакла IV (рис. 9, 4), Касли V (рис. 9, 3), Остров III, М. Липовый V, селища на мысу Березовом Аятского озера [167, рис. 18, 17—18]. Еще на ряде памятников (селища на оз. Кривом, Третья Пашня и др.) черкасульская керамика количественно господствует [184, с. 358].

В целом, если учитывать не только однослойные комплексы, но и находки этого типа посуды в многослойных памятниках, на территории горно-лесного Зауралья известны 52 поселения с черкасульским типом посуды.

Все эти поселения располагаются поблизости от воды, по берегам рек и озер, причем речных поселений 5 (9,6%), а озерных — 45 (90,4%). Преобладание озерных памятников над речными характерно для всех периодов развития горно-лесного уральского населения эпохи поздней бронзы: коптяковских озерных поселений зафиксировано 11 (33,9%), речных — 4 (26,7%), черкасульских соответственно 45 (86,5%) и 5 (13,5%), межевских — 41 (85,4%) и 7 (14,6%), березовских — 3 (75%) и 1 (25%).

Следует отметить, что реальное соотношение поселений, расположенных по берегам рек и озер, могло быть несколько иным, поскольку приведенные цифры в некоторой степени субъективны. Субъективность подбора этих цифр зависит от “избирательности” районов исследования и степени их изученности. Так, например, на побережье Аргазинского водохранилища в результате разведки за шесть лет работ обнаружено 27 из 64 учтенных в горно-лесном Зауралье черкасульских и межевских памятников. Естественно, что этот куст озерных поселений резко повысил удельный вес памятников в общем количестве учтенных поселений. И все же тенденция преобладания озерных поселений над речными в горно-лесном Зауралье объективна для рассматриваемого периода.

Черкасульская керамика встречается в небольшом количестве и на 15 многослойных поселениях Приуралья и Нижнего Прикамья. Самостоятельные черкасульские слои фиксируются на Юкаликулевском [55] и Симонихинском поселениях. На других поселениях черкасульская керамика составляет определенный процент от приказанского и межевского культурных комплексов. Это стоянки Старо-Кабановская II [226, с. 33, рис. 16, 17, 23 и др.], Ахметовская I [72, с. 99, рис. 19, 1; 226, с. 33, рис. 16, 26], Старо-Яппаровская I, Кузькинская I, поселения Луговское I [71, с. 18, рис. 4], Дикое Озеро, Заосиновское VII, Елань, Янгизнарат и др. Эта же керамика лежит в основании культурного слоя Сусканского I поселения [130, с. 131, рис. 21]. В отличие от горно-лесного Зауралья, большая часть приуральских поселений тяготела к речным долинам.

Как на озерах, так и на реках для заселения выбирались прежде всего удобные, расположенные на невысоких мысах площадки высотой 1—2 м, иногда 4—5 м над уровнем воды. Так, в горно-лесном Зауралье число таких поселений составляет около 90%. И только 4 из 52 поселений располагались не на мысах, а на открытых террасах или ровных участках берега. Одним из излюбленных мест заселения были седловины (или лагуны) между двумя мысами или двумя вершинами большого мыса.

Площади поселений различны. Самое крупное из них — поселение Березки V — занимает около 14,5—15 тыс. кв. м. Площадь самых маленьких поселений (Сигаево V, Б. Липовый V и Липовая Курья) равна 200—210 кв. м. Все поселения можно разделить на крупные (от 9 до 15 тыс. кв. м), средние (от 2,4 до 7 тыс. кв. м) и малые (не более 1,6 тыс. кв. м). В целом же чаще встречаются поселения, площадь которых не превышала 7 тыс. кв. м. Культурный слой практически всех поселений, особенно в горной части Урала, незначителен в силу слабого процесса почвообразования, и мощность его обычно колеблется в пределах 20—60 см, крайне редко достигая 60 см и более.

Жилые сооружения (рис. 2) обнаружены только на 9 черкаскульских поселениях. По одному жилищу раскопано на поселениях Липовая Курья [208, с. 11—14], Явленка I [74, с. 40—41], Шукубай II [65, с. 115—119], Петровка II [79], Сухрино III, Дружный I и, возможно, Черкаскуль II [184, с. 354]. По два жилища раскопано на поселениях Юкаликулево [55, с. 43—45] и Алабуга I (хутор Андроник). Возможно, черкаскульскими являются и остатки трех жилищ, раскопанных на поселении Заосиновское VII в Прикамье [60, с. 144]. Три из 11 черкаскульских жилищ (Липовая Курья, Явленка I, Петровка II) относятся к типу полуземлянок, так как углублены в землю на 0,68—1,5 м, остальные жилища наземные, их глубина не превышает в среднем 0,5 м. Площади жилищ варьировали в пределах 75—160 кв. м, и только три жилища были небольшими по площади (Липовая Курья — 22,5 кв. м, Дружный I — 24 кв. м, Петровка II — 50 кв. м). По форме жилища подпрямоугольные за исключением жилища на поселении Явленка I, форма которого была близка к овальной. Жилища имели один или два выхода. В последнем случае один из выходов располагался в центре короткой стены жилища, а другой был смещен к одному из его углов. Количество очагов, преимущественно кострового типа, варьировало от одного до трех, причем один из них находился в центральной части жилища. В жилище поселения Шукубай I отмечен очаг, выложенный из небольших бесформенных камней в круглой очажной яме. Очаг кострового типа, но углубленный в землю на 20 см, зафиксирован и в жилище поселения Явленка I. В некоторых сооружениях имелись хозяйственные ямы, от одной до трех. Судя по количеству, причем нередко значительному,

столбовых ямок, черкаскульские жилища имели каркасно-столбовую конструкцию. Одно из таких жилищ на поселении Липовая Курья реконструировал Л. П. Хлобыстин. Он видит в нем шатровую полуземлянку с четырьмя опорными столбами в центре, наземная часть которой имела вид усеченной пирамиды. Жилище делилось на жилую и кухонно-хозяйственную части. Вдоль стен жилища, возможно, были сооружены приподнятые над полом нары. Жилища, аналогичные рассмотренному, были распространены у угорского населения, обитавшего в Зауралье и Западной Сибири в XVII—XIX вв. [208, с. 46]. Большие по площади черкаскульские жилища могли иметь несколько иную форму. На основании столбовых ямок, идущих тремя рядами по длине жилища, М. Ф. Обыденнов реконструирует жилище 2 поселения Юкаликулево как постройку с двухскатной крышей, опирающуюся на столбовую конструкцию стен [55, с. 43]. Не исключено, что большие жилища имели какие-то внутренние перегородки, и часть полезной площади сооружения могла использоваться для содержания скота, особенно в зимнее время.

По подсчетам Л. П. Хлобыстина, в небольшом жилище поселения Липовая Курья могли проживать 5—8 человек, т.е. небольшая семья [208, с. 46]. Если исходить из расчетов, предложенных Б. О. Долгих на основании анализа данных по этнографии народов Северо-Востока Азии, что для одного человека в жилище необходима площадь в 3 кв. м и в коллективах лесной зоны соотношение между взрослыми трудоспособными мужчинами и остальным населением равно 1:4 [63, с. 13], то в малых по размерам черкаскульских жилищах проживали одновременно не более 10 человек, т.е. малая семья с одним-двумя трудоспособными взрослыми мужчинами. В больших же жилищах, тяготеющих, правда, к лесостепным и степным районам расселения черкаскульцев, могли жить одновременно до 20—25 человек, т.е. большая семья с 4—6 трудоспособными мужчинами.

Вполне возможно, что ситуация преобладания в горно-лесном Зауралье именно малых по площади жилищ характерна не только для эпохи поздней бронзы, но и для добронзовой эпохи и эпохи раннего железного века. В. Ф. Старков, анализируя размеры жилищ эпохи неолита — энеолита, отмечает существование как малых, так и больших по размерам построек и приходит к выводу, что в малых по размерам жилищах могли проживать небольшие коллективы в 4—7 человек, т.е. малые семьи, причем эти малые семьи выступали как локальные, разобщенные в экономическом отношении коллективы, и их жилища, как правило, не были объединены в поселки [193].

В эпоху раннего железного века в горно-лесном Зауралье у населения гамаюнской и иткульской культур также встречались только малые по площади (в пределах 15—60 кв. м) жилища [27, с. 77—78; 33, с. 9; 18, с. 129], т.е. в них, видимо, проживали тоже преимущественно малые семьи. Эти малые семьи объединялись,

как правило, в небольшие по площади поселки (в основном среднеуральские поселения эпохи поздней бронзы имели площадь не более 7 тыс. кв. м, а треть из них — площадь не более 1,6 тыс. кв. м). Возможно, в каждом поселке проживала небольшая, относительно замкнутая группа родственников, свидетельством чему могут являться не только небольшие размеры поселений и жилищ, но и малочисленные захоронения могильников. Так, на могильнике Березки Vg зафиксировано 25 черкаскульских захоронений, причем к взрослым погребениям можно отнести не более 6—7. На могильнике Перевозный Ia отмечено лишь 8 захоронений. Вполне вероятно, что самостоятельность проживания небольших по численности коллективов (в рамках поселка) в условиях горно-лесной зоны связана с отсутствием здесь широких возможностей для занятия скотоводством и земледелием. Рыболовство же и охота не требуют создания крупных по численности коллективов (исключая случаи сезонной охоты при миграции копытных животных или строительство крупных запорных сооружений для ловли рыбы). Такие коллективы могли создаваться на короткое время из жителей близлежащих поселков, но они не носили постоянного характера, поэтому крупные поселки черкаскульцев (как и межевцев) с несколько большими по размерам жилищами в лесу и не найдены.

Как отмечалось, в лесостепной и степной зонах встречаются как малые, так и большие по площади жилища, причем последние даже преобладают. Вероятно, социальные коллективы черкаскульцев лесостепных и степных районов мало чем отличались от коллективов жителей сопредельных территорий — алакульцев, еловцев, ирменцев, приказанцев и др. Исследователи этих групп населения отмечают такие характерные для них размеры жилищ: алакульские имели площади в пределах 100—300 кв. м и более [8, с. 11], еловские — до 200 кв. м [127, с. 107], приказанские — 120—150 кв. м [207, с. 9], ирменские малые постройки — от 12 до 42 кв. м, большие — от 160 до 390 кв. м [124, с. 32, 45]. Видимо, лесостепные и степные пространства, создававшие более благоприятные условия для занятия скотоводством и земледелием, способствовали возникновению более крупных первичных ячеек общества. Не исключено, что процессу консолидации первичных коллективов черкаскульцев лесостепной и степной зон содействовал и ряд внешних факторов, прежде всего расселение этих коллективов в среде чужого инокультурного населения Среднепритоболья, Северного Казахстана, степного Зауралья, Бельско-Икского междуречья (подробнее об этом процессе расселения черкаскульцев см. в гл. 3), где крупные коллективы имели большой коэффициент выживаемости, особенно если их отношения с местным населением складывались мирно. Но, возможно, здесь работали и факторы этнического порядка. Проживание в среде родственных (и даже неродственных) коллективов федоровцев,

алакульцев, срубников и других привело к необходимости создания крупных черкаскульских коллективов для сохранения самобытных этнических черт и определенной автономии в рамках единого социально-хозяйственного организма.

1.1.2. Могильники и погребальный обряд -

К настоящему времени на территории распространения древностей черкаскульского типа известны 15 могильников или отдельных захоронений. В горно-лесном Зауралье к ним относятся два раннечеркаскульских могильника Березки Vг и Перевозный Ia [110] и позднечеркаскульское погребение на территории поселения Кокшарово I [190, с. 106, 108]. В лесостепном Южном Зауралье позднечеркаскульские захоронения зафиксированы в ряде курганов алакульско-федоровских курганных групп, таких как Ново-Бурино и Б. Караболка [177, с. 172—174; 197, с. 86—88; 111, с. 161], Черняки II [196, с. 211, 216], Туктубаево [111], Кинзерово [113], Приплодный Лог I [119] и, возможно, Смолино [8, с. 23—24, табл. V, 9—12]. В лесостепной Башкирии исследованы три захоронения в Тартышевском I могильнике и одно в Ахуновском кургане [184, с. 372—373; 185, с. 90—91], относящиеся к позднечеркаскульскому времени. В лесостепных восточных районах Татарии изучены позднечеркаскульский Такталачукский могильник, в материалах которого прослеживается определенное срубное влияние [89], Соколовский IV [91, с. 72] и разрушенное погребение Кырнышского могильника [90, с. 156]. Аналогичны по керамике и погребальному обряду захоронения, относимые А. Х. Халиковым к приказанской культуре: Маклашеевский могильник на взвозе [207, с. 122, № 472, с. 61, табл. IX] и погребение 5 на Балыжском поселении [98, с. 211, рис. 33; 207, с. 60, табл. VII]. Известно на сегодня и одно захоронение коптяковского типа в могильнике Березки Ve, который, в свою очередь, расположен на территории могильника Березки Vг (Аргазинское водохранилище на севере Челябинской области)¹. Погребение нарушено позднейшими захоронениями гороховской культуры, не сохранившаяся его часть позволяет судить о том, что захоронение было совершено в неглубокой подпрямоугольной яме шириной 84 см (длину установить не удалось). На дне ее лежали беспорядочно разбросанные кости скелета человека, но позвоночный столб оказался в неповрежденном состоянии. Это позволило установить, что погребенный был ориентирован головой на восток. Сопровождающий захоронение инвентарь представлен плоскодонным горшком коптяковского типа (рис. 21, 8), бронзовым ножом и иглой. Сосуд имеет типичную для коптяковской посуды форму с плоским венчиком, высокой шейкой и ребром по середине его высоты. Он орнаментирован наклонными отрезками длинного гребенчатого штампа по

шейке, середине тулова и в придонной части в сочетании с группами наклонных отрезков короткого гребенчатого штампа (узор, напоминающий незаштрихованные ромбы), нанесенных на переходе шейки в плечико.

Анализ погребального обряда известных черкаскульских могильников позволяет наметить его типичные черты и выявить локальные особенности.

Для черкаскульцев характерно устройство трех основных типов надмогильных сооружений. Первый из них в виде каменных оградок без земляных насыпей встречен только в районах лесного Зауралья в могильниках Березки Vг и Перевозный Ia.

Второй тип надмогильных сооружений, представленный курганами с каменными кольцами под насыпью или вокруг ее основания, тяготеет к районам лесостепного Зауралья, где в позднечеркаскульское время проходила контактная зона между черкаскульским и федоровским населением (могильники Туктубаево, Кинзерово, Смолино, Приплодный Лог I). В этом типе сооружений можно выделить еще две разновидности. Одна из них представлена земляными курганами с оградками из врытых на ребро или уложенных плащами камней вокруг основания могильной насыпи, что характерно для курганов 32 Туктубаевского и 15, 16 Кинзеровского могильников [111, с. 155—156; 113, с. 225—226]. Обычно такие надмогильные конструкции свойственны классическим федоровским могильникам лесостепного Зауралья [171; 184, с. 280—281; 8, с. 18, 22, 30]. Другая разновидность представлена земляными курганами, которые перекрывают отдельные или смыкающиеся ограды, сооруженные вокруг могил. Она отмечена в кургане 26 Туктубаевского могильника [111, с. 155] и курганах 5, 9, 10, 12, 13 могильника Приплодный Лог I [119, с. 63, 65—68]. Принцип сооружения оград, в том числе смыкающихся между собой, непосредственно вокруг могильных ям, но без земляных насыпей, как уже отмечалось, являлся характерной особенностью лесных аргазинских черкаскульских могильников.

Третий тип надмогильных сооружений представлен земляными курганами, в конструкции которых камень не использовался. Он характерен для лесостепных районов Башкирии и Восточной Татарии (могильники Тартышево I, Ахуново и, возможно, Такталачук²), но встречается и в районах лесостепного Зауралья (могильники Б. Караболка, Ново-Бурино, Черняки II).

Анализ распространения типов надмогильных сооружений во времени и пространстве позволяет сделать следующие выводы. Наблюдается определенная тенденция локализации первого типа сооружений в районах лесного Зауралья, а третьего — в лесостепном регионе Приуралья. Второй тип сооружений, сочетающий в себе черты первого (каменные ограды) и третьего (земляные курганы), локализуется в районах лесостепного Зауралья. Пока

трудно с достоверностью определить, каков принцип локализации отдельных типов надмогильных сооружений — этнический или геоморфологический. Скорее всего, способ использования камня в надмогильных сооружениях зависел от наличия или отсутствия камня в конкретном регионе распространения черкаскульского населения. Но, возможно, в некоторой степени сказывались и определенные культурные традиции, а также характер этнического окружения, среди которого проживали те или иные группы черкаскульцев, особенно вне пределов лесного Зауралья. В лесостепном Приуралье черкаскульцы находились в тесных контактах со срубным [184, с. 364; 142, с. 15] и приказанским [142, с. 15] населением, для которых характерна традиция сооружения простых земляных курганов без использования камня [18, с. 155—168; 5; 207, с. 22—23]. В то же время в горно-лесном Зауралье традиция использования камня при устройстве надмогильных сооружений зарождается уже с эпохи неолита и сохраняется вплоть до позднего средневековья [139; 233].

Некоторые территориальные различия наблюдаются и в конструктивных особенностях могильных ям. Так, для лесного Зауралья не характерны обкладка дна и стен ям деревом и перекрытие их деревянными накатниками. Зато такие конструкции часто встречаются в могильниках лесостепного Зауралья и Приуралья. Они отмечены в Туктабаевском, Кинзеровском [111, с. 155; 113, с. 225—226], Б. Караболском [177, с. 172], Тартышевском I [184, с. 373], Такталачукском [90, с. 146], Приплодный Лог I [119, с. 71] и Смолинском [8, с. 23—24] могильниках. Не исключено, что деревянные конструкции в могильных ямах у черкаскульцев появились в лесостепном Зауралье под влиянием федоровского, а в лесостепном Приуралье — срубного населения, для которых эти конструкции обычны [8, с. 18—34; 184, с. 249—251].

Отметим еще две конструктивные особенности отдельных черкаскульских могильников. Это сооружение над деревянными перекрытиями могильных ям площадок из утрамбованной глины и песка (ряд могил могильника Приплодный Лог I [119, с. 71]) и наличие входов в погребальные сооружения черкаскульцев и даже в могильные ямы (могильник Приплодный Лог I [119, с. 71] и аргазинские могильники). Последняя особенность дает основание рассматривать погребальные сооружения как объекты, имеющие длительный период функционирования в качестве, возможно, культовых мест [119, с. 71—72] или мест почитания умерших сородичей.

Способы захоронений, отмеченные в черкаскульских могильниках, можно разделить на три основных типа.

Первый тип — это захоронение умершего на боку в скорченном положении. Здесь можно, в свою очередь, выделить еще два варианта: на правом боку и на левом боку. Захоронения на правом

боку характерны для черкаскульских могильников Перевозный Ia, Березки Vg. Они преобладают в позднечеркаскульском могильнике Такталачук (38,4% всех захоронений), но только один раз отмечены в межовском Красногорском I могильнике [54, с. 173]. Погребения тел в скорченном положении на левом боку только по одному разу зафиксированы на раннечеркаскульском могильнике Березки Vg в оградке 20, но зато, по нашим подсчетам, они составляют 46,2% захоронений позднечеркаскульского могильника Такталачук.

Второй тип захоронения — это погребение умерших на спине в вытянутом положении. Такие захоронения изредка (по нашим подсчетам, 15,4% всех погребений) встречаются в позднечеркаскульском могильнике Такталачук. В других могильниках этот способ захоронения не встречался. Следует отметить также, что в Такталачукском могильнике найдены еще и своеобразные “промежуточные” типы захоронения: трое погребенных лежат на боку в скорченном положении, но верхняя часть скелетов развернута на спину, четыре — скорченно, но весь костяк несколько повернут на спину [90, с. 145].

Третьим типом захоронения является трупосожжение с последующим захоронением остатков кремации в могильной яме. Только этот способ захоронения применялся черкаскульцами лесостепного Зауралья, о чем свидетельствуют могильники Туктубаево, Кинзерово [111; 113], Ново-Бурино и Б. Караболка [177], Смолино [8, с. 23—24]. Что касается других районов расселения черкаскульцев, то данный способ погребения отмечен лишь в Среднем Зауралье в Кокшаровском I погребении [180, с. 106—108]. Возможно, в тех регионах, где были обнаружены единичные случаи трупосожжения, этот обряд применялся при захоронении наиболее почтенных членов рода, заслуживших преимущественное право на бессмертие, т.е. тех, кому в другом мире предстояло играть какую-то особую роль [102, с. 265; 104, с. 222].

Следы же использования огня в погребальном ритуале фиксируются чаще. Пятна прокалов и угольки отмечены в могилах раннечеркаскульского могильника Березки Vg (три случая). Обгоревшие плахи перекрытия могилы найдены в погребении 222 позднечеркаскульского могильника Такталачук; здесь же, над могилой 302, обнаружены остатки кострища [89, с. 82; 90, с. 146]. Случаи разведения костров на кладбище в период совершения погребальной тризны зафиксированы и этнографами [148, с. 62; 188, с. 229]. Попутно отметим, что с какими-то ритуальными похоронными действиями, вероятно, связаны и находки угольков на дне могил. Толкование этих находок различно. Этнографы и археологи отмечают обычай разведения огня с целью “очищения” могилы до и после похорон [148, с. 62; 190, с. 107]. Кроме того, огонь, как и вещи, мог помещаться в могилу с чисто утилитарной

целью: на случай, если понадобится умершему в загробной жизни [147, с. 357—359; 102, с. 264].

Несколько слов о положении рук погребенных в захоронениях, совершенных по способу трупоположения. В Такталачукском могильнике руки погребенных на спине в вытянутом положении укладывались обычно вдоль тела. При захоронении тел на боку в скорченном положении положение рук разнообразнее, но все же их можно свести, на наш взгляд, к четырем основным вариантам. Первый из них — руки согнуты в локтях и подняты к лицу. Шесть таких случаев отмечено в могильнике Такталачук [90, с. 145]. Встречается такое положение рук и в захоронениях могильника Березки Vг [110, с. 151—154] и Тартышевского I могильника [184, с. 372—373]. Второй вариант — руки согнуты в локтях, кисти находятся на уровне грудной клетки, но несколько отодвинуты от нее. Девять случаев такого положения рук зафиксировано в Такталачукском могильнике [90, рис. 2,б,г,ж,з]. Встречается подобное положение рук и в могильнике Березки Vг. Третий вариант — обе руки согнуты в локтях (либо одна рука согнута в локте, другая — прямая) и подтянуты к области таза (либо лежат прямо на тазе или в некотором отдалении от него). Четыре раза такое положение рук прослежено в могильнике Такталачук [90, рис. 2,в,е,к] и один — в могильнике Березки Vг. И, наконец, четвертый вариант — обе руки согнуты в локтях, но одна подтянута к коленям, а кисть другой položена на локоть первой руки. Такое положение рук отмечено в трех захоронениях Такталачукского могильника [90, рис. 2,д,и] и в одном захоронении Тартышевского могильника [184, с. 373].

Степень скорченности ног удалось установить только в 25 захоронениях Такталачукского могильника [89, рис. 4—11] и в 9 погребениях могильника Березки Vг. Большинство погребенных в этих могильниках, по нашим подсчетам, имело слабую и среднюю скорченность ног, и только у четырех погребенных (погребения 170, 222, 145, 197) в могильнике Такталачук и у одного (оградка 6б) в могильнике Березки Vг отмечена сильная степень сгиба коленного сустава. Кроме того, в Такталачукском могильнике у восьми костяков (погребения 170, 222, 145, 266, 197, 329, 331) наблюдалась сильная степень сгиба ног в тазобедренных суставах. Возможно, эти случаи объясняются тугим пеленанием покойников³. Данные о степени скорченности погребенных в других могильниках фрагментарны. К. В. Сальников отмечает положение ног под острым углом к позвоночнику в погребении 2 кургана I Тартышевского I могильника [184, с. 372], что, вероятно, также является результатом тугого пеленания.

Ориентировка головы погребенных по странам света более устойчива. Восточная ориентировка (с отклонением на северо-восток и юго-восток) господствует в раннечеркаскульских могильни-

ках лесного Зауралья (Березки Vг — 89,1%, Перевозный Ia — 85,7% случаев всех погребенных), в позднечеркаскульском могильнике Такталачук I в Восточной Татарии (по нашим подсчетам, 83,3% всех погребенных). В слом межовлада же могильниках Красногорский I и Подгорные Байлары И преобладает ориентировка на запад — северо-запад.

Западная ориентировка только однажды отмечена в погребениях Березки Vг, причем в одной могиле (в оградке 16) были найдены два костяка с противоположными ориентировками (один лежал головой на запад, другой — на восток). Крайне нетипична для черкаскульского погребального обряда и меридиональная ориентировка. Головой на юг (юг — юго-восток) уложено только по одному погребенному в раннечеркаскульских могильниках Березки Vг и Перевозный Ia, по два умерших в позднечеркаскульском Такталачукском I могильнике. Северная (северо-восточная) ориентировка отмечена в четырех захоронениях Такталачукского могильника и в одном захоронении могильника Перевозный Ia.

Набор погребального инвентаря в черкаскульских могильниках достаточно устойчив. Это сосуды или их обломки (основная категория инвентаря), редко бронзовые украшения, орудия труда, оружие, костяные и глиняные изделия (в том числе глиняные блюда). Отмечено и безынвентарное захоронение в позднечеркаскульском Кинзеровском могильнике [113, с. 225].

Расположен погребальный инвентарь в могильниках по-разному. Сосуды обычно ставились возле головы погребенного, и только в двух погребениях Такталачукского могильника [90, с. 48] и в одном — могильника Березки Vг они обнаружены у ног. Размещение сосудов возле головы погребенного достаточно разнообразно. Сосуд мог ставиться как у лба, так и за затылком умершего. Если же в могиле было два сосуда, то они могли располагаться следующим образом: оба перед лицом; один перед лицом, другой за затылком. При захоронениях по способу трупосожжения в могилы обычно ставили по одному сосуду, реже по два; только в могилах могильников Ново-Бурино, Б. Караболка и ряде могил под курганами 5 и 12 могильника Приплодный Лог I отмечено по 4—7 сосудов [177, с. 172—174; 119, с. 64, 67]. Располагались эти сосуды в могилах по-разному, чаще всего они ставились в западной части могилы [177; 111; 113]. Кроме того, в трех могилах Туктубаевского [146, с. 155] и в одной Смолинского [8, с. 23] могильников вместе с сосудами были поставлены глиняные блюда, столь типичные для федоровских захоронений [171; 184, с. 284; 111, с. 156], но нигде больше не встреченные в черкаскульских погребениях. Эти блюда всегда ставились в восточной части могил, в то время как сосуды находились в западной части [111, с. 155].

Нередко погребальные сосуды преднамеренно раскалывались (либо вместо цельного сосуда помещались его обломки). Такие

случаи зафиксированы во всех черкаскульских могильниках. Подробнее речь об обычае многих сибирских народов помещать сломанные вещи в могилы пойдет в разд. 2.2.

Изделия из бронзы в погребальном инвентаре встречаются гораздо реже. Они обнаружены в двух могилах могильника Березки Vг и в одной — могильника Перевозный Ia, а также в восьми захоронениях Такталачукского [90, с. 148], в одном — Тартышевского I [184, с. 372] и в одном — Смолинского [8, с. 23] могильников. Эти изделия представлены как украшениями, так и орудиями труда и оружием.

Среди украшений чаще встречаются височные подвески. Они найдены в трех погребениях могильника Березки Vг, в двух — могильника Такталачук [90, с. 148] и в одном погребении могильника Перевозный Ia. Кроме подвесок в одной из могил могильника Березки Vг обнаружено семь трубчатых пронизок [110, с. 152—153], а также петлеобразная поделка из проволоки в погребении 2 Тартышевского I могильника [184, с. 372]. Еще одно украшение, в виде височной подвески с закрученным в спираль концом, найдено рядом с разрушенным погребением в оградке 16 могильника Березки Vг.

Орудия труда встречаются в могилах реже, чем украшения. При раскопках обнаружено семь ножей (у трех из них преднамеренно обломаны концы лезвий) в пяти погребениях Такталачукского могильника [90, с. 148], две иглы в могилах (по одной в каждой) могильников Березки Vг (причем у одной иглы ушко преднамеренно сломано) [110, с. 152—153] и Такталачук [90, с. 148] и одно шило в погребении 12 могильника Березки Vг.

Оружие зафиксировано только в одном погребении Такталачукского и в одном — Смолинского могильников. В Такталачукском — сейминское копьё [90, с. 148], в Смолинском — наконечник дротика [8, с. 23]. Изделия из кости (два наконечника стрел, по одному в могиле, и костяная трубочка) найдены только в трех погребениях Такталачукского могильника [90, с. 148]. В погребениях этого же могильника обнаружены пока единственные в черкаскульских могильниках каменные и костяные поделки — три кремневых наконечника стрел в могиле 300 и обломок глиняного прясла в погребении 255 [90, с. 148]. Из других категорий погребального инвентаря отметим еще оригинальные глиняные чаши на высоком поддоне в Кокшаровском I погребении [190, с. 107].

Обычно в одну могилу клали одну-две вещи из бронзы, камня, кости или глины. Так, например, в могильнике Березки Vг в могиле 12 найдены шило и височная подвеска, в могильнике Перевозный Ia в погребении под оградкой 4 — обломок височной подвески, в могиле 2 кургана I Тартышевского I могильника — медная согнутая петлеобразно. проводочка [184, с. 372], в погребении 190 могильника Такталачук — бронзовый нож и костяная

трубочка [90, с. 147] и т.д. Но есть и более богатые по инвентарю захоронения. Среди них выделяется погребение 300 Такталачукского могильника, где обнаружены нож, копье и кремневые стрелы [90, с. 147]. Две височные подвески и семь трубчатых пронизом найдены в могиле под оградкой 5 могильника Березки Vг. Наблюдается и определенная закономерность в расположении ряды категорий погребальных изделий относительно умершего. Височные подвески (могильники Березки Vг, Перевозный Ia, Такталачук) найдены в основном в районе головы, ножи (могильник Такталачук) — в районе рук.

Кроме вещей в ряде черкаскульских могильников обнаружены остатки погребальной тризны или заупокойной пищи в виде костей животных. Особенно часто кости животных встречаются в поздних черкаскульских могильниках лесостепного Зауралья в захоронениях по способу трупосожжения [177; 111; 113]. Нередки они и в могилах Такталачукского могильника (встречаясь, по нашим подсчетам, в 24,1% всех погребений). Здесь же в одном из погребений найдены кости рыб — единственная пока находка такого рода в черкаскульских погребениях [90, с. 146]. В остальных могильниках кости животных встречаются гораздо реже. Так, в могильнике Березки Vг кости животных отмечены только в могиле и под камнями оградки 13, в Тартышевском могильнике — только в южной половине насыпи кургана 2 [184, с. 373]. Вообще не встречаются кости животных в захоронениях могильника Перевозный Ia и Кокшаровском I погребении.

Видовой состав животных, используемых в погребальном ритуале черкаскульцев, довольно-таки стандартен. Прежде всего это мелкий рогатый скот в могильниках Березки Vг, Б. Караболка, Туктубаево, Тартышево I (обычно в могилу клали ребра или лопатки), затем лошадь в могильниках Березки Vг, Ново-Бурино, Туктубаево, Такталачук (в могилу клали ее ребра, реже подвздошную кость или бабки), а также крупный рогатый скот в могильниках Березки Vг, Такталачук, Туктубаево I (в могилу клали его ребра). И только в оградке 13 могильника Березки Vг в составе ритуальной погребальной пищи обнаружены кости диких животных. Здесь в могиле и под камнями оградки найдены кости от двух целых туш косули и задней ноги лося. В связи с этим отметим, что у хантов, манси и других народов Северной Азии в прошлом практиковалось иногда убийство любимых оленей при совершении погребальных обрядов (животных затем съедали за зажженного огня) [148, с. 62; 189, с. 175]. Кости лося и косули в погребальных жертвоприношениях (тризнах?) встречались и в некоторых могильных комплексах у населения, проживавшего на сопредельных Уралу территориях. Имеются в виду нижняя челюсть косули в кургане 3 срубной культуры у Светлого озера [211, с. 265—266], кости лося среди трех скоплений костей

животных в кургане 3 Еловского II могильника [127, с. 125], кость косули в могиле 2 кургана 96 карасукского могильника Малые Копены 2 [81, с. 34] и кости косули в кургане 1 алакульского могильника Камышное I [156, с. 229]. Интересно, что М. Ф. Косарев, отмечая широкое распространение культа лося у уральских и сибирских народов еще с глубокой древности, склоняется к мысли, что этот культ носил больше промысловый, нежели тотемный характер [102, с. 257—259; 104, с. 195].

И еще одно положение, которое следует оговорить особо. Схожесть отдельных черт погребальных обрядов у разных групп населения не всегда является результатом взаимовлияния этих групп (данная точка зрения в литературе высказывалась неоднократно). Так, например, обряд трупосожжения у некоторых групп черкаскульцев не следует рассматривать лишь как заимствование у федоровцев. Дело в том, что применение в погребальном ритуале огня известно у черкаскульского и межевского населения как на всей территории распространения, так и на всех этапах развития. Отсюда вполне логично предположить, что традиция использования огня при захоронении (в том числе и отдельные случаи сожжения трупов — обычай, который черкаскульцы, как и межевцы, может быть, применяли вне территории лесостепного Зауралья только при погребении некоторых племенных групп, как, например, в кокшаровском погребении) возникла у черкаскульцев независимо от федоровцев. Можно даже предположить, что этот обряд имел единые для населения обеих культур корни, уходящие в среду неолитического-раннебронзового населения Зауралья. В немногочисленных погребениях этой территории неолитического-энеолитического времени отмечались находки обожженных костяков, небольшие кострища над могилами, засыпка дна могил и костяков охрой, наличие которой рассматривают как проявление культа огня [31, с. 99, 100, 114—116; 16, с. 164—165; 17, с. 106; 261, с. 105—106; 30, с. 197—200; 154, с. 164; 156, с. 153—157]. Неполное сожжение трупа, вернее, разведение сильного огня над могилой, в результате чего часть костяков обгорела, зафиксировано в энеолитическом погребении 2 в оградке 23 могильника Березки Vг, т.е. непосредственно на той территории, где позднее возник раннечеркаскульский могильник [139]. Таким образом, использование черкаскульско-межевским населением способа трупосожжения (а если рассматривать шире — то применение огня в погребальном ритуале) не всегда, вероятно, следует объяснять только влиянием на черкаскульцев федоровцев (хотя такое влияние в лесостепном Зауралье, где черкаскульцы вступили в тесный контакт с федоровцами и, возможно, составляли с ними единые коллективы, безусловно, было). Этот обряд вполне мог возникнуть у черкаскульцев и независимо от федоровцев, уходя своими корнями в среду местного зауральского населения.

Труднее обстоит дело с решением вопроса о происхождении другого широко распространенного (если не господствующего) черкаскульцев способа захоронения: скорченно на правом боку, головой преимущественно на восток. Одна из главных причин этого — слабая изученность погребальных комплексов Урала и предшествующее неолитическое-раннебронзовое время. Такие комплексы единичны [178; 16; 125; 30; 236; 139] и только изредка образуют могильные группы [154; 156; с. 148—163]. Обращение же к неолитическим-раннебронзовым комплексам в плане решения вопроса о происхождении черкаскульского обряда захоронения необходимо в силу двух обстоятельств. Во-первых, большинство исследователей предполагает, что черкаскульская культура имеет зауральские истоки [184, с. 359; 98, с. 83; 102, с. 141; 197] с. 134—136, 144—146; 208, с. 54—63; 110, с. 159—160; 237; с. 17—18]. Во-вторых, черкаскульский способ захоронения (скорченно на правом боку головой на восток) резко отличается от способов захоронений, которые практиковались в эпоху поздней бронзы (XV—XII вв. до н. э.) у населения, жившего на сопредельных Среднему Зауралью территориях, и поэтому данный обряд не мог быть заимствован черкаскульцами извне, от каких-либо соседних инокультурных групп населения. Остановимся вначале на анализе второго обстоятельства.

В степной и лесостепной полосе Урала и Северного Казахстана черкаскульское население соседствовало с племенами алакульской культуры и контактировало с ними. Способ погребения у последних (скорченно на левом боку с преимущественной ориентировкой головы на запад [8, с. 5]) отличается от черкаскульского. Юго-западные и западные соседи — срубники — также хоронили своих покойников скорченно на левом боку, но головой преимущественно на север [184, с. 155—165]. Погребальный обряд ближайших соседей черкаскульцев на востоке — племен сузгунской культуры — практически неизвестен [102, с. 145]. Исключение составляют остатки двух погребений на городище Подчеваш в г. Тобольске, но позу погребенных, за исключением ориентации головы на северо-восток, проследить не удалось [202, с. 34—35].

Вряд ли правомерно, на наш взгляд, говорить, как это делает Н. Л. Членова, о родственности черкаскульского и ирменского обрядов захоронений на основании таких их общих черт, как незначительная глубина могил, наличие двух типов погребений — курганные и грунтовые захоронения (в насыпи или в погребенной почве), преобладание ориентации головы погребенных на южный или западный секторы и захоронение по способу скорченно на правом боку при незначительном проценте случаев трупоожжений, наличие кострищ в насыпях курганов или на уровне древнего горизонта между могилами и т.д. [223, с. 45; 225, с. 35—36]. Эта родственность, по мнению Н. Л. Членовой.

подкрепляется близостью черепов людей Красногорского I могильника, определенных А. В. Шевченко [230; 231, с. 175—181], к черепам людей карасукской и ирменской культур. Ошибка Н. Л. Членовой заключается в том, что она синхронизирует черкаскульские и межовские древности и считает памятники с черкаскульской и межовской керамикой однослойными [225, с. 31]. Черкаскульский погребальный обряд не мог возникнуть под влиянием карасукско-ирменского хотя бы потому, что раннечеркаскульские памятники старше ирменских. Первый тип памятников может быть датирован XIV, а возможно, и XV в. до н. э., в то время как даже ранние этапы ирменской культуры сейчас датируются не ранее чем концом XIII — началом XII в. до н. э. [124, с. 58—59]. К данным же антропологии при обосновании родственности черкаскульского и ирменского населения следует относиться осторожно. Во-первых, этих данных пока мало, так как в распоряжении антропологов имеются только небольшие серии костяков с Красногорского I [229; 231, с. 175—181] и Такталачукского могильников [168] и единичные черепа с могильников Тартышево I, Березки Vg, Перевозный Ia [6, с. 14; 232, с. 46]. Во-вторых, даже на основании этих данных выявлена морфологическая неоднородность различных групп черкаскусько-межовского населения [232, с. 47—49]. В-третьих, предполагаемая А. В. Шевченко карасукоидная природа в основе морфологических типов черкаскульцев и ирменцев вовсе не обязательно должна объясняться влиянием вторых на первых, причиной данного явления может служить, например, наличие генетически близких подоснов предшествующего неолитического-раннебронзового времени, на которых формировались черкаскульцы и ирменцы, или же влияние черкаскульцев на формирование культуры карасукского и ирменского круга, тем более что активные миграции черкаскульцев (см. гл. 3) шли и в юго-восточном от Урала направлении, доходя до Среднего Прииртышья (Инберень IV), Приобья (Старый Сад) и Алтая (Калиновка II).

Как уже отмечалось, существуют большие трудности и в установлении преемственности развития черкаскульского погребального обряда от обряда предшествующего неолитического-раннебронзового населения Среднего Зауралья. На возможную связь применения огня в погребальном ритуале и обряда кремации у черкаскульцев и федоровцев с традициями предшествующего им среднеуральского населения уже указывалось. Сложнее обстоит дело с черкаскульским обрядом захоронения скорченно на правом боку головой на восток.

На Урале известны только два погребения добронзового времени, совершенные по обряду захоронения в скорченном положении на боку. Это давлекановское погребение неолитического времени в Южном Приуралье и дружининское захоронение энеолитического времени в лесостепном Южном Зауралье. В первом погребенный

лежит в скорченном положении на правом боку головой на северо-запад, причем руки согнуты в локтях и подтянуты к лицу, а ноги согнуты в коленях [125], а во втором — в скорченном положении на левом боку головой на восток с небольшим отклонением к югу; ноги сильно согнуты в коленях, одна из рук сильно согнута в локте, и кисть ее положена у таза, другая согнута в локте почти под прямым углом, и кисть ее положена на локоть левой руки [236]. Особенно интересно в плане возможной, хотя и отдаленной преемственности с черкаскульским погребальным обрядом второе захоронение с сосудом сосновоостровского типа. Сосновоостровский тип керамики, по мнению М. Ф. Косарева, стоит у истоков орнаментальной традиции зауральского гребенчатого геометризма, в рамках которой впоследствии формируется и черкаскульская культура [102, с. 23—30]. Это во-первых. Во-вторых, здесь отмечен случай восточной ориентировки головы погребенного, столь свойственной для черкаскульских захоронений. Причем восточная ориентировка костяка в дружинском захоронении может быть вовсе не случайным явлением, если учитывать, что в одном из трех захоронений памятника Сосновый Остров погребенный лежит головой на восток с небольшим отклонением к северу [44, с. 166] (ориентировку двух других установить не удалось из-за плохой сохранности костяков). Восточную ориентировку, как уже отмечалось, имеет и коптяковское погребение в могильнике Березки Ve. Коптяковский орнаментальный комплекс, по мнению всех исследователей [181; 208, с. 56—58; 102, с. 77—84], генетически связан с предшествующими культурами раннебронзового времени лесного Зауралья и в то же время, как будет показано далее, родствен черкаскульскому типу посуды.

Таким образом, традиция хоронить умерших головой на восток прослеживается в Зауралье по крайней мере с переходного от неолита к бронзовому времени периода (сосновоостровский этап), и вполне возможно, что черкаскульский способ захоронения в скорченном положении на правом боку головой на восток сформировался в результате развития погребальных традиций местного среднеуральского населения и у черкаскульских групп населения стал одним из ведущих.

1.2. ИНВЕНТАРЬ И ДАТИРОВКА

1.2.1. Керамика

Черкаскульский тип керамики выделен и впервые описан К. В. Сальниковым [181, с. 11—14; 184, с. 354—359]. По мере обнаружения новых черкаскульских комплексов в различных районах распространения черкаскульских древностей анализом (на

описательном уровне) черкаскульского типа посуды занимались многие архесологи. В 1972 г. В. С. Стоколосом опубликована работа, представляющая собой первую попытку статистического анализа керамических комплексов нескольких как черкаскульских, так и межовских поселений, которая способствовала пониманию процесса развития во времени черкаскульского и межовского орнаментальных комплексов и созданию объективной колонки относительной хронологии поселений черкаскульского и межовского типов [197, с. 64—96].

А. Ф. Шориным был расширен круг черкаскульских памятников, подвергнутых статистической обработке. В него вошли наиболее массовые по керамическому материалу поселения Березки V, Перевозный I, Черкаскуль II, Дружный I, Березовское, Липовая Курья, Кокшарово I (рис. 17, 18). Статистическая обработка велась по методике, предложенной В. Ф. Генингом [46], но по сокращенной программе. Прежде всего учитывался анализ таких признаков, как элементы орнамента и техника орнаментации, так как именно они оказались наиболее информативными в плане понимания основных тенденций развития черкаскульского орнаментального комплекса. Результатом этой работы явилось выделение локальных вариантов черкаскульских древностей и создание колонки относительной хронологии крупнейших черкаскульских поселений, а на их базе и основных этапов развития этой культуры.

Переходя к непосредственной характеристике черкаскульского типа керамики, отметим, что для него характерна горшечная форма сосудов с округлой, обычно невысокой прямой шейкой, причем на ранних памятниках, как правило, утолщенной снаружи за счет дополнительного налепа. Шейка переходит в слабо раздутое тулово, которое приблизительно на середине или в последней трети высоты сосуда резко сужается ко дну. Дно обычно имеет закраину, а иногда и хорошо выраженный поддон, отчего сосуд нередко приобретает кубковидную форму (рис. 3, 5; 4, 7). Важно отметить такую технологическую особенность изготовления черкаскульских сосудов, как формовка дна и шейки из отдельных кусков глины и последующая лепка их к тулову. Места этой лепки хорошо видны в профилях разбитых сосудов. Подобная технология, по наблюдениям Е. Е. Кузьминой, была характерна и для федоровских гончаров [114, с. 68].

Орнаментальное поле на подавляющем большинстве сосудов покрывает верхнюю половину или две верхних трети внешней поверхности (верхняя зона) и придонную часть (нижняя зона). Эти зоны обязательно разделены между собой неорнаментированной полосой, но иногда на раннечеркаскульской посуде орнамент покрывает весь сосуд от шейки до дна (рис. 3). Венчик никогда не орнаментирован, дно иногда украшено узором, напоминающим

крест. Редко встречается и орнамент с внутренней стороны шейки. Некоторые сосуды, даже в раннечеркаскульских памятниках, вообще лишены орнамента [110, рис. 5, 2]. В верхней зоне, в зависимости от нанесенных орнаментальных композиций и наличия желобков на переходе шейки в плечико, играющих роль своеобразных разделителей, может быть, в свою очередь, выделены две подзоны: подзона шейки и подзона тулова. Подзона шейки обычно украшалась простой композицией, состоящей из одного-двух широких желобков в сочетании с треугольными фестонами и вдавлениями различных форм. На посуде позднечеркаскульских памятников эта подзона нередко украшалась орнаментом в виде наклонных лесенок, разделенных желобками (рис. 6, 9). В подзоне плечика, как правило, наносился меандр, в основе которого в раннечеркаскульский период лежали ромбы, зетовидные или уточко-, змейковидные фигуры, обрамленные желобками, или же меандр в виде -фигуры (рис. 3, 1, 2, 5, 6, 7). В позднечеркаскульский период в основу меандра была положена заштрихованная ломаная лента, иногда даже без желобчатого рифления (рис. 7, 4; 8, 3; 10, 1; 11, 2; 14, 1, 3, 7; 16, 1). Следует заметить, что все меандровые фигуры на черкаскульской посуде наносились на основе косой сетки, что характерно и для федоровского орнаментального комплекса [115, с. 51]. Но, в отличие от федоровцев, для черкаскульцев не характерны ступенчатые меандры и меандры, усложненные отростками. Кроме того (особенно на посуде позднечеркаскульских памятников), нередко место меандров в подзоне тулова занимали полосы горизонтальных зигзагов (рис. 6, 9; 12, 2), часто прочерченных [208, рис. 5, 2, 4, 5, 8, 12]. Нижняя орнаментальная зона довольно проста по сюжету: она образована одним—четырьмя горизонтальными широкими желобками (рис. 3). Редко встречается на черкаскульских сосудах принцип чередования зон, состоящих из двух-трех одинаковых элементов, — прием, свойственный коптыковскому орнаментальному комплексу.

В орнаментации черкаскульской посуды (рис. 18) господствуют желобчатые прочерчивания (от 21,4 до 30,4%), причем в поздние черкаскульские комплексы они имеют тенденцию к сужению. Часто употребляется среднегребенчатый штамп (от 10 до 23,1%) а также сочетание этих двух техник при нанесении меандров и ряда других сложных фигур (от 2,3 до 14%). Роль валиков (воротничков), резной и прочерченной техник и насечек на керамике всех черкаскульских памятников невелика (рис. 18 5—7). Практически не встречается и типичный коптыковский прием орнаментации углом гребенчатого штампа. Крайне редко при украшении черкаскульской посуды применялось сочетание среднегребенчатой и резной техник, но на позднечеркаскульской посуде такое сочетание отмечается чаще.

Таким образом, черкаскульский орнаментальный комплекс характеризуется прежде всего высоким удельным весом в орнаментации широких желобков (21,4—42,4%), относительно высокой ролью меандровых фигур (2,6—14,9%), треугольников и треугольных фестонов (7,4—10,3%). Но зато достаточно редко встречаются (или вообще отсутствуют) такие элементы, как елочка, валики (воротнички), заштрихованные ломаные полосы-ленты, наклонные отрезки и насечки, сгруппированные наклонные отрезки, наклонные лесенки (рис. 17, 6—15), которые, как будет показано ниже, хорошо представлены в межовском орнаментальном комплексе. На ряде черкаскульских памятников сравнительно высок удельный вес горизонтальных зигзагов (Черкаскуль II — 11,5%, Липовая Курья — 12,1%, Дружный I — 8,8%, Березовское — 9,2%, Кокшарово I — 19,7%) и треугольных вдавлений (Черкаскуль II — 10,2%, Липовая Курья — 17,9%) (рис. 17, 16, 19). Орнаментация ромбами, горизонтальными заштрихованными линиями, горизонтальными линиями, круглыми вдавлениями и ромбической сеткой (рис. 17, 4—6, 17, 18, 21) редко применялась на керамике всех рассматриваемых типов. В приемах нанесения узоров, как уже отмечалось, преобладают прежде всего желобчатые прочерчивания и среднегребенчатый штамп.

Помимо черкаскульского, на территории горно-лесного Зауралья отмечены еще два типа керамики эпохи поздней бронзы, связь которых (в хронологическом или генетическом плане) с черкаскульским орнаментальным комплексом безусловна. Это коптяковский тип керамики и посуда так называемого нерасчетленного типа [237, с. 11—12]. Кратко охарактеризуем их.

Коптяковский тип керамики выделен и впервые описан в 1964 г. К. В. Сальниковым [181, с. 7—10]. Дополнительная его характеристика приводилась в работах Л. П. Хлобыстина [208, с. 20—23, 55—56] и М. Ф. Косарева [102, с. 77—84].

Этот тип посуды характеризуется сосудами горшечной формы с мягким уступом или ребром, расположенным приблизительно на середине высоты сосуда. Шейки высокие, прямые или несколько отогнутые наружу. Срез их обычно плоский. Часто на венчике по внешнему краю имеется небольшое утолщение в виде выступа наружу (рис. 21, 2, 3). Орнамент занимает всю или большую часть внешней поверхности сосудов, заходя иногда на внутреннюю часть шейки. Узоры нанесены преимущественно среднегребенчатым штампом, но наравне в нем, нередко даже на одних и тех же сосудах, применялись техника прочерчивания острием палочки и резьба [181, с. 9]. Характерным приемом нанесения орнамента на коптяковской посуде являлись и треугольные вдавления углом гребенчатого штампа (рис. 21, 1—3; 22, 5). Орнаментальное поле сплошь заполняется рисунком, который состоит из ряда зон, как разделенных интервалами (обычно этими разделителями являлись

ряды горизонтальных прочерченных линий), так и без них. Зон нередко чередуются. Основными элементами орнамента являли горизонтальные зигзаги из нескольких рядов гребенчатого штампа и уголки, нанесенные углом гребенчатого штампа, причем последний элемент иногда располагался в несколько рядов или обрамлял другие фигуры (рис. 21, 3; 22, 5). Отмечены на коптяковской посуде пояски из вертикальных и наклонных оттисков гребенчатого штампа и ромбы, составленные из параллельных оттисков того же гребенки, обычно без обрамления (рис. 21, 2, 7, 8). Реже встречаются меандры, зетовидные фигуры, ромбическая сетка [181, с. 7—10], уточки [208, с. 56]. Керамика коптяковского типа имеет определенные территориальные различия. По наблюдениям М. Ф. Косарева, она наиболее насыщена орнаментом в южных памятниках Среднего Зауралья, менее — в северных, где геометризм идет на убыль [102, с. 80].

Исследователи отмечают генетическую связь коптяковского орнаментального комплекса с аятским типом керамики, фиксируя тем самым местные корни его происхождения [181, с. 9—10; 208, с. 56, 58; 102, с. 80—81], и подчеркивают, что он отличается от андроновской посуды и сложился независимо от нее [181, с. 102, с. 80] при участии, может быть, раннеалакульской (петровской) орнаментальной схемы [208, с. 56—57].

Наиболее полно коптяковский тип керамики представлен только на трех поселениях, расположенных в районе Исетского озера при г. Екатеринбург (Нижняя Макуша, Коптяки V) и в окрестностях г. Нижнего Тагила (верхний слой 6-го разреза Горбуновского торфяника), причем поселение Нижняя Макуша является единственным, у коптяковского типа посуды не сопутствует керамика других типов эпохи поздней бронзы [28, табл. 4]. Незначительные коптяковские керамические комплексы или отдельные черепки встречаются еще в ряде лесных уральских памятников, а именно на стоянке Береговая поселениях Новая III, Карасьем Озере I и II, Коптяки I—IV, Разбойничий Остров, Чесноковская Пашня, Калмацкий Брод, Липов Курья [98, рис. 2, 29; 102, с. 77—79; 208, с. 20—23, 59], Касли VI, Перевозный I, Черкаскуль II, Шайдуриха I, Кокшарово I, Юрьин IV (рис. 22) и др. Но на всех этих поселениях основными типами керамики являются черкаскульская или черкаскульско-федоровская, которым и сопутствуют коптяковские черепки. Известно только одно погребение с горшком коптяковского типа. Это погребение в могильнике Березки Ve (рис. 21, 8).

Кроме среднеуральского, М. Ф. Косарев и Л. П. Хлобыстин отмечают еще один район — Среднее Приобье, где встречается керамика, близкая по облику коптяковской [102, с. 80—81; 208, с. 56]. Возможно, что по своему происхождению коптяковская керамика Тюменского региона вовсе не связана со среднеуральской коптяковской. Сходство между ними может являться результатом

конвергентного развития родственного раннебронзового среднеуральского и притобольского населения в условиях перехода к новой эпохе, эпохе развитого бронзового века. Известна керамика, близкая по облику коптяковской, и в Среднем Прикамье, на поселении Заосиновское VII (раскопки В. П. Денисова).

Но выделенные К. В. Сальниковым и охарактеризованные еще раз в данной работе два основных орнаментальных комплекса посуды (коптяковский и черкаскульский) не исчерпывают всего многообразия вариаций керамики, встречающейся на памятниках горно-лесного Зауралья эпохи поздней бронзы. Поэтому хотелось бы остановиться на характеристике керамических комплексов еще ряда поселений (групп поселений), которые отличаются от вышеописанных типов керамики и могут являться самостоятельными типами или вариациями одного из двух основных типов.

В монографии М. Ф. Косарева, вышедшей в 1981 г., уже обращалось внимание на две самобытные группы керамики, условно объединенные этим исследователем в нижнетобольский вариант андроновской культурной общности. Они не укладываются полностью ни в один из двух отмеченных типов керамики [102, с. 112—116]. Для керамики первой группы характерны, по М. Ф. Косареву, островерхие сосуды, напоминающие по форме коптяковские, орнаментированные гребенчатым штампом и проташенной гребенкой, желобчатыми прочерчиваниями и вдавлениями углом гребенчатого штампа. В орнаментации преобладают геометрические узоры (треугольники, “уточки”) и меандры (ступенчатые, зетовидные, с основой в виде ломаной заштрихованной ленты), а также зигзагообразные полосы, узкие желобки. В тесто для таких сосудов добавлялся тальк. Керамика этого типа обнаружена на среднеуральских поселениях Коптяки V, Карасье Озеро II и ряде других [102, с. 112—114, рис. 40, 1—3, 5, 6, 8]. Она сочетает в себе коптяковские и федоровские черты. Для керамики второй группы также характерны горшковидные формы сосудов, но уже с плавным переходом от шейки к плечу. В тесте также отмечается примесь талька. Орнамент выполнялся с помощью тонкозубой аккуратной гребенки и желобчатых прочерчиваний, как узких, так и широких. Шейка орнаментировалась косыми треугольниками, иногда обрамленными “бахромой” в виде треугольных вдавлений, или ступенчатым меандром с основой в виде заштрихованных лент, двоянными или строеными широкими желобками. На тулове располагался сложный разветвленный меандр, нередко с основой в виде заштрихованных лент, окаймленных треугольниками, зигзагообразными полосами [102, с. 114—115, рис. 41]. Подобная керамика найдена на поселениях Чесноковская Пашня, Лужки, Черкаскуль II, Коптяки V, Калмацкий Брод, Карасье Озеро II и ряде других, где основной комплекс составляла черкаскульская и коптяковская керамика [102, с. 114—116]. По мнению М. Ф. Косарева, керамика второй группы

близка к классической федоровской, а по времени несколько моложе керамики первой группы [102, с. 114, 116].

Выделение этих групп керамики заставило исследователей обратить внимание на ряд уже раскопанных памятников и прежде всего на керамический комплекс поселения Коптяки V, где представлена керамика двух вышеуказанных групп, а кроме того, коптяковская и черкаскульская (последней немного). В ходе анализа керамики этого памятника было отмечено, что на ряде фрагментов посуды наблюдается органическое сочетание как коптяковских и федоровских, так и черкаскульских и федоровских черт. Кроме того, встречаются фрагменты, сочетающие традиции коптяковского и черкаскульского и даже коптяковско-черкаскульско-федоровского орнаментальных комплексов.

Коптяковские и федоровские черты сочетаются на фрагментах сосудов [102, рис. 40, 1, 2а, 8, 11; 41, 10, 14] коптяковской остросреберной или близкой к ней формы с высокой шейкой и уплощенным венчиком. Наряду с коптяковским орнаментом в виде треугольных вдавлений, выполненных углом гребенчатого штампа, незаштрихованных ромбов, состоящих из групп наклонных гребенчатых отрезков, округлых и уголовых вдавлений, они украшены и федоровскими косыми треугольниками, выполненными, правда, не тонкозубой гребенкой, а нарезкой, ступенчатыми меандрами, нанесенными как гребенкой, так и с помощью резной техники.

Черкаскульские и федоровские черты проявляются на фрагментах, имеющих, с одной стороны, типично черкаскульский орнамент на шейке в виде желобков, полуовальных вдавлений, а с другой — федоровский меандр с отростками, не обрамленный желобками, на плечике (рис. 25, 7). Этот орнамент характерен для черкаскульской орнаментальной схемы, но нанесен на посуде с высокой округлой шейкой, что более свойственно федоровским гончарным традициям (рис. 24, 2; 25, 1).

Сочетание коптяковских и черкаскульских черт наблюдается на тех фрагментах керамики, где коптяковская остросреберная форма посуды имеет округлый венчик — признак, более типичный для черкаскульских сосудов (рис. 24, 3, 7, 8); типичные для черкаскульской керамики желобки сочетаются с наклонными отрисками длинного гребенчатого штампа, употребление которого более характерно для коптяковцев (черкаскульцы применяли короткий, не более чем в 7 зубцов, штамп для нанесения наклонных отрезков); типичный черкаскульский орнамент нанесен на посуде с уплощенным венчиком и высокой шейкой (рис. 24, 12). Сочетание коптяковских и черкаскульских черт проявляется как в орнаментах, так и в форме (рис. 24, 6, 10—12; 25, 3, 4). В то же время в комплексе поселения Коптяки V встречаются фрагменты керамики в целом по облику коптяковские, но имеющие нехарактерный для этого типа округлый венчик (рис. 24, 4, 9, 10), или в целом

по облику федоровские, но с орнаментом, нанесенным способом резной техники (рис. 25, 9, 12).

К сожалению, стратиграфические и планиграфические наблюдения за залеганиями различных типов керамики на поселении Коптяки V не производились. Но в литературе есть данные [169, с. 68—69; 23, с. 208], что раскоп Н. А. Рыжникова по площади был небольшим (50 м в длину и 6—12 м в ширину), а его культурный слой — маломощным. При просмотре керамической коллекции этого памятника обнаружено, что наиболее крупные фрагменты, склеивающиеся в целые сосуды, принадлежат прежде всего сосудам коптяковского типа, а не тем, которые сочетали черты (в разных вариациях) коптяковского, черкаскульского и федоровского орнаментальных комплексов. При отмеченной маломощности культурного слоя и небольшой площади раскопа вряд ли может быть случайной разная степень фрагментарности сосудов различных типов. Не исключено, что употребление посуды коптяковского типа на поселении Коптяки V могло происходить на заключительных этапах функционирования памятника. А это значит, если наблюдения верны, что коптяковская посуда отложилась в культурном слое поселения позже, чем керамика, сочетавшая черты различных орнаментальных комплексов.

Поселение Коптяки V — не единственный памятник в Среднем Зауралье, где обнаружена керамика, сочетавшая в разных вариациях черты коптяковского, черкаскульского и федоровского орнаментальных комплексов. В этом плане интересен анализ керамических комплексов двух хорошо известных поселений Новая III и Калмацкий Брод, расположенных недалеко от поселения Коптяки V. Исследователи уже отмечали, что в целом черкаскульский по облику комплекс керамики поселения Новая III включает в себя федоровские черты [184, с. 358; 197, с. 82]. Действительно, высокая шейка сосудов, сложные меандровые узоры с отростками, нижнее поле которых обрамлено треугольниками, косые треугольники и т.д. [29, рис. 14; 197, рис. 32, 1—11] более характерны для федоровского орнаментального комплекса. В то же время ряд черт посуды этого поселения, например, такие пропорции сосудов, когда шейка составляет чуть ли не половину их высоты, зигзагообразные прочерченные полосы на шейке или плечиках, наконец, резная техника орнаментации наряду с гребенчатой (причем способом резной техники нередко наносились и федоровские меандры), может быть связан с коптяковской керамической традицией [29, рис. 14; 197, рис. 32, 1, 3]. Есть на этом поселении и типично коптяковская керамика. На поселении Калмацкий Брод, судя по опубликованным материалам [165, с. 64; 166, с. 40—41, рис. 13, 13, 14, 16, 17; 102, рис. 41, 7], также наблюдается сочетание на одних и тех же фрагментах черкаскульских и федоровских черт. В слоях этого памятника отмечены и коптяковские фрагменты [102 с. 77].

Можно назвать еще ряд памятников в Среднем Зауралье, где черты коптыковского, федоровского и черкаскульского орнаментальных комплексов в разных вариациях переплетаются на одних и тех же фрагментах посуды или же керамика всех трех комплексов залегает на территории одних и тех же поселений. Так, на поселении Карасье Озеро II коптыковско-федоровские фрагменты сопутствуют черкаскульской посуде [102, рис. 40, 5; 41, 10—13], на поселении Чесноковская Пашня отмечена черкаскульско-федоровская керамика [102, рис. 41, 1], на поселении Разбойничий Остров обнаружена черкаскульская и коптыковская посуда [165, рис. 20, 17, 20]. Федоровские черты (косые треугольники) встречаются и в орнаментации посуды аргазинского черкаскульского поселения Б. Липовый I и могильника Березки Vg (рис. 3, 2). На территории этого же могильника обнаружено одно захоронение с сосудом коптыковского облика (рис. 21, 8).

Таким образом, на ряде памятников Среднего Зауралья можно выделить в качестве самостоятельного еще один тип керамики, главной особенностью которого является сочетание черт коптыковского, черкаскульского и федоровского орнаментальных комплексов в разных их вариациях (коптыковско-черкаскульские, коптыковско-федоровские, коптыковско-черкаскульско-федоровские фрагменты). Назовем пока условно (в качестве рабочего понятия) данный тип керамики нерасчлененным типом. Без сомнения, этот тип посуды близок по времени существования коптыковскому, черкаскульскому и федоровскому орнаментальным комплексам и тесно с ним связан.

Заканчивая характеристику основных типов керамики, особо следует отметить, что основной примесью к глине при изготовлении среднеуральским населением глиняной посуды являлся тальк. Особенно много талька добавлялось в глину посуды невьянско-миасского региона. Насыщенность ее тальком настолько велика, что фрагменты сосудов на ощупь жирные. Тальковая примесь в посуде среднеуральского населения настолько специфична, что может служить своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей доказать пришлый характер среднеуральского черкаскульского и межевского населения на сопредельных горно-лесному Зауралью территориях. Более того, наличие или отсутствие в черкаскульской или межевской посуде сопредельных горно-лесному Зауралью территорий тальковой примеси в известной мере свидетельствует о давности освоения конкретного региона населением рассматриваемых культур. Если тальк в посуде сохраняется, то можно утверждать, что данная группа черкаскульцев или межевцев проникла на эту территорию недавно. Если же тальковая примесь заменена на другую, характерную для посуды данного региона, значит со времени освоения черкаскульцами или межевцами этого региона прошел уже определенный промежуток времени. Такие ситуации хорошо фиксируются в памятниках Северного Казахстана [73].

с. 43; 78, с. 76], лесостепной Башкирии [184, с. 366], степного Южного Урала [119, с. 72—73]. Нам их приходилось наблюдать при раскопках ряда поселений (Дружный I, Алабуга I (хутор Андроник), Нечунаево II и др.) в лесостепных районах Южного Зауралья и Среднего Притоболья, а также в лесостепном Приуралье при исследовании межовских памятников.

1.2.2. Инвентарь

Инвентарь черкаскульской культуры представлен изделиями из бронзы, кости, камня и глиняными поделками.

К бронзовым изделиям, обнаруженным в закрытых (условно закрытых) комплексах и найденным случайно в зоне распространения черкаскульских древностей, относятся орудия труда, оружие и украшения. Орудия труда и оружие представлены следующими категориями предметов: наконечниками копий, кельтами, вислобушным топором, серпами, ножами и кинжалами, наконечником стрелы, иглами и шильями.

Наконечники копий подразделяются на два типа: с пламевидным пером и короткой круглой втулкой, с ромбическим стержнем.

Наконечник копья с пламевидным пером и короткой круглой втулкой, близкий по форме наконечникам копий сейминского типа, найден в погребении 300 позднерчеркаскульского могильника Такталачук [89, с. 102—103, рис. 22, 17].

К наконечникам копий с ромбическим стержнем относятся пять экземпляров, три из которых случайно найдены в различных районах Среднего Зауралья [219, рис. 46, 2; 234, с. 52—53, рис. 1, 1, 3], один обнаружен на поселении Калмацкий Брод [219, рис. 46, 1], где имеются комплексы керамики нерасчлененного типа, и один — на лесостепном южноуральском поселении Коркино I, где наряду с алакульской и федоровской [213] есть и позднерчеркаскульская посуда (рис. 7; 8, 3, 7). Из пяти копий этого типа три (случайные находки у оз. Аргазы в районе г. Каменска-Уральского [234, рис. 1, 1, 3], а также коркинское) очень близки по форме и даже по такой особенности, как раструб на втулке, и отличаются только размерами. Не исключена связь этих копий с черкаскульскими комплексами.

Вислобушный топор с узким лезвием и тонким обухом обнаружен в 6-м разрезе Горбуновского торфяника [166, с. 33; 219, рис. 50, 3], где присутствует и черкаскульская посуда [165, рис. 19, 2, 3, 5, 7], поэтому не исключена его связь с черкаскульскими комплексами.

Самуьско-кижировские кельты представлены четырьмя экземплярами, причем все они богато орнаментированы. На двух кельтах хорошо выражены ложные ушки, а на остальных такие ушки намечены [219, рис. 47, 54, 55]. Один из этих кельтов обнаружен на аргазинском поселении Сигаево III [234, с. 52—53, рис. 1, 2], где имеется черкаскульская посуда. Три других

найлены при случайных сборах с поверхности, но в зоне распространения черкаскульских древностей (оз. Березовое и Полевские да на юге Свердловской области, д. Сулем на р. Чусовой в Пригородно районе той же области), поэтому связь их с черкаскульскими комплексами не исключена. Кроме того, на Береговой I стояни обнаружен обломок литейной формы для отливки кельта сейминского типа, а на Кокшаровском I поселении — литейная форма для отливки кельта самусьско-кижировского типа [190, с. 103], которые такж вероятно, использовались черкаскульскими бронзолитейщиками.

Крюкастые серпы представлены четырьмя экземплярами и близк к серпам срубного типа, но изогнутость их лезвия обычно слаба. Д экземпляра обнаружено в позднечеркаскульских жилищах поселени Явленка I [74, с. 46, рис. 4, 1] и Юкаликулево [55, рис. 4, 10], один на поселении Чесноковская Пашня, где имеется и черкаскульск посуда [184, с. 358, рис. 58, 15], и один — в случайных сборах районе оз. Песчаного недалеко от г. Екатеринбурга [184, рис. 58, 14 Видимо, все эти серпы использовались черкаскульским населением.

Ножи являются самой массовой категорией бронзовых изделий в ареале распространения черкаскульских древностей. Выделяется по крайней мере, шесть их разновидностей.

Наиболее многочисленны ножи срубного типа с перекрестье Пять таких ножей найдено в захоронениях позднечеркаскульско могильника Такталачук [89, рис. 22, 11—15], один — в поздн черкаскульском жилище поселения Явленка I [74, рис. 4, 3], ет один — при случайных сборах у оз. Березового [184, рис. 58, 1 219, рис. 58, 31], в районе которого расположено черкаскульск березовское Березовское поселение [173].

Двухлезвийные ножи с массивным и расширенным к пят черенком представлены тремя экземплярами. Два из них обнаруж но на черкаскульско-межовском поселении Юкаликулево [55, с. 5 рис. 4, 4] и один — в районе Исетского озера [219, рис. 57, 7], т имеются поселения и черкаскульского, и межовского типов.

Из трех ножей с намечающимся трапециевидным черенком од обнаружен в погребении 72 позднечеркаскульского могильника Та талачук [89, рис. 22, 10], а два — при случайных сборах в райо Ирбитского озера и Шигирского торфяника, причем оба изготовлен из металла группы ЗаУ [219, с. 169, рис. 56, 34—35], возможна связь с черкаскульскими или раннемежовскими комплексами.

В могиле 300 позднечеркаскульского могильника Такталач обнаружен нож с пологим переходом от широкой рукоятки клинку и плоским краем тыльной стороны рукоятки, близки нолам сейминского типа [89, с. 102—103, рис. 22, 9]. Еще од нож с параллельными краями лезвий (турбинского типа) найден районе с. Воскресенского на юге Свердловской области, причем изготовлен из металла группы ЗаУ [219, с. 170, рис. 56, 12], ч делает вероятной связь этого ножа с черкаскульскими комплексам

Оригинальный тип однолезвийного ножа с раздвоенной рукояткой и закругленной спинкой найден в позднечеркаскульском жилище поселения Явленка I [74, с. 46, рис. 4, 2]. Вероятна связь с черкаскульскими комплексами и раннего по форме двухлезвийного ножа с достаточно длинным прямоугольным черенком (рис. 54, 13), обнаруженного случайно в районе с. Березовского, близости от которого расположено Березовское поселение, где имеется и черкаскульский слой [173].

Наконечники стрел представлены двумя экземплярами [184, рис. 58, 10—11; 111, с. 162—163, рис. 4, 2] из черкаскульско-межовских поселений Межовское и Березовское. Наиболее вероятно их связь с позднечеркаскульскими комплексами, так как подобные крупные втульчатые двухлопастные стрелы обнаружены еще в кургане 4 Смолинского могильника и на Садчиковском поселении [111, рис. 4, 13] — памятниках, содержащих посуду позднечеркаскульского облика [8, табл. V, 10; 106, рис. 12, 8; 17, 2; 22, 11].

Иглы и шилья, как и ножи, являются самыми распространенными находками в памятниках черкаскульского периода. Они обнаружены в раннечеркаскульских погребениях в оградках 5, 12 могильника Березки Vg [110, рис. 3, 16], в позднечеркаскульских комплексах липовокурьювского жилища [208, с. 37, рис. 15, 5] и могильника Такталачук [89, рис. 22, 8], на позднечеркаскульско-межовском поселении Юкаликулево [55, рис. 4, 5].

Украшения, найденные в черкаскульских комплексах, представлены прежде всего височными подвесками, а также трубчатыми пронизками, бляшками и рядом других изделий.

Височные подвески можно разделить на три основных разновидности: подвески в полтора оборота В-образные в сечении, обычно орнаментированные группами (от 4 до 9 насечек в группе) косо поставленных насечек; подвески в полтора оборота, но круглые в сечении (два экземпляра таких подвесок обнаружены в погребении 328 позднечеркаскульского могильника Такталачук) [89, с. 84, 103—104, рис. 22, 1] и подвески с закрученным в спираль концом, У-образным в сечении. Последний тип подвесок представлен одним экземпляром, найденным рядом с разрушенной оградкой 16 раннечеркаскульского могильника Березки Vg.

Наиболее многочисленна первая группа подвесок, которая насчитывает восемь экземпляров. По две такие подвески найдено в погребениях в оградке 5 раннечеркаскульского могильника Березки Vg, в оградке 4 могильника этого же времени Перевозный Ia [110, с. 152, 153, рис. 3, 14], в могиле 68 позднечеркаскульского могильника Такталачук [89, рис. 22, 2] и по одной — в погребении 12 могильника Березки Vg и на позднечеркаскульском поселении Юкаликулево [55, с. 52, рис. 4, 13].

Трубчатые пронизки в количестве семи штук отмечены только в одном погребении раннечеркаскульского времени: в оградке 5 могильника Березки Vg [110, рис. 3, 15].

Изделия из камня представлены литейными формами, в том числе и для отливки нескольких орудий, в частности втульчатого долота с богатой орнаментацией из жилища поселения Липовая Курья [208, с. 35—36, рис. 15, 1, 2, 4], наконечниками стрел, имеющих треугольную или треугольно-вытянутую форму с прямым и вогнутым основанием (рис. 19), скребками на отщепах, обычно округлой формы, тщательно обработанных плоской отжимной ретушью как со спинки, так и с брюшка (рис. 20, 1—10), рыболовными грузилами с одним или двумя взаимопересекающимися желобками [102, с. 136, рис. 50, 11, 15; 52, 2] и другими предметами (рис. 20, 11—13).

Разнообразным у черкаскульцев, видимо, был и набор глиняных изделий. Кроме посуды из глины изготавливались литейные формы для отливки бронзовых предметов (обломок такой формы для изготовления кельта сейминского типа обнаружен Д. Н. Эдингом [239, рис. 10, 2] в культурном слое Береговой I стоянки), рыболовные грузила с одним или двумя взаимопересекающимися желобками [102, с. 136, рис. 50, 14], знаменитые горбуновские тарелки-блюда, оригинальные сосуды, обнаруженные в Кокшаровском I погребении [190, с. 107], вюрфели с насечками по граням, найденные на поселениях Липовая Курья [208, с. 28—30, рис. 9, 12, 15; 12, 1—4], Коркино I [213], Черемуховый Куст [67] и др. (рис. 64).

К наиболее массовой категории глиняных поделок принадлежат глиняные диски, изготовленные из обломков сосудов. Обычный их диаметр равен 3,5 см, но встречаются диски диаметром 5—6 см, одни из них имеют отверстие в центре, другие же сплошные, без отверстия. В литературе эти предметы принято называть пряслицами, но возможно, что у дисков без отверстий в центре было иное функциональное назначение.

Внешне похожими на пряслица, но отличающимися от них формой (она, как правило, близка трапецевидной) и расположением отверстия (одного или двух) не в центре, а в углах или в основании трапеции являются поделки из глины (или из фрагментов керамики), которые, на наш взгляд, следует рассматривать как амулеты или украшения. Часть из них не имеет отверстий. Возможно, поделки без отверстий служили заготовками для изготовления таких украшений (амулетов) или же использовались в чисто утилитарных целях: при их помощи могло производиться лощение и нанесение желобков на сосудах.

Среди костяных изделий следует прежде всего отметить два черешковых наконечника стрел с ромбическим в сечении пером длиной 8,5 и 9,5 см и трубочку-свирель, изготовленную из кости ног цапли, найденные в погребениях позднечеркаскульского могильника Такталачук [89, с. 103—104, рис. 22, 6, 7]. Л. П. Хло

быстин с позднечеркаскульским периодом существования поселения Липовая Курья связывает роговое долото, боковые грани которого в обушковой части сходятся на клин и слегка вогнуты для удобства крепления в деревянной рукоятке; вдавление от той же рукоятки заметно на правой грани долота. Заклиненное в рукоятку тесло удерживалось штырем, проходившим через специально сделанное круглое отверстие; лезвие тесла имело сильную забитость [208, с. 36—37, рис. 15, 3]. Очевидно, обнаружен далеко не весь ассортимент изделий, изготавливаемых черкаскульскими мастерами, но выделение всех каменных, костяных и глиняных поделок черкаскульцев на многослойных и нестратифицированных поселениях горно-лесного Зауралья сопряжено с большими трудностями.

1.2.3. Периодизация и хронология

Приведенная ранее характеристика основных орнаментальных комплексов (их выделил еще К. В. Сальников, а позднее правомерность этого выделения была обоснована статистическими данными) позволяет наметить определенные хронологические тенденции изменения единой орнаментальной традиции, названной М. Ф. Косаревым традицией гребенчатого геометризма (или андронидной) и возникшей еще в раннебронзовое (аятское) время [100, с. 9; 102, с. 27], на протяжении всей эпохи поздней бронзы. Эти тенденции прослеживаются по всем показателям, характеризующим керамические комплексы. Острореберные сосуды (коптяковский тип) заменяются сосудами той же горшечной формы, но с плавным профилем тулова (черкаскульский тип), имеющего тенденцию, как это будет показано в разд. 2.2, к увеличению раздутости (межовский тип) и даже появлению округлого дна (березовский тип). В орнаментации происходит ослабление насыщенности узорами поверхности сосудов (у коптяковских и черкаскульских орнамент покрывал всю или большую часть поверхности, а у межовских и березовских он наносился преимущественно в верхней части). Орнаментация в целом обедняется, упрощаются сами узоры (от коптяковских и черкаскульских к межовским и березовским), изменяется удельный вес одних и тех же орнаментальных приемов на разных этапах развития этой традиции: к концу бронзового века уменьшается роль желобчатых узоров, меандровых фигур, геометризма и возрастает роль валиков, елочки, наклонных отрезков, насечек, горизонтальных линий и зигзагов в орнаментации и роль техники нарезки в нанесении орнамента⁴. Исходя из этого в горно-лесном Зауралье можно выделить четыре хронологические группы памятников, последовательно сменявшие друг друга в период позднего бронзового века. Две из них характеризуют этапы развития черкаскульской культуры.

В первую (раннюю) хронологическую группу входят поселения Березки V и Перевозный I, а также связанные с ними могильники

Березки Vг и Перевозный Ia. Комплексы названных могильников характеризуются высоким удельным весом в орнаментации широких желобков (40,7%)⁵, треугольников и фестонов (10%), меандров причем выполненных в абсолютном большинстве на ромбической уточко-, змейковидной, зетовидной, зигзаговой и -основах техникой гребенчатого штампа и обрамленных желобками (12,9%) господством при нанесении узоров желобчатой (43,5%) и гребенчатой (17,1%) техник, заполнением орнаментом всей или большей части поверхности сосудов (рис. 3), отсутствием таких поздних узоров, как елочка, валики и провесок в виде наклонных отрезков гребенчатого штампа к нижнему краю орнаментального поля.

Похожими характеристиками обладают и керамические комплексы поселений Березки V и Перевозный I (рис. 17, 18). В их орнаментации сравнительно много желобков (соответственно 42, и 42,4%), меандров (10,4 и 14,9%), треугольников и треугольных фестонов (10,3 и 8,1%), но мало валиков (4 и 3,3%), елочки (1, и 2,2%), наклонных отрезков (5,7 и 7,2%) и других поздних элементов орнамента. В технике орнаментации преобладают же лобчатые прочерчивания (38,1 и 37,9%), гребенчатый штамп (23,1 и 17,7%) и сочетание этих двух техник при нанесении сложных (типа меандра, оконтуренного желобками, треугольников, наклонных лесенок) элементов орнамента (9,7 и 10,6%). Удельный вес поздних приемов орнаментации — резной техники прочерчиваний и насечек — невелик (соответственно 2,7 и 4,0% 4,7 и 3,5%). Очень высоки парные коэффициенты сходства эти поселений (табл. 1, 2). По элементам орнамента этот коэффициент равен 88,7%, а по технике орнаментации — 90,4%, что также подтверждает синхронность керамических комплексов поселений Березки V и Перевозный I.

Коэффициенты сходства между этими поселениями и могильником Березки Vг несколько ниже. По элементам орнамента они составляют 78,3 и 78,5%, а по технике — 81,6 и 85,9%. Причина этого кроется, возможно, в большей вариабельности наборов элементов орнамента техники орнаментации на керамике поселенческих комплексов.

К этой же хронологической группе следует относить, видимо, еще ряд черкаскульских комплексов поселений Б. Липовый I Коптяки V (рис. 5, 12—14) и других поселений горно-лесного Зауралья, не подвергнутых пока статистической обработке.

Вторую хронологическую группу составляют черкаскульские комплексы поселений Березовское, Дружный I, Черкаскуль II Липовая Курья. Для керамики этих памятников характерна тенденция к уменьшению в орнаментации удельного веса желобков (соответственно по памятникам 32,2, 33,6, 38,4, и 37,1%) и возрастанию роли более поздних элементов, таких как горизонтальные зигзаги (6,8, 9,1, 11,5 и 12,1%) и подтреугольные вдавления (13,9, 12,5, 11,5 и 19,6%). В основе всех меандро-

лежит заштрихованная ломаная лента (рис. 5, 5; 7, 4; 8, 3; 10, 1, 5; 11, 2; 13, 1, 5, 6; 14, 1, 3, 7; 16, 1). Кроме того, нередко вместо меандра на плечиках наносятся ряды горизонтальных зигзагов (рис. 4, 7, 13; 6, 9; 12, 2).

Определенные изменения происходят в технике орнаментации посуды. Здесь все большую роль приобретают такие приемы, как вдавления (Березовское — 19,4%, Дружный I — 19,2%, Черкаскуль II — 15,4%) и нарезки (Березовское — 8,6%, Черкаскуль II — 17,9%) при уменьшении удельного веса гребенчатого штампа (рис. 18). Коэффициенты сходства между памятниками второй хронологической группы колеблются от 70,2 до 81,8% по элементам орнамента (см. табл. 1) и от 79,1 до 81,1% по технике его нанесения (см. табл. 2), причем большие коэффициенты сходства имеют поселения Березовское и Дружный I (по элементам — 81,8%, по технике — 81,1%) и Черкаскуль II и Липовая Курья (по элементам — 81,4%, техника орнаментации поселения Липовая Курья статистически не обработана). Определенные различия орнаментальных комплексов этих двух групп памятников (с одной стороны — поселения Березовское и Дружный I, с другой — поселения Липовая Курья, Черкаскуль II) объясняются, видимо, прежде всего тем, что они расположены в разных регионах Зауралья: Черкаскуль II и Липовая Курья в лесном Зауралье, Березовское поселение на границе леса и лесостепи в восточных районах Среднего Зауралья, Дружный I — на границе лесостепного и степного Зауралья.

Таблица 1

Матрица парных коэффициентов сходства по элементам орнамента керамики черкаскульских поселений Среднего Зауралья, %

Поселение	Ранний этап				Поздний этап		
	Перевозный I	Березки V	Березовское	Дружный I	Липовая Курья	Черкаскуль II	Кокшарово I
Перевозный I	—	88,7	76,6	72,6	70,0	71,7	47,8
Березки V	88,7	—	74,6	73,5	72,9	69,6	52,4
Березовское	76,6	74,6	—	81,8	77,4	70,2	50,5
Дружный I	72,6	73,5	81,8	—	80,6	73,9	59,7
Липовая Курья	70,0	72,9	77,4	80,6	—	81,4	53,3
Черкаскуль II	71,7	69,6	70,2	73,9	81,4	—	48,8
Кокшарово I	47,8	52,4	50,5	59,7	53,3	48,8	—

**Матрица парных коэффициентов сходства по технике
орнаментации керамики черкаскульских поселений
Среднего Зауралья, %**

Поселение	Ранний этап				Поздний этап	
	Березки V	Перевозный I	Дружный I	Черкаскуль II	Березовское	Кокшарово I
Березки V	—	90,4	80,5	76,3	70,5	49,2
Перевозный I	90,4	—	86,2	81,1	76,4	53,9
Дружный I	80,5	86,2	—	79,1	81,1	58,3
Черкаскуль II	76,3	81,1	79,1	—	80,8	59,9
Березовское	70,5	76,4	81,1	80,8	—	58,9
Кокшарово I	49,2	53,9	58,3	59,9	58,9	—

Ко второй хронологической группе следует отнести и черкаскульский комплекс Кокшаровского I поселения и погребения, 1 как на посуде этих памятников больше позднечеркаскульски нежели раннечеркаскульских черт: невысокий удельный вес орнаментации широких желобков (21,4%), наличие меандр основой в виде заштрихованных ломаных лент (рис. 13, 1, 5, 14, 1, 7), отсутствие треугольников и треугольных фестонов 1 высоком удельном весе горизонтальных зигзагов (18,9%) и лин (6,4%), уменьшение в технике нанесения узоров доли желобчат прочерчиваний (21,4%) и гребенчатого штампа (10%), но воз-
стание доли резной и прочерченной техник (13,2%). В эту хронологическую группу, вероятно, входит и подавляющая ча черкаскульских памятников, расположенных за пределами Средн Зауралья: поселения Алабуга I (хутор Андроник) (рис. 11, 2, Коркино I (рис. 7; 8, 3, 7), Мирный II (рис. 8, 1, 2, 4—6, 8, Тавлыкаево [134, рис. 4, 1], Юкаликулево [55, рис. 7, 1—6—8], Язево I [74, рис. 3, 12], Шукубай II [65, рис. 3, 7, 9, 1 Камышное II [156, рис. 9, 1—4, 6—9; 28, 1—10, 12], Явленки [74, рис. 3, 12], Шукубай II [65, рис. 3, 7, 9, 12], Дружный (рис. 6), Кинзерово [111, рис. 1, 9—12; 113, рис. 2, 6, 8, Приплодный Лог I [119, рис. 6, 7], Такталачук (рис. 4, 1—12) другие (рис. 9, 1—7; 10, 1—6). Керамические комплексы эт памятников статистической обработке на подвергались, но особи ности орнаментации сближают их с посудой среднеуральск памятников второй хронологической группы.

Выявление абсолютного возраста выделенных хронологическ групп памятников (этапов развития черкаскульской культур связано с определенными трудностями. Они объясняются, во-п

вых, немногочисленностью на сегодняшний день радиоуглеродных датировок черкаскульских древностей; во-вторых, малочисленностью в закрытых и полузакрытых комплексах (могильники, однослойные поселения) датирующих категорий инвентаря (сейминско-турбинских, самусьско-кижировских бронз и т.д.); в-третьих, слабой разработанностью вопросов датировки ряда археологических культур сопредельных Среднему Зауралью территорий, например, андроновской (федоровской), алакульской, срубной, с которыми черкаскульское население имело определенные связи.

К настоящему времени известны четыре радиоуглеродные даты, причем все они относятся к поселениям и могильникам позднечеркаскульского этапа (вторая хронологическая группа) черкаскульской культуры. Это дата с поселения Липовая Курья в пределах 3050 ± 60 лет назад [208, с. 50], т.е. XIII—XI вв. до н. э., дата из слоя Зуево-Ключевской стоянки 3210 ± 150 лет назад, т.е. XIV—XI вв. до н. э. [48, с. 137], две даты из погребений кургана 32 могильника Туктубаево, одна из которых — 1070 ± 60 лет до н. э., т.е. XII—XI вв. до н. э., другая — 1230 ± 70 лет до н. э., т.е. XIII—XII вв. до н. э. [111, с. 163], и дата по торфу с позднечеркаскульской-раннемежовской Кокшаровско-Юрьинской стоянки — 3280 ± 40 лет назад⁶, т.е. XIV—XIII вв. до н. э. Таким образом, большинство этих дат укладывается в хронологический отрезок времени, датируемый XIII—XII вв. до н. э. Видимо, этим временем следует датировать и поздний этап развития черкаскульской культуры.

Интересно отметить, что приблизительно этим же хронологическим диапазоном многие исследователи определяют время появления черкаскульцев на сопредельных горно-лесному Зауралью территориях. Так, распространение черкаскульского населения в Среднем Притоболье Т. М. Потемкина датирует XIII—XII вв. до н. э. [156, с. 228]. Позднечеркаскульский по материалу могильник Такталачук Е. П. Казаков на основании ряда вещей сейминского облика относит к третьей четверти II тыс. до н. э. [89, с. 140]. Ю. А. Морозов датирует срубное Тавлыкаевское поселение горно-лесной Башкирии, где в жилище I присутствует и позднечеркаскульская по облику посуда, вторым этапом срубной культуры, т.е. XIII—XII вв. до н. э. [134, с. 38, рис. 11, 9—18; 4, 1, 2]. Н. Я. Мерперт временем конца третьей — самого начала четвертой четверти II тыс. до н. э. датирует Сусканское I поселение в Поволжье, на котором имеется позднечеркаскульско-федоровский комплекс [130, с. 136, рис. 18, 1, 5]. С. Я. Зданович появление позднечеркаскульской по облику керамики на территории Северного Казахстана определяет временем около XII—XI вв. до н. э. [177, с. 17]. Наконец, В. С. Стоколос датирует черкаскульские памятники Черкаскуль II, Замараево, Новая III, Липовая Курья временем между XIII—XI или XII—XI вв. до н. э. и отмечает, что в XIII—XII вв. до н. э. происходит сдвиг черкаскульского населе-

ния к югу [197, с. 91—95, 130]. Таким образом, большинство исследователей склонно датировать появление поздних черкаскульцев на сопредельных горно-лесному Зауралью территориях XIII—XI вв. до н. э., что в целом не противоречит и предложенной датировке позднечеркаскульских комплексов горно-лесного Зауралья XIII—XII вв. до н. э.

Исходя из этой датировки позднечеркаскульских памятников как на территории горно-лесного Зауралья, так и в сопредельным ему районах, памятники раннечеркаскульского этапа следует датировать временем не позднее XIII в. до н. э., т.е. XV—XIV вв. н. э. Но начальную дату формирования черкаскульской культуры следует “согласовать” с временем существования памятников коптяковского и нерасчлененного типов, так как эти памятники в целом должны предшествовать черкаскульским (отчасти бы синхронными с ними). Сейчас в литературе принято датировать коптяковские комплексы периодом XVI—XIV вв. до н. э. [10 с. 81] или XVI(XV)—XIV вв. до н. э. [208, с. 58] исходя из генетической близости их, с одной стороны, аятским древностям, другой — черкаскульским. Датировка коптяковских древностей XVI—XIII вв. до н. э. необоснованно расширяет рамки существования. Исследователи, определяя конечную дату существования памятников коптяковского типа XIV или XIII в. до н. э. исходили из устоявшейся к 70-м гг. нашего столетия датировки начального периода черкаскульской культуры XIII в. до н. э. [19 с. 94; 100, с. 26], в крайнем случае — XIV в. до н. э. [208, с. 5]. Но такая датировка начальных этапов черкаскульской культуры была выведена на основании анализа поселений Липовая Курь, Черкаскуль II, могильника Туктубаево и др., которые, как уже показано, являются позднечеркаскульскими. Интересно отметить, что даже при обосновании датировки начального этапа черкаскульской культуры XIII в. до н. э. В. С. Стоколос отмечал, что “в ранних черкаскульских памятниках. Можно лишь предположить, что их поиски должны быть сосредоточены в лесных районах Урала и Зауралья, то есть там, где известны поздние памятники этого типа” [197, с. 136]. Таким образом, этот исследователь исключал возможности выявления черкаскульских древностей, датируемых периодом ранее XIII в. до н. э., и обнаружения именно в районах лесного Зауралья. Теперь такие раннечеркаскульские памятники найдены, и это заставляет отодвинуть начальную дату возникновения черкаскульской культуры в период ранее XIII в. до н. э. В связи с этим верхняя граница древности коптяковского типа должна быть гораздо древнее. Кроме того, при определении хронологических рамок существования памятников коптяковского типа следует учитывать, что подобные комплексы горно-лесном Зауралье немногочисленны, и на подавляющем большинстве поселений (кроме Нижней Макуши¹) коптяковская кер-

мика не составляет “чистых” комплексов. Она встречается совместно с нерасчлененным типом керамики (Коптяки V, Новая III и т.д.) либо с раннечеркаскульской посудой (коптяковское захоронение на территории могильника Березки Vг, отдельные черкаскульские черепки на поселениях Коптяки V и т.д.). Единичные коптяковские черепки встречаются в позднечеркаскульских комплексах (поселения Кокшарово I, Черкаскуль II, Шайдуриха I, Липовая Курья и др.). Все эти факты наводят на мысль, что традиция коптяковского орнаментального комплекса никогда не была господствующей, она сосуществовала на определенных этапах с традициями нерасчлененного и черкаскульского типов керамики, но затем была поглощена (“задавлена”) черкаскульским орнаментальным комплексом, ставшим господствующим в горно-лесном Зауралье. Исходя из этих наблюдений можно считать, что хронологические рамки коптяковского типа керамики следует сузить до XVI—XV вв. до н. э., что вполне согласуется с датировкой керамики петровского и абашевского типов, с которой, как уже отмечали исследователи, коптяковская посуда имела ряд общих черт [100, с. 17; 102, с. 81, 84; 208, с. 54, 57]. Петровские комплексы сейчас датируются временем в пределах XVII—XV вв. до н. э. [75, с. 18—19], проникновение же абашевцев на территорию Урала — серединой II тыс. до н. э. [159, с. 121—122] или даже второй половиной XVI в. до н. э. [156, с. 282].

1.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В свое время К. В. Сальников констатировал, что существует два основных объяснения вопроса о происхождении черкаскульской культуры. Одни исследователи рассматривали процесс сложения этой культуры как результат внедрения в среду среднеуральского населения пришедшей с юга андроновской культуры [239, с. 15; 14, с. 145; 37, с. 163], другие же связывали ее возникновение с процессом развития местной горбуновской культуры [165, с. 65]. Сам К. В. Сальников склонялся ко второму объяснению, считая, что “близость керамики лесных культур эпохи бронзы Зауралья с андроновской нельзя объяснять влиянием андроновской культуры” [184, с. 363—364]. Что же касается непосредственно вопроса о происхождении черкаскульской культуры, и прежде всего важнейшего вопроса о соотношении керамики коптяковского и черкаскульского типов, то К. В. Сальников не сумел найти убедительного решения. Отмечая в общем плане наличие в черкаскульской и коптяковской керамике ряда черт, характерных для посуды лесного энеолита, исследователь не смог занять последовательной позиции в оценке взаимоотношений этих типов керамики, выросших на базе лесного энеолита. В статье “Некоторые вопросы

истории лесного Зауралья в эпоху бронзы" К. В. Сальник отмечая в орнаментации коптяковской посуды большее количество энеолитических элементов, чем в орнаментации черкаскульской писал, что возникновение первой произошло хронологически раньше [181, с. 20], но в этой же статье он утверждал, что генетическая связь между этими типами керамики не улавливается и даже намечаются некоторые территориальные различия в распространении: коптяковский тип керамики сосредоточен в основном в районе г. Свердловска (ныне Екатеринбург), черкаскульский — в более южных районах, на территории Челябинской области. Отсюда он делает вывод, что складывались эти типы посуды, очевидно, на разных территориях, но приблизительно одно время — около середины II тыс. до н. э. [181, с. 2]. Возможно, эта внутренняя противоречивость во взглядах на соотношение черкаскульской и коптяковской посуды и передатировка возраста первой до XVIII—XVI вв. до н. э. [184, с. 325, 36] привели к тому, что К. В. Сальников в указанной работе вообще не упоминал памятники коптяковского типа.

В общем плане решался вопрос о происхождении черкаскульской культуры и В. С. Стоколосом. Он считал ее, наряду с алакульской, местной зауральской (черкаскульская-лесная, алакульская-степная), а федоровскую — культурой пришедшей в Зауралье [197, с. 91—96, 132—146].

Более определенно ставился вопрос о происхождении черкаскульской культуры Л. П. Хлобыстиным. Он подвергал сомнению утверждение К. В. Сальникова о несовпадении территории распространения памятников коптяковского и черкаскульского типов на основании того, что черкаскульская и коптяковская керамика в лесном Зауралье встречается даже на одних и тех же поселениях (например, Липовая Курья, Черкаскуль, Карасье Озеро II) и что черкаскульская керамика обнаружена севернее г. Екатеринбурга в районе г. Нижнего Тагила (Горновский торфяник, Кокшарово I). Л. П. Хлобыстин считал, что коптяковская керамика не только предшествует черкаскульской на лесной территории Зауралья, но и является основным компонентом формирования последней. Сама же коптяковская керамика возникла в результате продвижения из Северного Казахстана степных петровских (раннеалакульских) племен и их ассимиляционного воздействия на местную аятскую культуру, т.е. благодаря сложной по своему составу. Еще более сложный этнический состав имела черкаскульская культура, так как черкаскульцы осваивая новые территории, включали в свой состав новые группы населения, а в самых южных районах своего расселения они к тому же еще подвергались значительному влиянию андроновского компонента [208, с. 58, 61, 63]. Формирование этих культур происходило, по мнению Л. П. Хлобыстина,

XVI—XV вв. до н. э. у коптяковцев и не ранее XIV в. до н. э. у черкаскульцев [208, с. 52, 53].

Интересную точку зрения на происхождение черкаскульского и коптяковского типов посуды и особенно на взаимоотношение этих двух комплексов, а также федоровского высказал М. Ф. Косарев. Разделяя в целом позицию тех исследователей, которые подчеркивали местную энеолитическую основу коптяковских и черкаскульских древностей, М. Ф. Косарев считает коптяковскую керамику новым этапом в развитии традиции гребенчатого геометризма (или традиции андроновского орнаментального комплекса) лесного Зауралья, зародившейся еще на аятском этапе, и усматривает связь коптяковского орнаментального комплекса, с одной стороны, с аятским, с другой — с черкаскульским и федоровским. Два последних орнаментальных комплекса формировались, подобно коптяковскому, тоже на базе традиции гребенчатого геометризма, но несколько позднее. Время существования посуды коптяковского типа М. Ф. Косарев определяет XVI—XIII или XVI—XIV вв. до н. э., а черкаскульского — временем не ранее XIII в. до н. э. [102, с. 30, 77—81, 141]. Таким образом, М. Ф. Косарев во многом близок Л. П. Хлобыстину, говоря о предшествовании коптяковских комплексов черкаскульским и о генетической связи последних с первыми. Но, в отличие от Л. П. Хлобыстина, М. Ф. Косарев андронидные традиции в лесном Зауралье объясняет не влиянием на местное население андроновских групп, а появлением здесь в результате развития местной традиции гребенчатого геометризма (или традиции андронидного орнаментального комплекса), которая легла в основу и федоровского орнаментального комплекса [103, с. 4]. То есть он предполагает, что ранние федоровские традиции локализовались и получили свое первоначальное оформление скорее всего в непосредственном соседстве с раннечеркаскульским ареалом.

На наш взгляд, чрезвычайно важным для понимания проблемы происхождения черкаскульской культуры и вопроса о взаимоотношении носителей коптяковского, черкаскульского и отчасти федоровского орнаментальных комплексов является наличие на ряде среднеуральских памятников условно выделенного выше нерасчлененного типа керамики, сочетавшего в себе коптяковско-федоровские, коптяковско-черкаскульские и черкаскульско-федоровские черты.

Появление этого нерасчлененного типа керамики может объясняться по-разному. С одной стороны, он мог возникнуть в результате взаимодействия в Среднеуральском регионе населения коптяковской, черкаскульской и федоровской культур. С другой — этот тип керамики может являться подосновой сложения самостоятельных орнаментальных комплексов: коптяковского, черкаскульского и отчасти федоровского. Какому из этих предположений отдать предпочтение, сейчас решить трудно, так как по-прежнему

остаётся неясной проблема происхождения федоровской культуры. Если признать, что эта культура в Зауралье является пришлой [197, с. 132; 210, с. 164; 128; 75, с. 21 и др.], то формирование нерасчлененного типа керамики следует рассматривать как результат смешения местного коптяковского и черкаскульского населения с пришлым федоровским. Но если исходить из предположения М. Ф. Косарева, что коптяковский, черкаскульский и отчасти федоровский орнаментальные комплексы формировались в процессе развития одной и той же орнаментальной традиции зауральской гребенчатого геометризма (или традиции андронидного орнаментального комплекса), восходящей еще к раннебронзовому времени [102, с. 27, 30, 81], то нерасчлененный тип керамики можно рассматривать как подоснову трех орнаментальных комплексов. Накажется более предпочтительным второе предположение, так как в этом случае получает объяснение значительная близость федоровской и черкаскульской посуды, на что уже обращали внимание мы и что неоднократно отмечали другие исследователи. Именно исходя из этого предположения можно объяснить существование таких комплексов, как Новая III, Калмацкий Брод и др., где федоровские и черкаскульские орнаментальные черты на посуде настолько переплетены, что трудно определить, к какой из двух культур эти памятники стоят ближе. Видимо, эта определенная родственность в происхождении федоровского и черкаскульского населения приводит впоследствии (на позднечеркаскульском этапе) и к тому, что проникавшие в лесостепные и северостепные районы Южного Урала из Казахстана черкаскульцы довольно быстро вступают в контакты с федоровским населением и совместно с ним осваивают ряд новых районов (например, Самарское Заволжье) и принимают участие, наряду с федоровцами-бишкульцами, в формировании алексеевско-саргаринской [78, с. 74—77] и бегазы-дадыбаевской [155, с. 19] культур эпохи поздней бронзы.

В свете высказанных предположений процесс формирования черкаскульской культуры предстает в следующем виде.

Черкаскульская культура своими генетическими корнями уходит, как уже отмечали исследователи [184, с. 358; 208, с. 50—51; 102, с. 27—30, 77—80], в зауральские культуры эпохи энеолита — ранней бронзы, прежде всего в аятскую, где, по мнению М. Ф. Косарева, в рамках гребенчатой орнаментальной традиции начинается формироваться андронидная традиция (или традиции гребенчатого геометризма), легшая затем в основу не только черкаскульского, но и коптяковского и отчасти федоровского орнаментальных комплексов [102, с. 30]. Однако черкаскульская культура не могла быть прямой наследницей аятской традиции, поскольку между ними существовал определенный хронологический разрыв, который у разных исследователей варьирует от 100—300 до 500 лет. А конец раннебронзовой эпохи на Урале и

Западной Сибири. определяется первыми веками II тыс. до н. э. [191, с. 70], первой третью [102, с. 32; 107, с. 117; 109, с. 10] или даже первой половиной II тыс. до н. э. [108, с. 125; 192, с. 70]. Начало же черкаскульской культуры исследователи определяют приблизительно XIII в. до н. э. [197, с. 93, 96; 102, с. 141; 227, с. 30] или же XIV в. до н. э. [208, с. 52; 156, с. 228]. Мы считаем возможным датировать процесс формирования черкаскульской культуры уже XV в. до н. э. Первоначально приблизительно серединой II тыс. до н. э. датировал зарождение этой культуры и К. В. Сальников [181, с. 21].

Эту хронологическую лауну между раннебронзовыми и раннечеркаскульскими памятниками, по мнению Л. П. Хлобыстина и М. Ф. Косарева, должны заполнять комплексы коптяковского типа или коптяковской культуры [100, с. 17; 102, с. 81; 208, с. 55—58]. Принципиально не возражая против некоторого предшествования коптяковского орнаментального комплекса черкаскульскому, отметим, что вопрос об их взаимоотношении не исчерпывается только предшествованием первого комплекса второму.

С выделением М. Ф. Косаревым двух групп посуды нижнетобольского варианта андроновской культурной общности, а также с выделением так называемого нерасчлененного типа керамики, сочетающего коптяково-федоровские черты, можно предполагать, как уже отмечалось, наличие единой подосновы формирования коптяковского, черкаскульского и отчасти федоровского типов посуды, близкой по времени моменту формирования этих типов посуды как самостоятельных явлений (культур). Это во-первых. Во-вторых, уже отмечалось, что на ряде поселений (Коптяки V, Новая III и др.) керамика нерасчлененного типа залегает совместно с посудой уже сформировавшегося коптяковского типа. Это, возможно, свидетельствует о синхронности (если не полной, то частичной) нерасчлененного и коптяковского типов посуды и дает основание предполагать, что коптяковский тип керамики не является сам по себе основой для формирования черкаскульского орнаментального комплекса, а оба они складывались на общей подоснове, которой являлась посуда нерасчлененного типа. Иными словами, коптяковский и черкаскульский орнаментальные комплексы были родственны, но не связаны отношением предок—потомок (к подобному выводу в свое время близок был и К. В. Сальников [181, с. 20—22]). Эти комплексы возникли примерно на одной и той же территории, но несколько раньше оформился коптяковский комплекс. Очевидно поэтому на ряде поселений сформировавшийся уже коптяковский комплекс иногда сосуществовал с нерасчлененным (особенно сочетающим черкаскульско-федоровские черты) типом керамики (Новая III, Калмацкий Брод и др.).

Связано ли формирование коптяковского орнаментального комплекса с влиянием петровского [208, с. 58, 61—63] или баланбаш-

ского [103, с. 4] населения — сказать пока трудно. Дело в том что одни признаки (острореберность, плоскодонность посуды) присущие как петровской и баланбашской, так и коптяковской посуде, скорее всего характеризуют сходство эпохального плана. Другие же признаки, характерные как для коптяковской, так и для петровской и баланбашской посуды (зигзагообразные гребенчатые полосы, горизонтальные гребенчатые ромбические пояса и др.), могут восходить еще к родственным раннебронзовым и основам. И все же влияние инोकультурного населения на формирование коптяковского орнаментального комплекса полностью исключить нельзя. Такие узоры, как вертикальные лесенки, Г-образные фигуры и им подобные, действительно, как отмечали Л. П. Хлобыстин и М. Ф. Косарев, не имеют аналогий в зауральской посуде раннебронзового времени [102, с. 81; 208, с. 56—57]. Нехарактерно для аятской раннебронзовой посуды является и прочерченная техника нанесения узоров. В то же время подобная техника свойственна посуде коптяковского [102, рис. 25, 26] и нерасчлененного типов (рис. 25, 24, 5, 9, 12).

Кроме близости коптяковского и раннечеркаскульского орнаментальных комплексов декоративному оформлению баланбашской посуды Южного Урала и абашевской керамики Среднего Поволжья [184, с. 371; 208, с. 61—62; 89, с. 101; 102, с. 81; 103, с. 4] следует обратить внимание еще на ряд интересных данных зафиксированных уже в уральской археологии. Во-первых, абашевские элементы орнамента отмечены на ряде фрагментов керамики поселения Новая III [25, с. 28—29, рис. 37]. Во-вторых, время проникновения абашевцев на Южный Урал, в том числе и Зауралье, определяется периодом около середины II тыс. до н. э. [184, с. 138, 140, 141; 159, с. 116—118, 120, 123; 156, с. 279—282; 52, с. 66—70], т.е. временем существования коптяковского типа керамики и начала формирования и развития черкаскульской культуры. В-третьих, следы такого проникновения отдельных групп абашевского населения непосредственно на территории горно-лесного Зауралья, где отмечены и раннечеркаскульские комплексы (могильники Березки Vг, Перевозный Ia и одноименные поселения), фиксируются, хотя и в небольшом, но очень оригинальном комплексе керамики с поселения Березки I, расположенного на западном побережье Аргазинского водохранилища. Керамика этого поселения представлена обломками сосудов с плоским венчиком, прямой и слегка отогнутой наружу высокой шейкой, иногда с небольшим уступом — ребром с внутренней стороны (рис. 23, 1, 7, 10), слабо или сильно раздутым туловом, которое в ряде случаев имеет по своей середине сглаженное ребро (рис. 23, 17). Основными элементами орнамента в верхней части сосудов являются полосы горизонтальных, прямоугольных в сечении желобков, сочетающихся нередко с вдавлениями по верхнему

нижнему краю этой желобчатой орнаментальной зоны (рис. 23, 2, 6, 11). Среди узоров нередко также незаштрихованные ромбы, горизонтальные и наклонные линии и зигзаги (рис. 23, 7, 10, 11, 12, 14—17). Посуда этого памятника несет в себе, с одной стороны, черты предшествующей раннебронзовой эпохи: сплошная орнаментация сосудов, орнаментация внутренней стороны шейки, простые гребенчатые узоры на плечиках, незаштрихованные ромбы, а с другой — на ней прослеживается некоторое абашевское влияние: плоский срез высокой, нередко отогнутой наружу шейки, просматривающееся ребро на тулове, орнаментация шейки, а иногда и тулова рядами горизонтальных желобков в сочетании с ямочными вдавлениями орнаментального поля сверху и снизу. Подобные особенности керамических комплексов встречаются в абашевских памятниках [184, рис. 2, 5; 10, 3, 6; 158, рис. 3, 1, 4; 4, 7, 10; 11, 14, 17 и др.]. Керамика, близкая по форме и орнаментации описанной, найдена также в незначительном количестве еще на ряде поселений, расположенных на западном побережье Аргазинского водохранилища, в том числе и на тех поселениях, например, Березки V (рис. 23, 18—20), где обнаружена и раннечеркаскульская посуда. При этом не исключено, что керамика с абашевскими чертами составляет единый комплекс с черкаскульской.

Таким образом, приведенные выше данные не исключают возможности взаимодействия коптяковского и раннечеркаскульского населения с абашевско-баланбашским, а значит, и их определенной синхронности около середины II тыс. до н. э.

Коптяковский тип керамики, сформировавшийся, как уже отмечалось, несколько ранее черкаскульского (вероятно, около XVI—XV вв. до н. э.), не получил, видимо, широкого развития в Среднем Зауралье. Свидетельством этому служит малочисленность обнаруженных здесь коптяковских памятников. Обычно этот тип посуды обязательно сопутствует нерасчлененному типу керамики. Дальнейшее же развитие последнего и привело к выделению из его рамок где-то около XV в. до н. э. черкаскульского и отчасти федоровского орнаментальных комплексов. Черкаскульская культура, оформившаяся в это время в качестве самостоятельной, очень быстро “подавила” в горно-лесном Зауралье традиции коптяковского орнаментального комплекса, и последние только изредка проявляются (отдельные фрагменты керамики на черкаскульских поселениях Липовая Курья, Черкаскуль II, Кокшарово I, Юрьино IV (рис. 22) и др.) как сопутствующие черкаскульским. Черкаскульское же население в XV—XIV вв. до н. э. стало основным в Зауралье и в дальнейшем определяло ведущую линию развития этого региона. Часть же среднеуральского населения, орнаментальный комплекс которого несет в себе федоровские черты, сместилась, видимо, в лесостепные и северостепные районы Зауралья и Казахстана, смешалась с местным, родственным по

раннебронзовой основе среднеуральскому, населением (возможно постсуртандинским, постбатайским и т.д.) и приняла участие в формировании федоровской культуры. Этим и объясняется близость, как уже отмечалось, черкаскульской и федоровской посуды (а отчасти и погребального обряда) как по орнаментальным схемам, так и по технологическим традициям.

Черкаскульские памятники горно-лесного Зауралья имели не только хронологические, но и определенные территориальные различия, в основе которых лежали прежде всего некоторые особенности декоративного оформления посуды. Выделяется два локальных варианта черкаскульской культуры. Один из них локализуется в северной части Среднего Зауралья (район г. Нижнего Тагила и территория, расположенная примерно на 10 км к северу от него). Другой занимает территорию более южных районов горно-лесного Зауралья. Северная его граница проходит где-то в районе г. Невьянска, южная — в районе г. Миасса и оз. Тургой. а может быть, и далее на юг по горной части Урала. Свообразный черкаскульской посуды северного (тагильского) локального варианта уже отмечали в своих работах некоторые исследователи [19, с. 104; 208, с. 60—61; 102, с. 136], и этот локальный вариант черкаскульских (а также межовских) древностей получил в литературе наименование “кокшаровский вариант” [208, с. 60—61] и наиболее изученному памятнику этого региона — поселению Кокшарово I. Второй локальный вариант черкаскульских (и межовских) древностей назовем пока невянско-миасским.

Главной особенностью черкаскульской посуды кокшаровского локального варианта, отличающей ее от аналогичной керамики невянско-миасского региона, является наличие глубоких ямок (иногда сдвоенных) по горлу сосуда, а также тенденция к общему объединению орнаментальных схем и преобладание на посуде кокшаровского варианта простых линейных узоров. Кокшаровский вариант черкаскульского орнаментального комплекса отличается от подобного комплекса невянско-миасского региона еще рядом признаков (рис. 17). Значительное место в орнаментации горла сосуда занимают не широкие (их 4,7%), а узкие желобки (16,7%) близкие по форме к горизонтальным прочерченным линиям. Высокий удельный вес в орнаментации самих прочерченных линий (6,4% против 0,3—1,3% на памятниках невянско-миасского региона) горизонтальных зигзагов (18,9% против 2—12,1%), причем последние становятся, наряду с желобками, ведущим орнаментальным мотивом в оформлении кокшаровской посуды черкаскульского типа. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие и кокшаровской керамики черкаскульского типа узоров в виде треугольников или треугольных фестонов. Эти элементы орнамента только по одному разу встречены на керамике поселения Юрьино IV (рис. 15, 9) и местонахождения Крутяки IX — памятники

также входящих в круг поселений кокшаровского варианта черкаскульской культуры. Не характерны для черкаскульской посуды кокшаровского локального варианта такие элементы орнамента, как полуовальные вдавления, валики, воротнички и елочка — элементы, которые хотя и нечасто, но встречаются на черкаскульских сосудах невяньско-миасского региона (рис. 17, 20, 13—15). Но зато в двух случаях на Кокшаровском I поселении отмечен орнамент в виде волнистых полос протраченной гребенки (рис. 17, 28), полностью отсутствующий на посуде черкаскульского типа невяньско-миасского региона.

Различия между кокшаровской и невяньско-миасской черкаскульской посудой проявляются и в технике нанесения узоров (рис. 18). В памятниках кокшаровского региона реже встречаются желобчатые процерчивания (21,4% против 32,8—38,4% на посуде невяньско-миасского региона), вдавления (6,3% против 10,5—19,4%), но зато чаще употребляется гладкий штамп (18,9% против 3,8—7,4%). Сравнительно невелика на Кокшаровском I поселении и роль гребенчатого штампа (10% против 11,7—23,1%).

Различия между орнаментальными комплексами черкаскульской культуры двух выделенных локальных вариантов хорошо подтверждают парными коэффициентами сходства керамических комплексов как по орнаментации (см. табл. 1), так и по технике ее нанесения (см. табл. 2), подсчитанными по системе обработки керамики, предложенной В. Ф. Генингом [46]. Коэффициенты сходства орнамента посуды Кокшаровского I поселения с посудой памятников невяньско-миасского региона крайне низки и не превышают 47,8—59,7%. По технике орнаментации эти коэффициенты сходства не превышают 49,2—59,9%. В то же время коэффициенты сходства керамических комплексов между поселениями невяньско-миасского региона всегда выше: по орнаментации они превышают 70%, по технике ее нанесения — 70,5%.

Как будет показано в гл. 3, черкаскульское население на позднем этапе своего развития (XIII—XII вв. до н. э.) широко мигрировало в более южные лесостепные и степные регионы Бельско-Икского междуречья, Южного Зауралья, Алтая, Северного и Центрального Казахстана. Оказавшись в другой этнической среде, черкаскульцы в целом сохранили самобытность своего орнаментального комплекса, включая в него иногда, правда, некоторые традиции федоровского, алакульского (в Южном Зауралье, Казахстане) и срубного (в Приуралье) декоративного оформления посуды. В этом плане наиболее типична такталачукская группа позднечеркаскульских памятников Приуралья. Погребальный обряд такталачукского населения имеет определенное сходство с погребальным обрядом черкаскульцев (могильники у оз. Арзаси), которое проявляется в наличии мелких могильных ям, скорченном положении костяков, их восточной ориентировке, бедности инвен-

таря, немногочисленных височных украшений. Однако имеются различия: отсутствие каменных колец, иная в целом, хотя имеющая весьма близкие черты керамика. Видимо, и черкаскульские, и такталачукские памятники оставлены генетически родственным населением, имеющим определенные различия в материальной культуре, которые, очевидно, сложились в результате инкультурного влияния на приуральское население срунной культуры. На приуральской такталачукской керамике отчетливо проступают черты черкаскульской культуры.

Главным образом это тальковая примесь в глине сосудов, также орнамент. На поселениях бассейна р. Демы встречено несколько сосудов, украшенных желобчатым и богатым геометрическим орнаментом. Отдельные сосуды подобной керамики отмечены на Деуковском поселении и Биксентаевской II стоянке Е. П. Казков [90, с. 159]. Но в такталачукской керамике прослеживается влияние и федоровского (даже черкаскульско-федоровского) компонента. Черкаскульско-федоровские черты имеет керамика самого Такталачукского могильника [90, с. 155—156], а также Симонихинского поселения на р. Каме. Присутствие собственно федоровской керамики, весьма близкой черкаскульской, отмечено в Нижнем Прикамье на Луговском I поселении [71, с. 16, 17] в лесостепной зоне Среднего Заволжья [4, с. 119—120, 121 рис. 2, 11; 130, с. 132].

Еще одним компонентом, повлиявшим на сложение такталачукской группы позднечеркаскульских памятников, а может быть, самостоятельной андроновидной культуры, являлся срубный.

На Такталачукском могильнике банки составляют 30% посуды. Среди срубной посуды, по подсчетам Ю. А. Морозова, банки составляют на могильниках 56,6%, на поселениях — 70%. Распространенные на Такталачукском (63%) и Тартышевском I (100%) могильниках горшечные формы с раздутым туловом и отогнутой шейкой на срубных памятниках, по подсчетам Ю. А. Морозова, составляют только 11,7% [133, с. 12]. Такталачукская керамика частично близка срубной и по орнаменту. По подсчетам Ю. А. Морозова, наиболее характерными элементами орнамента на срубной посуде являются насечки (22,1% на поселенческой и 19% на погребальной посуде), ломаные линии (зигзаги), заштрихованные треугольники (7,5% на поселенческой и 21,4% на погребальной посуде), ромбы (0,9% на поселенческой и 4,8% на погребальной посуде). К. В. Сальников считал ромбический орнамент специфическим башкирским явлением в срубной орнаментике [184, с. 199]. Все эти элементы также характерны для керамики такталачукско-луговской группы.

В керамике одного из ранних срубных могильников Приуралья — Старо-Яппаровского на р. Деме — имеется посуда сопоставимая по орнаментации с такталачукской [53, с. 118—119].

рис. 3, 6, 11, 13; 4, 5, 6]. Здесь имеются сосуды на поддоне [58, с. 127, рис. 3, 6] типа встреченных на Такталачуке (рис. 4, 7).

А если же учитывать параллели в погребальном обряде и инвентаре Такталачукского могильника и срубных памятников, то можно поставить вопрос о значительном срубном компоненте в сложении такталачукской группы памятников. Это тем более вероятно, что материал расположенной неподалеку от Такталачукского могильника Уразаевской I стоянки представлен керамикой срубной и черкасульской культур.

Параллели в материальной культуре срубников и черкасульцев такталачукской группы свидетельствуют о влиянии срубного антропологического типа на формирование черкасульцев Такталачукского могильника [232], хотя, по заключению антропологов, "представители срубных культур с территории Башкирии... значительно отличаются от черкасульцев из Такталачука..." [168, с. 92].

Возможно, с накоплением новых данных по материальной культуре черкасульцев, живших вне районов своего первоначального обитания, назреет необходимость выделения еще ряда локальных вариантов черкасульской культуры либо новых культур, в формировании которых черкасульские мигранты принимали активное участие.

2. МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА

2.1. ПАМЯТНИКИ

2.1.1. Поселения и жилища

Основной территорией распространения памятников межовской культуры являлись горно-лесные районы Зауралья (эта культура формировалась прежде всего на базе позднечеркаскульских комплексов), а также районы лесостепной Башкирии (движение ту среднеуральского населения фиксируется еще с позднечеркасского времени). Но отдельные коллективы межовцев в период своего наибольшего распространения проникали на востоке до дораздела Иртыша и Ишима, вступая в контакты с бархатовским позднесузгунским и ирменским населением (поселения Кучум-Го Чупино и др.), на юго-востоке и юге до пограничных районов лесостепи и степи (поселения Алабуга I (хутор Андрония Алексеевское и др.) в Притоболье и Петропавловском Поишим вступая здесь в контакты с населением алексеевско-саргаринской культуры. Северная граница межовской культуры в Зауралье проходит по северной оконечности южнотаежных елово-сосновых лесов, преимущественно по правым притокам р. Туры, например по широте г. Нижнего Тагила. Ряд памятников, обследованных В. Д. и В. П. Викторowymi по рекам Реж и Ница, обнаружив большое сходство с более южными межовскими памятниками [4

Западная граница очерчиваемого ареала межовских памятников будет проходить по южной границе лесостепи от излучины р. Илой через среднее течение р. Демы (район г. Давлеканов) среднее течение р. Ик, по Каме через устье Вятки и далее север до Пермского Прикамья, где сомкнется на р. Чусовой правыми притоками р. Туры. Следует учесть, что район Нижней Камы от Белой до устья является районом стыка двух родственных культур, что обусловило непостоянную, трудно уловимую границу между ними.

Кроме того, в число межовских памятников М. Ф. Обыденский включает памятники раннего этапа ерзовской культуры, выделенной В. П. Денисовым [58, с. 35], и отдельные комплексы керамики на ряде многослойных поселений, которые А. В. Збруев [70, с. 30] относил к луговской культуре, а А. Х. Халиков — балымско-карташихинскому и атабаевскому этапам приказанской культуры. Большая смешанность и схожесть материалов приказанских и межовских комплексов Нижней Камы объясняется тем, что обе культуры являются родственными. Задача исследователей

главным образом, состоит в том, чтобы отделить приказанские (западные) и межовские (восточные) комплексы.

Характерно, что в Приуралье "чистые" комплексы получены, как правило, не с долговременных поселений, а с небольших стоянок (Ахметовская I, II, Ново-Кизгановская II, Инзелга, Старо-Кабановская II, Затонская II и др.). Именно эти материалы наиболее отчетливо характеризуют культуру населения позднего бронзового века Приуралья. Раскопки долговременных поселений Луговское I, Давлекановское IV, Деуковское I не дают достаточно убедительной картины. Чаше здесь приходится вычленять межовские комплексы типологически, так как какая-либо стратиграфия на лесных памятниках с тонким культурным слоем и небольшой площадью отсутствует. Кроме того, часть памятников подверглась неоднократной распашке.

Чистыми межовскими комплексами горно-лесного Зауралья можно считать поселения Лужки [197, с. 54—64], Межевское, Коптяки III [184, с. 359], М. Липовый IX, Аргазы XIII (рис. 38, 3—5), Мокино, Багаряк VI (рис. 33, 8—11), Киреты I, Касли VI, Остров VIII, предвходовой грот Игнатьевской пещеры (рис. 33, 2—7). Однослойными березовскими поселениями являются селища Коптяки I, II [184, с. 362], поселение Усть-Миасское IV [235, рис. 1, 17, 24, 26, 29, 31].

Из учтенных в настоящей работе поселенческих памятников стационарными работами было охвачено 64%. Распределены они по районам Урала неравномерно (табл. 3).

Таблица 3

Распределение поселений межовской культуры по районам Урала

Район	Общее кол-во поселенческих памятников		Из них подверглись раскопкам	
	абс.	%	абс.	%
Приуралье	90	100	78	86
Зауралье	78	100	23	29
Всего	168	100	107	64

В Зауралье изученность известных памятников пока еще низка, в то время как в Приуралье раскопкам подверглись 86% всех известных памятников.

Абсолютное большинство поселений и стоянок в Приуралье расположено у рек, а в Зауралье — у озер. Топографическую привязку памятников иллюстрируют следующие данные.

Поселения и стоянки в основном занимают края террас (40,2%) или мысы (43,9%), образованные речными террасами. Известно восемь поселений (9,7%), расположенных на высоких мысах,

которые впоследствии использовались под городища: Миасское Кучум-Гора и Ирбитское в Зауралье, Гроханьское, Зуево-Ключевское I, Галкинское, Бирское, Курмантаевское в Приуралье. Поселения Язево I и Камышное II имели оборонительные сооружения в виде валов и рвов. Не исключено, что Замараевский вал находящийся на том же мысу, что и Замараевское поселение, бы сооружен именно в замараевское (межовское) время. К. В. Салников пишет, что через мыс тянулись ров и вал длиной 100 м (ширина рва 1,3 м, глубина 0,3 м, высота вала 0,5 м, ширины 3 м) [176, с. 199].

Видимо, поселения в это время устраиваются на высоких берегах рек, останцах и мысах. Несколько стоянок без каких-либо следов построек располагались в поймах рек: Старо-Яппаровская III Юмагузинская, Балтачевская и Чесноковская I. Все они являются кратковременными, культурный слой в них незначителен. В особом топографических условиях находятся стоянки в горной части Урала — Игнатевская пещера на р. Сим (стоянка расположена в предвходном гроте) и пещера Бобылек в верховьях р. Уфа на западе Свердловской области (стоянка находится в гроте).

Площади долговременных поселений установлены лишь ориентировочно. В лесной зоне площади поселений с жилищами приближаются к 1—5 тыс. кв. м. Причем число построек здесь, как правило, колеблется от 1 до 4. В лесостепи на межовско-алексеевских и межовско-срубных памятниках площади поселений значительно больше и составляют в среднем 10—35 тыс. кв. м. Количество построек, установленных по жилищным впадинам достигает 10—15.

Кратковременные стоянки без следов каких-либо построек имеют небольшую площадь, в среднем 500—2000 кв. м.

Мощность культурного слоя на поселенческих памятниках редко достигает 1 м, составляя чаще 40—60 см между постройками. Насыщенность культурного слоя на памятниках различна. Так, например, на Юкаликулевском поселении на межземляном пространстве насыщенность слоя достигала 3,5 обломков сосудов на 1 кв. м, на других — стоянках Инзелга, Ново-Кигановская II, Ахметовская I, II — не более 1,5—2.

Судя по котлованам от построек, выявленным на ряде поселений, постройки располагались на площади памятника беспорядочно, ближе к тому краю террасы, где обычно находился выход из постройки.

Однако на некоторых поселениях и стоянках, раскопанных широкими площадями (Юкаликулево, Тюбяк, Старо-Яппаровское I), жилые постройки располагались одна близ другой, ориентируясь по краю берега реки.

На межовско-алексеевских поселениях в Притоболье жилища располагались или в один ряд (поселения Замараевское, Храмо-

вое I, Грачево II, Садчиковское), или в два параллельных ряда вдоль берега реки (поселения Барменское, Мало-Окуневское, Язевое I, Алексеевское) [153, с. 24].

На межземляночных пространствах поселений протекала повседневная жизнь их обитателей, свидетельством которой являются остатки очагов, небольших производственных комплексов и др.

Жилища на памятниках межовского типа (учтено 28 построек) изучены недостаточно полно. Наиболее хорошо сохранилось жилище полуземляночного типа на стоянке Ахметово I. Здесь исследован котлован глубиной около 1 м размером 8 × 8 м с выходом в сторону обрыва к реке. Очаг располагался в центре жилища [72, с. 88—89].

Вторая впадина подобного типа исследована на Старо-Яппаровской I стоянке. Размеры прямоугольного в плане котлована составляли 10,5 × 9,5 м. Глубина достигала 1,95 м. Столбовых ямок в обоих жилищах обнаружено крайне мало. Видимо, стены и крыша опирались прямо на стенки котлована.

В 1976 г. на Максютювской II стоянке на р. Белой в горах Южного Урала раскопана одна слабо углубленная жилищная впадина. Четких контуров котлована и остатков конструкций выявить не удалось. На Кумысской стоянке прослежены следы углубления (до 0,25 м) в виде прямоугольника шириной 4,2 м и длиной 6 м. Вдоль восточной стенки котлована выявлены следы сгоревших стен [50, с. 88, 90]. В другом раскопе было обнаружено, что над очагами на столбах располагались какие-то навесы. На Деуковской I стоянке прослежены два пятна, которые определяются как следы жилищ [66, с. 93]. Судя по незначительным размерам этих пятен, они могут являться остатками наземных жилищ небольшого размера.

Наиболее полно описанными жилищами являются остатки построек на Луговском I поселении [71, с. 12—14]. Это небольшие по площади прямоугольные землянки, соединенные между собой переходами. Стены жилищ состояли из кольев, которые были вертикально поставлены вдоль земляных стен и прижаты снизу бревнами, лежавшими на полу. Крыша была двухскатная, с отверстием для выхода дыма в верхней части.

Еще одно жилище исследовано на поселении Кумлекуль. Стены его сравнительно хорошо прослеживались в южной половине, хотя пол в грунт был углублен незначительно. Более четко границы жилища определялись по ямкам от столбов. Они располагались по контуру жилища и имели диаметр 15—30 см и глубину 15—35 см от уровня пола. Жилище имеет квадратную форму площадью 153 кв. м, задней стеной ориентировано параллельно протяженности старицы. В середине передней, юго-восточной, стены прослежен вход — коридор шириной 1,25 м и длиной более 3 м. Ясно выраженного очага не установлено. Весьма вероятным очагом

является комплекс, обнаруженный против входа, ближе к задней стене. Он состоит из овального углубления $1,75 \times 1,25$ м, находящегося ниже уровня пола на 0,35 м и окруженного тремя круглыми столбовыми ямками. В двух пунктах были выявлены очаги, располагавшиеся на 0,25 м выше уровня пола. Очевидно, они размещались на каком-то возвышении.

Строительные остатки шести построек выявлены и на Юкаликулевском поселении, где вскрыто 1308 кв. м, или около четверти площади поселения. Расположенные рядом жилища 2 и 3 были наземными и имели прямоугольную в плане форму ($10 \times 7,5$ и $11,4 \times 7,5$ м). По периметру каждого из них зафиксировано около 40 столбовых ямок, часть которых располагалась в три ряда по длине жилища. После пожара, который уничтожил обе постройки и образовал мощный слой золы, над их остатками была сооружена постройка 1 площадью около 260 кв. м. Котлован ее (глубины около 0,55 м) врезался в юго-западный край постройки 3 и разрушил его.

Межевское жилище раскопано В. С. Стоколосом и на поселении Лужки. Подробное описание его остатков, приведенное в монографии [197, с. 54—57, рис. 18], позволяет провести следующую реконструкцию. Видимо, это было подпрямоугольное наземное жилище, площадка которого была выровнена перед сооружением (снят верхний слой на глубину до 40 см). Рухнувшие в центр постройки бревна перекрытия образуют четырехугольник (сохранились три из четырех его сторон), причем лежат они не строго по центру жилища, а несколько смещены к его северной половине (рис. 2, 2). Именно вдоль стен этой северной половины постройки прослеживаются и четко выраженные ряды столбовых ямок, причем в северо-западном углу и у середины западной стены, как раз по линии южного края рухнувшего перекрытия, столбовые ямки имеют несколько больший диаметр, чем остальные. Такие же более крупные в диаметре столбовые ямки отмечены вокруг очага, расположенного как раз в центре жилища, у южной части рухнувшего перекрытия. Видимо, большие в диаметре столбовые ямки связаны с опорными столбами, стоявшими в центре и по углам перекрытия. Поперек постройки, как раз по южной линии рухнувшего перекрытия, также прослеживается линия ямок, возможно, фиксирующая остатки перегородки, которая делила жилище на две части: северную и южную. Эта перегородка одновременно могла служить и в качестве дополнительной опоры кровли жилища. Рядом с перегородкой, в северной части постройки, находился очаг. Южная стена жилища идет не перпендикулярно северной, а сходится на конус, образуя неширокий (до 1,2 м) выход. Столбовых ямок у этой стены немного, но две группы их концентрируются недалеко от входа, и они вполне могли служить основанием для установки опорных столбов входа. Значительно

количество столбовых ямок, причем глубиной не более 15 см, расположенных вдоль северной половины западной стены и северной стены (но не у самих стен, а несколько смещенно к центру жилища), вполне могло служить основанием подпорок приподнятых над полом нар. В этой связи интересно замечание В. С. Стоколоса о характере концентрации находок внутри жилища: находки располагались в основном на участках, примыкавших к стенам жилища, а в центре их почти не было [197, с. 57]. Возможно, жилище периодически чистилось, а мусор заметался под приподнятые нары. Не отмечена исследователем и концентрация находок в южной половине жилища, которая, видимо, служила для хозяйственных нужд.

Вышеизложенные наблюдения позволяют предположить следующую конструкцию лужковского жилища. Это была столбовая двухкамерная постройка, северная часть которой являлась жилым помещением с приподнятыми над землей нарами вдоль западной, северной и восточной стен, а южная, вероятно, предназначалась для каких-то хозяйственных нужд. Северная часть имела каркасное четырехугольное перекрытие (крышу в виде усеченной пирамиды), державшееся на опорных столбах, поставленных по углам и в центре северной половины постройки, а также на поперечной центральной перегородке. В южной части сооружения кровля, возможно, понижалась к выходу и опиралась на невысокие (?) столбы, поставленные у краев выхода. Стены постройки облицовывались наклонно поставленными жердями, один конец которых упирался в землю (или слегка закапывался), другой крепился к раме каркаса. Стены затем, видимо, утеплялись хворостом, поверх которого накладывался дерн. Подобный тип жилищ известен в угорской этнографии [150, с. 145, 151, табл. XII, 1—7; 187, с. 197]. Таким образом, предложенная реконструкция позволяет предполагать, что жилая (северная) часть помещения была меньше общих размеров жилища и составляла приблизительно 80 кв. м.

Жилое сооружение иного типа было зафиксировано на поселении М. Липовый IX. Это была наземная с углубленным центром постройка легкого каркасного типа (типа навеса-шалаша) размером 7 × 4 м. В центре ее в неглубокой ямке находился очаг кострового типа (рис. 2, 1).

С трудом восстанавливаются конструктивные особенности ряда других построек. Здесь необходимо отметить две детали. Большая часть полуземлянок реконструируется как столбовые постройки (в котлованах рядом с ними выявлено до 200—400 столбовых ямок) с 3—5 рядами столбов, которые, очевидно, поддерживали крышу (поселения Юкаликулево, Тюбак, стоянка Старо-Яппаровская I и др.). Но отсутствие на некоторых поселениях следов столбовых ямок не позволяет реконструировать постройки как столбовые. На стоянках Ахметовская I, Старо-Яппаровская I глубокие полуземлянки или землянки имели, видимо, бревенчатую верхнюю часть,

которая служила опорой крыши. Остатки сгоревших деревянных стен отмечены на Кумысском поселении [50, с. 88].

Суммируя изложенное, отметим, что на поселениях в основном распространены неглубокие полуземлянки (50%) или полностью наземные постройки (25%). Полуземлянки с глубокими котлованами и землянки редки на поселениях. По площади наиболее характерны постройки больших размеров — от 70 до 150 кв. м. Таких построек половина. Также встречаются постройки с площадью от 8 до 15 кв. м (18%) и от 25 до 40 кв. м (14%). Известно пять построек с внутренней площадью от 250 до 400 кв. м. Вполне возможно, что наземные постройки были более широко распространены в лесной зоне, но наземный характер сооружений часто не позволяет выявить их при раскопках. Землянка глубиной около 2 м была раскопана только однажды, на Старо-Яппаровской I стоянке.

Таблица

Данные о площади и количестве построек
на межовских поселениях

Площадь, м ²	Кол-во построек	%
8—16	3	17,7
54—80	4	23,5
95—165	8	47,0
256—335	2	11,8
Всего	17	100

В жилище располагался один очаг или два, иногда больше. Известны очаги открытого кострового типа, рядом с которыми иногда устраивались хозяйственные ямы.

Выход обычно сооружался в боковой стене или в углу выходил к реке. Выходы из жилищ представляют собой неширокие коридоры длиной 0,5—2 м. На Юкаликулевском поселении постройке 5 напротив выхода был сооружен очаг, который нагревал попадавший в жилище холодный воздух.

На Замараевском поселении большое жилище разделялось перегородками. Вероятно, перегородки были также в постройке Юкаликулевского поселения и в лужковском жилище.

О том, что хозяйственная деятельность протекала в жилищах, свидетельствуют обломки керамики, кости животных, кремни, находящиеся в нижней части заполнения котлованов. Однако следует отметить, что в целом жилища были довольно чистыми и сохранившихся культурных остатков в них, как правило, было немного.

Иногда рядом с жилищем сооружались пристройки. На Старо-Яппаровской I стоянке у южной стены землянки I выявлены

скопление столбовых ямок, которое позволяет предполагать здесь навес или пристройку. На Кумысском поселении около очажных площадок рядом с жилищем также были сооружены какие-то навесы [50, с. 90].

Известные на межовских поселениях жилища находят широкие аналогии в культурах степной и лесостепной зон. Большие жилые постройки полуземляночного типа распространены в приказанской [207], алексеевско-саргаринской [78] культурах. Возможно, постройки площадью около 100 кв. м и с незначительно углубленными котлованами характерны для лесных и лесостепных культур. Большие постройки, площадь которых составляет 250—400 кв. м и более, характерны для степных культур. Они широко распространены в срубной и алексеевско-саргаринской культурах.

2.1.2. Могильники и погребальный обряд

Судить о погребальном обряде межовской культуры мы можем на основании исследованных могильников и одиночных погребений. Степень их изученности неодинакова. Если могильник Краснотуркменский I исследован относительно полно, то все остальные являются остатками одиночных погребений с очень незначительным инвентарем. Об их культурной принадлежности приходится судить чаще всего по обломкам одного сосуда, причем Мамбетовский IV, Юрматинский и Тавлыкаевский курганы — грабленные.

Из погребальных памятников замараевского времени в Зауралье с межовскими комплексами можно связать прежде всего погребение в оградке 4 могильника Березки Vб. Здесь в простой грунтовой яме, окруженной каменной оградой, совершено захоронение умершего в вытянутом положении с меридиональной ориентировкой. Рядом находился сосуд, по форме и орнаменту аналогичный посуде поселений березовского типа межовской культуры. Другое погребение межовского типа в горной части Урала выявлено у д. Мамбетово на р. Таналык в Хайбуллинском районе Башкирии. Здесь под курганом обнаружено кольцо, выложенное из плитняка, диаметром 7—8 м. В центре кургана находилась могильная яма размером 270 × 170 см, углубленная в материк на 20 см и ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. Стенки могилы были выложены каменными плитами. Среди разбросанных костей найден фрагмент сосуда с меандровым резным узором. Видимо, скелет лежал в вытянутом положении головой на юго-запад. Другие погребальные памятники в Зауралье, которые можно было бы считать однокультурными с межовскими, неизвестны [163, с. 69]. Остальные погребальные межовские комплексы расположены в Приуралье.

Основанием для включения их в настоящую работу послужило сходство керамики из погребений с посудой межовских поселений. Это сходство выражается в форме (плоскодонность), примеси

раковины в глине и орнаментальных мотивах, которые порождают сходство с орнаментацией поселенческой посуды.

Основной объединяющий признак погребального обряда во всех могильниках — труположение. Сожжение выявлено в кургане Красногорского I могильника и представлено сажиистой прослойкой мощностью 15 см и размером $1,5 \times 0,6$ м с выключением угольков мелко раздробленных обожженных косточек, в том числе двух маленьких обломков черепа человека. По насыщенности углем костями данное место может рассматриваться в качестве открытого “крематория”, который напоминает ямы с углем и костями животных и человека Подгорно-Байларского кургана [90, 157]. Схожие “крематории” встречены на площади Еловского II могильника [127, с. 122]. Видимо, на таких кострищах — “крематориях” — производилось полное сожжение трупов людей и животных без последующего захоронения в могиле. На это же, вероятно, указывают широко известные находки сожженных людей в землянке Луговского I могильника [71, с. 12].

Очевидно, сожжение у межевского населения практиковалось, но не как основной вид погребений.

Основным видом погребений являлись подкурганные захоронения. На всех могильниках, кроме Березки Vб, установлено наличие курганных насыпей. Насыпи, как правило, невысокие, настоящее время их высота редко превышает 0,5 м. Большинство насыпей имеет округлую форму и достигает в диаметре от 8 до 16 м. Своим внешним видом межевские курганы заметно отличаются от распространенных в лесостепи более значительных по размерам курганов срубной или савроматской культур. Не исключено, что часть насыпей, считающихся сейчас курганными, образовалась в результате возведения вокруг могил стенок из дер (типа предполагаемых В. И. Матющенко для ирменских могильников [127, с. 115]). Но такие надмогильные сооружения практиковались, видимо, не везде. Были и чисто насыпные курганы. Например, Подгорно-Байларский курган в современном состоянии имеет диаметр 10 м и высоту 0,6 м. На Красногорском I могильнике крайне невысокие (0,1—0,2 м) насыпи сооружены из гравия перемешанного с гумусом.

Помимо округлых в плане насыпей известны курганы овальной формы — курган 6 Красногорского I могильника и курган Ахуновского могильника (не раскапывался). Вытянутая форма насыпи могла образоваться в результате подсыпки, на что, возможно, указывает расположение погребений в кургане 6 Красногорского могильника. Здесь под восточной частью насыпи найдены четыре захоронения в ямах, а в центре и в западной части — два погребения, представленные разбросанными костями и разбитыми сосудами. Однако ввиду незначительной высоты насыпи, сооруженной из однородного гравия, следов подсыпки кургана не прослежены.

Обычно под одной насыпью находилось 1—3 погребения, реже 6—7. Надо признать, что коллективный характер захоронений под одной насыпью является нетипичным для населения межевской культуры. Многомогильные (3—7) курганы выявлены только на Красногорском I могильнике (курганы 12, 14).

Другие надмогильные сооружения, кроме курганов, неизвестны, за исключением каменного кольца в кургане Мамбетовского IV могильника и на могильнике Березки Vб.

Выявленные труположения под курганами подразделяются на следующие виды: труположения в могилах, вторичные захоронения костей в могилах и вторичные захоронения костей человека на уровне древнего горизонта. Наиболее распространены труположения в могилах.

Размеры могил определялись возрастом и позой погребенного. Во всех случаях детские могилы меньше могил взрослых. Могилы, содержащие скорченные костяки (их немного), несколько короче могил с вытянутыми костяками. Глубина могил небольшая, с учетом уровня древней почвы редко превышает 80 см. Часто могилы совсем не углублялись в грунт. Возможно, глубина могильных ям зависела от твердости грунта и времени года, когда сооружалась могила. Форма могил обычно близка к прямоугольной с сильно скругленными углами.

Конструктивные особенности могил реконструируются с трудом. В девяти случаях известно оборудование ям деревом, в одном случае (в Мамбетовском кургане) — камнем. В Красногорском I могильнике в шести погребениях выявлены деревянные сооружения двух типов. В пяти случаях прослежено мощное бревно, положенное вдоль центральной оси ямы, служившее, очевидно, основанием для более тонкого деревянного покрытия. В одном случае обнаружены остатки сруба из одного-двух венцов бревен, который покоился на краях могильной ямы прямо на древней почве. Сходная деревянная конструкция исследована в 1974 г. в одиночном срубном кургане в селе Хрящевка Самарской области. На могильное перекрытие и внутрь низкого сруба-ограды насыпался чистый светлый песок или гравий, образовывавший площадку над погребением. Такие площадки хорошо зафиксированы в семи погребениях курганов 6, 11, 14 Красногорского I могильника. Сооружение площадок из песка или глины практиковалось также в черкаскульских могильниках и курганах кочевников раннего железа Западной Сибири [119, с. 71; 136, с. 87—106; 131, с. 133]. Дно могилы в одном случае было устлано крупной речной галькой (Красногорский I могильник, погребение 3, курган 5). Видимо, покойников при погребении запеленывали. На это указывают позы погребенных: руки сильно прижаты к туловищу, ноги сдвинуты.

Костяки в могилах размещаются в вытянутом и (редко) скорченном положении. Скорее всего в межевых могильниках прак-

тиковались обе позы, хотя очень отчетливо прослеживается тенденция захоронения в вытянутом положении. Так, если в ~~пу~~ уральских позднечеркаскульских могильниках (Такталачукском Тартышевском) преобладают скорченные захоронения, то в межомском (Красногорском I) — наоборот, вытянутые на спине. Вытянутое на спине захоронение зафиксировано и в оградке 4 могильни Березки Vб. В маклашеевских и раннеананьинских могильниках как известно, почти все погребенные вытянуты на спине. Вытянутые на спине захоронения характерны и для гороховской культуры, которая генетически связана с межомской [237, с. 2]. Вытянутые кости обычно лежали на спине, реже на боку. В ряде случаев у костяков, лежащих в вытянутом положении на спине, кости правых рук были уложены на таз. Этот элемент обряда встречается в маклашеевском Кумысском могильнике [50, с. 95 др.], среди ананьинских [69, с. 113] и в переходных позднесрубных захоронениях [120, с. 182]. Ориентировка костяков преимущественно западная, редко меридиональная.

Помимо трупоположений в могилах встречаются захоронения костей человека, которые позволяют рассматривать эти погребения как вторичные. Наиболее отчетливо подобные захоронения зафиксированы в Красногорском I могильнике (погребение 2, курган погребение 6, курган 12; погребение 3, курган 14). Могильные ямы с вторичными захоронениями не отличались ни по конструкции, ни по размерам. Их ориентировка сохранялась прежней. Если в погребении 2 кургана 1 человеческие кости находились в северо-западной половине могилы и лежали беспорядочно, то в двух других могилах (погребение 6, курган 12 и погребение 3, курган 1) кости были сложены аккуратно в кучку, а сверху положен череп. Нужно отметить почти полное наличие костей скелета за исключением может быть, самых мелких костей. Кстати, в погребении 6 кургана был захоронен ребенок, а в погребении 3 кургана 14 — мужчина 120—135 (определение А. В. Шевченко). Во всех случаях вторичные захоронения костей без могильной ямы представляют собой собранные в кучку, а чаще просто разбросанные человеческие кости, которые иногда сопровождаются разбитыми тут же сосудами и крупными их фрагментами. Череп часто находится в нескольких метрах от челюсти или рядом оказываются два черепа, а кости этих скелетов в одном кургане собираются неполностью. Видимо, в данном случае мы имеем дело с одним из самых простых способов погребения, возникшим еще в глубокой древности — с оставлением покойника на открытом воздухе. После того как живая ткань истлевала, кости собирали и либо помещали в вырытую могилу, либо — как, например, в погребении 2 кургана 6 — складывали компактной кучкой и насыпали курган. Иногда кости не собирали, а в том месте, где оставались разбросанные, часто на большом расстоянии друг от друга, кости, возводилась насыпь.

Инвентарь, сопровождающий умерших, обычно немногочислен и беден. Причем очень часто вещи преднамеренно портились при погребении. В Красногорском I могильнике все сосуды специально разбиты, их обломки встречались на значительном расстоянии друг от друга.

В части погребений на дне могилы в изголовии костяков встречаются кости животных, принадлежащие в основном крупному рогатому скоту, реже мелкому и еще реже — лошади.

Очевидно, на могильниках совершались тризны. Под курганом 7 Красногорского I могильника в ямке найдены мелко раздробленные кости крупного рогатого скота и овцы, по определению А. Г. Петренко — вареные.

Остатки огня в могилах фиксируются редко. В Красногорском I могильнике в двух погребениях, а также ряде могил Подгорно-Байларского могильника встречены мелкие угольки, не оставившие следов копоти на костях. Очевидно, сами могилы очищению огнем подвергались редко или таким образом, что крупные угли в могилу не попадали. Весь процесс огненного ритуала протекал вдали от могил, рядом с кострищами, которые четко фиксируются, например, на Подгорно-Байларском могильнике [90, с. 157—158].

Погребальный обряд межовских могильников находит ряд параллелей в могилах раннего железного века Западной Сибири — Саргатском и Кокановском могильниках. Это уже упоминавшиеся песчаные площадки над погребениями [136, с. 87, 101; 131, с. 133], подстилка дна могилы и укрывание или завертывание в бересту покойного, связывание (?) ног покойника, ориентировка погребенного, лежащего на спине, головой на северо-запад, расположение кисти левой руки на тазовых костях, кости (ребра) барана на дне могилы. Все эти совпадения не являются случайными. С другой стороны, имеется очень много параллелей с погребальным обрядом черкаскульских, а также абашевских и срубных племен как позднего этапа, так и переходного времени.

Единичные случаи сожжения и использования огня в погребальном ритуале есть наследство, вероятно, еще черкаскульского погребального обряда. Единичные трупосожжения встречаются и у срубников.

Способ захоронения умерших на спине в вытянутом положении, как уже отмечалось, тоже появился уже у позднечеркаскульского населения. Но если в позднечеркаскульских погребениях Такталачукского могильника господствует северная и восточная ориентировка, то в межовских Красногорском I и Подгорно-Байларском могильниках доминирует ориентировка головы погребенных на запад — северо-запад. Является ли такое изменение ориентировки в могильниках Приуралья результатом общестадийного развития межовской культуры при формировании ее прежде всего на базе черкаскульской, или же этот признак заимствован межовцами Приуралья у инокультурного населения — пока не совсем ясно.

Обряд вторичных захоронений был довольно широко распространен у срубного и абашевского населения⁴. Этнографические наблюдения, проводившиеся у чувашей и эрокезов, позволяли возникновение этого обряда объяснять уверенностью людей в том, что душа находится в тесной и неразрывной связи с телом и отрывается от него только после исчезновения тела. В силу этого "первичное погребение... не есть... погребение, т.е. отправлении покойника в загробный мир, а является только подготовительной стадией ко второму, т.е. настоящему погребению" [121, с. 228].

Обряд вторичных захоронений был широко распространен у народов Восточной Сибири и Приамурья, известных по археологическим и этнографическим источникам. Подробное описание обряда и посвященная этому вопросу литература приведены в нижеперечисленных работах [39, с. 241—242; 228, с. 337; 61, с. 171—172; 62, с. 144; 129, с. 115 и др.]. Интересно, что у эвенков обряд отправления души умершего в иной мир производился примерно через год после разложения трупа [39, с. 242]. Видимо, и у межевского населения существовали поверья, по которым некоторых покойников не хоронили в ямах, а оставляли на открытом воздухе до тех пор, пока кости не распадались.

Характерно, что найденные захоронения костей на уровне древнего горизонта не позволяют предполагать какое-либо другое место для первоначального помещения покойника, кроме курганной площадки. Очевидно, в зимнее время года, когда рытье могил и возведение курганов были затруднены, покойников просто оставляли на погребальной площадке, а летом на этом же месте возводили курганную насыпь.

Обычай ломки вещей, практиковавшийся у межевцев, был достаточно широко распространен в других сибирских погребениях, о чем свидетельствуют данные археологии и этнографии [39, с. 241—242; 100, с. 50; 62, с. 156—157; 86, с. 142]. Возможно, вещам старались придать соответствующий захоронению вид, руководствуясь следующими рассуждениями: раз человек представлен набором костей, то и вещи должны быть представлены набором обломков.

В финно-угорской археологии традиционно значительную роль в верованиях отводят культу огня и культу солнца, связывая их с анимистическими представлениями древнего населения. Возможно, огонь помогал душе умершего вознестись в другой мир, освещал ему путь в страну мрака. Если действительно, согласно поверьям, огонь обладал такой силой, то душа должна была покидать тело не у могиле, а раньше, в процессе подготовки покойника к погребению, видимо, у тех кострищ, которые были зафиксированы недалеко от могил под курганами или рядом с ними. Находки мелких угольков в могилах можно объяснить ритуалом очищения огнем могилы, как, например, это практиковалось у селькупов [100, с. 54].

О культе солнца свидетельствуют находки каменных дисков-пряслиц с расходящимися лучами, бронзовые выпуклые бляшки с ушком, которые носились, очевидно, на лбу. В погребении 3 кургана 5 Красногорского I могильника бронзовая бляшка располагалась перед лобной частью лежащего на правой стороне черепа мужчины старше 55 лет. Отметим, что, например, ненцы при обрядах, связанных с поклонением солнцу, нашивали на малицу блестящую медную пуговицу [101, с. 359]. Наконец, целый ряд фактов о применении тарелок с солярными орнаментами в культовых солнечных обрядах приводит М. Ф. Косарев [102, с. 259—260; 104, с. 211—212]. Как известно, глиняные блюда с солярными орнаментами с 6-го разреза Горбуновского торфяника находят широкие аналогии в орнаментах межовской посуды.

Суммируя приведенные выше данные, хотелось бы еще раз в краткой форме отметить основные черты черкаскульско-межовского погребального обряда на разных этапах его развития и особенности его в различных регионах распространения.

В хронологическом плане эти черты сводятся прежде всего к следующим моментам. Для раннечеркаскульских могильников Березки Vг, Перевозный Ia характерен довольно устойчивый обряд захоронений в положении скорченно на правом боку головой на восток (крайне редко на юг, север и запад) в неглубоких простых грунтовых ямах, отношение длины которых к ширине колеблется в пределах 1,5—2:1. Обряд трупосожжения на этом этапе не отмечен, но фиксируются определенные проявления культа огня в погребальном ритуале: прокалы и мелкие угольки в засыпке и на дне ряда могил. Отсутствуют захоронения в вытянутом на спине положении, только один раз встречено захоронение в положении скорченно на левом боку.

На позднечеркаскульском этапе (могильники Ахуново, Тартышево I, Такталачук, Ново-Бурино, Б. Караболка, Туктубаево, Кинзерово, Приплодный Лог I, Смолино, Кокшаровское погребение) способы захоронения становятся разнообразнее, причем не только в различных районах расселения черкаскульцев, но и в рамках одного могильника (яркий пример — могильник Такталачук). Наряду с захоронениями в скорченном положении на правом боку головой на восток получает широкое развитие обряд погребений в скорченном положении на левом боку, появляются захоронения в вытянутом положении на спине, пока, правда, немногочисленные, и “промежуточные” захоронения — скорченно на боку, но верхняя часть скелета развернута на спину; скорченно, но весь костяк несколько повернут на спину. Отмечены отдельные случаи трупосожжения в Среднем Зауралье и массовое распространение этого обряда в лесостепном Южном Зауралье. Могилы становятся уже и длиннее, и соотношение их длины и ширины колеблется в пределах 2:1.

В межевское время (Красногорский I, Подгорно-Байларский могильники, березовское захоронение в оградке 4 могильника Березки Vб и др.) обряд погребений скорченно на боку изживает себя и встречается крайне редко: это два погребения в Красногорском I могильнике. Господствующим становится обряд захоронений в вытянутом положении на спине головой на запад — северо-запад. В связи с распространением такого способа захоронений изменяется и соотношение длины и ширины могильных ям. Они становятся длинными и узкими (2,5 : 1).

Способ кремации покойников и ритуальное применение огня в погребальном обряде (кострища между могилами или угольки в могилах) встречаются крайне редко. Появляется обычай ставить сосуды не только на дно могил, но и около них: в насыпь курганов, на древнюю поверхность или же в кострища около могил. Наконец, помимо обряда захоронений в вытянутом на спине положении, в межевский период начинает применяться совершенно новый обряд, выразившийся в расчленении костяков и вторичных захоронениях их остатков. Эти погребения сопровождались преднамеренно разбитыми сосудами, что, возможно, также могло символизировать расчленение.

Локальные особенности черкаскульско-межевского погребального обряда проявляются прежде всего в характере надмогильных сооружений, в размере могильников, в некоторой степени в способах захоронений, характере погребального инвентаря и т.д. Появление локальных различий в способах захоронений связано с расселением, начиная с позднечеркаскульского времени, черкаскульцев и межевцев из горно-лесного Зауралья на сопредельные территории (подробно об этом см. в гл. 3) и активизацией их контактов с инокультурными группами населения. Видимо, с активизацией контактов с федоровцами черкаскульцы в лесостепном Зауралье все чаще стали практиковать обряд трупосожжений, известный им еще в предшествующее время, а также начали сооружать над могилами деревянные накатники и глиняные или песчаные площадки над ними. В погребальном инвентаре появляются иногда типично федоровские блюда. В лесостепном Приуралье, возможно, под влиянием срубников, поздние черкаскульцы стали хоронить своих покойников в скорченном положении не только на правом, но и на левом боку, а межевцы перенимают обряд расчленения костяков и вторичного захоронения, свойственный некоторым группам абашевцев и срубников [130, с. 137; 205, с. 209—240; 89, с. 85, 105—106; 5, с. 25].

Именно в лесостепном Бельско-Икском междуречье появляются и крупные по размерам черкаскульские и межевские могильники (Такталачук, Красногорский I). Причем в ряде могил этих памятников отмечены захоронения с оружием, что может быть связано с большей, чем в горно-лесном Зауралье, консолидацией пришлых

групп черкаскульского и межовского населения и установлением не всегда мирных отношений с местным населением. В горно-лесном же Зауралье обычай сооружения небольших коллективных могильников, возможно, начинается с позднечеркаскульского времени вырождаться, уступая место одиночным погребениям (Кокшаровское захоронение, погребение в оградке 4 могильника Березки Vб), что может быть связано с какими-то изменениями в нравственных и религиозных взглядах среднеуральского населения, в соответствии с которыми погребению в земле предавали не всех членов коллектива, а только некоторых из них. В связи с этим интересно заметить, что на территории Среднего Зауралья практически не известны коллективные захоронения неолитического-раннебронзового времени, а фиксируются только отдельные погребения, не образующие могильных комплексов [16, с. 164—165].

Черкаскульско-межовский погребальный обряд не только испытывал определенные инокультурные воздействия. В свою очередь он сам повлиял на погребальный обряд населения сопредельных Уралу территорий. С. Я. Зданович отмечает преемственность определенных черт черкаскульского и саргаринского погребальных обрядов [77, с. 11]. Видимо, под влиянием проникнувших в Нижнее Поволжье отдельных групп позднечеркаскульского населения появляются и захоронения в скорченном положении на правом боку головой на восток в срубном Деуковском могильнике [205, с. 227]. Усматриваются, как отмечалось, параллели с межовским погребальным обрядом в Саргатском и Коконовском могильниках раннего железного века Западной Сибири. Следует предполагать, что с накоплением новых данных по погребальному обряду населения гороховской культуры обозначатся определенные аналогии между межовским и гороховским погребальными обрядами, так как эти группы населения генетически родственны.

2.2. ИНВЕНТАРЬ И ДАТИРОВКА

2.2.1. Керамика

Характеристику керамики межовского типа можно дать по четырем основным показателям: технологии изготовления, форме, степени орнаментированности и характеру орнаментации посуды. При этом выявляются основные черты керамики памятников межовского типа, придающие ей характерную археолого-этнографическую специфику.

Технология изготовления. Вся посуда изготовлена вручную из глины. Глиняное сырье находилось где-то неподалеку от мест проживания. На поселении Лужки I найдена большая куча глины с естественной примесью талька. Глина многих черепков с поселения по составу не отличалась от этой [197, с. 56—57]. В основном

террасы рек Урала сложены из глин, которые обычно выходят на поверхность. Очевидно, источники глиняного сырья были легко доступны для человека.

Примеси в глиняном тесте нестабильны. Как правило, это талы или раковина, реже слюда, песок, шамот, растительные примеси. В Зауралье в качестве примеси использовался, как правило, тальк (до 100% на отдельных памятниках), раковина применялась редко (3% на Замараевском поселении). В то же время на бельских памятниках в керамике превалирует примесь толченых раковин, а тальковая посуда крайне редка, что может, вероятно, свидетельствовать об импорте посуды из Зауралья либо об импорте из-за гор талькового сырья, куски которого встречены на ряде бельских памятников.

В керамике памятников, расположенных по р. Каме, чаще всего встречается примесь песка или шамота. Это объясняется сильным влиянием культурных традиций приказанского населения. Интересно, что на исетско-тобольских памятниках (Замараево, Лужки I, Камышное II) примесь песка также возрастает, что, видимо, связано с усилением контактов межевцев в этом районе с местным населением Среднего Притоболья, для которого данная примесь типична.

Обработка поверхности сосудов производилась довольно тщательно. Внешняя поверхность обычно заглаживалась, а внутренняя обрабатывалась каким-то предметом (щепой, травой), от которого оставались штриховые полосы, идущие, как правило, вдоль по окружности сосуда. Часто поверхность горшков выгоревшая и пористая, поэтому определить характер обработки поверхности весьма сложно.

Форма сосудов. Ввиду фрагментарности материала затруднительно установить форму сосудов. Целые сосуды или их достоверные реконструкции с поселений крайне редки, а серии сосудов из могильников немногочисленны.

По сравнению с черкаскульскими пропорции межевских сосудов несколько иные. Венчик остается округлым, но исчезают налепы с внешней стороны (в отличие от черкаскульской посуды толщина венчика и стенок примерно одинаковая). Шейка обычно короткая и не только прямая, но и стогнутая наружу. Переход от шейки к плечико становится более резким, за счет этого тулова имеет тенденцию к увеличению раздутости. Переход же от тулова ко дну более плавный. Дно обычно без закраины. Нечасто, но встречаются баночные формы сосудов (рис. 36, 7; 43, 6—7 и др.), отсутствующие среди черкаскульских форм, но иногда имеющиеся среди коптяковских.

При работе с бытовой посудой для установления формы сосудов приходится пользоваться крупными фрагментами шеек, иногда вместе с плечиком. Материалы ряда памятников визуальнo распределены по следующим формам: 1) горшки (с прямой шейкой; с отогнутой шейкой; с закрытым устьем); 2) банки; 3) чаши; 4) корчаги.

Графики распределения посуды различных форм показывают в целом довольно стабильное распределение горшечных форм, среди которых преобладают горшки с отогнутой шейкой. Исключение составляет Старо-Кабановская II стоянка, где число горшечных форм сравнительно невелико, здесь преобладают чашевидные сосуды. Баночные сосуды встречаются относительно редко. Чашевидные сосуды представлены на Старо-Кабановской II, Ибрагимовской I, Максютовской II стоянках, Юкаликулевском поселении и др. Удельный вес этого типа посуды на памятниках невелик. Интересно, что на Ибрагимовской I и Максютовской II стоянках найдена в нерасчлененном слое также курмантауская керамика. Керамика Старо-Кабановской II стоянки также несет ряд черт смешения межовских и курмантауских орнаментов. На Юкаликулевском поселении курмантауской керамики не обнаружено, но, как будет показано ниже, этот памятник является поздним, и значительное число чашевидных форм может быть объяснено его поздней хронологической позицией. Крупные горшковидные сосуды, у которых диаметр плечика в 1,5 раза меньше высоты сосуда, отнесены к типу корчаг, предназначавшихся, вероятно, для хранения продуктов. Такие сосуды встречаются довольно редко, к тому же отсутствие придонных частей не позволяет восстановить полную высоту сосуда. Достоверно такие сосуды известны на поселении Лужки I.

В целях дальнейшей классификации типов керамики, которая возможна только при использовании математических методов, часть наиболее полно сохранившихся материалов была обработана с применением программы, предложенной В. Ф. Генингом. Методика работы подробно изложена в двух статьях [46; 13].

Типология шеек сосудов была проведена на девяти памятниках Зауралья и бассейна р. Белой. По формуле P2 была определена высота шейки. Сосуды по этому показателю были распределены на пять интервальных групп Б1—Б5: ФБ1 — с очень низкими шейками; ФБ2 — от 1 до 1,49 — с низкими шейками; ФБ3 — от 1,5 до 1,9 — со средними шейками; ФБ4 — от 2 до 2,49 — с высокими шейками; ФБ5 — более 2,5 — с очень высокими шейками.

По ФГ, определяющему угол наклона шейки отношением (P1—P2): 2P6, сосуды подразделяются на четыре группы: ФГ1 — меньше 0 — с шейкой, наклоненной вовнутрь сосуда; ФГ2 — от 0 до 0,14 — с вертикальной или слегка наклоненной наружу шейкой; ФГ3 — от 0,15 до 0,29 — с шейкой, сильно наклоненной наружу; ФГ4 — более 0,3 — с резко наклоненной наружу шейкой.

Из 20 возможных типов вариантов (от Б1Г1 до Б5Г4) на рассматриваемых памятниках полностью отсутствуют сосуды типа Б4Г4, а единичными экземплярами представлены типы Б3Г4, Б4Г1, Б4Г3, Б5Г1, Б5Г4, которыми мы пренебрегли, выделив их в группу "Прочие". После этого у нас осталось 14 (I—XIV) типов шеек.

Типы I—VIII характеризуются низкими и очень низкими шейками и отличаются только степенью их отогнутости. Здесь наиболее распространены сосуды VI и VII типов с низкими и высокими вертикальными или сильно отогнутыми наружу шейками.

Типы IX—XI характеризуются сосудами с шейками средней высоты, различающимися по их наклону. Однако типы IX и XI немногочисленны.

Типы XII—XIV включают сосуды с высокими и очень высокими слегка или сильно наклоненными шейками. Наиболее полно эти типы представлены на Юкаликулевском поселении. Анализ материала показывает, что на девяти памятниках в целом наиболее распространены сосуды с почти вертикальной или слегка наклоненной наружу шейкой низкой или средней высоты (типы VI, X). Менее распространены сосуды с очень низкой, низкой или средней высоты шейкой, наклоненной вовнутрь сосуда (типы I, V, IX).

На отдельных группах памятников распространены следующие типы шеек сосудов. Для зауральских поселений (Коптяки I, Березовское, Юкаликулево) наиболее характерен VI тип, почти три раза реже встречаются типы V и X, другие еще реже. Для нижнебельских стоянок (Старо-Кабановская II, Ново-Кизгановская II) типичными являются VI и XI типы. Для среднебельских стоянок (Затонская II, Жуковская, Ибрагимовская II, Максютинская II) наиболее типичны сосуды с шейками I, VI, X типов.

Проведенная статистическая дифференциация керамики позволяет сделать следующий важный вывод. Совершенно ясно, что одни и те же формы сосудов распространены на памятниках как Приуралья, так и Зауралья. Например, типы шеек VI и X встречены почти на всех памятниках, кроме двух приуральских (Ново-Кизгановская II и Затонская II стоянки), для которых выборка керамики, использованная в подсчетах, мала. Очевидно, при большем количестве материалов эти типы также будут обнаружены. Различия в форме сосудов настолько значительны, чтобы можно было говорить о разных типах культур в каждом из районов. Они проявляются в сравнительно небольшом количестве и носят скорее частный, локальный характер.

Важным типологическим признаком является оформление шейки сосуда. Ее орнаментация отличается разнообразием. Выделяются валик у основания шейки или у середины горловины, воротничок, расположенный под срезом венчика, и гладкая шейка.

В территориальном распространении валиковой посуды наблюдается следующая тенденция. Камские памятники содержат валиковой керамики больше, чем нижнебельские. Наивысшие проценты ее фиксируются на зауральских поселениях. Воротничковая керамика распространена на камских и отдельных бельских поселениях. Для Зауралья воротничковая керамика менее характерна.

Наиболее полную картину по оформлению шейки сосудов дает Юкаликулевское поселение. Здесь валиковой посуды найдено 24%

воротничковой 3,2%, а с гладкой шейкой — 72,2%. Интересно, что валиковая керамика на межземляночном пространстве располагалась неравномерно. Основная масса ее найдена в средней части культурного слоя, в IV и III штыках, но удельный вес ее в слое увеличивается ближе к поверхности [55, рис. 10]. Воротничковая посуда имеет ту же тенденцию, хотя общее количество ее крайне мало. Подтверждают это сосуды с гладкой шейкой, которые по мере развития поселения встречаются в 1,7 раза реже (от 92% до 53%).

График распределения шеек сосудов по постройкам не выявил четкой закономерности. В стратиграфически одновременных постройках 2 и 3 валиковая керамика составляет приблизительно одинаковый процент, но воротничковой в постройке 2 больше в четыре с лишним раза. В более поздней постройке 1 валиковой керамики примерно столько же, сколько в других постройках (1 — 19,3%; 2 — 21,1%; 3 — 18,3%), а по воротничковой постройка 1 занимает промежуточное положение между более ранними постройками 3 и 2.

Таким образом, стратифицированные материалы построек не подтверждают общую тенденцию развития валиковой и воротничковой керамики, установленную по материалам межземляночного слоя. Это, очевидно, объясняется тем, что в заполнения более ранних построек могла попасть битая посуда, которой пользовались жители верхнего яруса поселка.

Заслуживает внимания оформление днищ горшечных сосудов. Среди их массы выделяется небольшое количество днищ с закраинами и на поддонах. Оба эти признака считаются датирующими. Они характерны для черкаскульской посуды (рис. 3; 4, 7). В. П. Денисов считал наличие закраин, усиленных канавками, отделяющими плоские днища от тулова сосудов, характерным признаком раннего этапа ерзовской культуры [58, с. 37].

Е. Е. Кузьмина, рассматривая кубкообразные сосуды Казахстана, предполагает, что этот своеобразный тип посуды, встречающийся в единичных экземплярах на поселениях, служил для ритуальных целей [112]. К числу перечисленных Е. Е. Кузьминой сосудов можно добавить единичные обломки днищ с памятных Елань, Затонское II, Юкаликулево, Старо-Кабаново II. Рюмкообразную без поддона форму имеет тигель из постройки 1 Юкаликулевского поселения. Отдельные днища орнаментировались. Видимо, можно поддержать предположение Е. Е. Кузьминой о ритуальном характере данного вида посуды.

Орнаментация является важнейшим признаком, на основании которого мы можем судить о культурно-этническом единстве населения.

Керамика межовских памятников исследовалась по степени орнаментированности сосудов, по технике выполнения элементов

узора, по элементам орнамента, по их распределению на различных частях сосуда, по композиции орнамента.

Степень орнаментированности сосудов. У основной массы сосудов орнаментировались шейка и плечико, придонная часть украшалась очень редко. Только на Юкаликулевском поселении процент орнаментированности придонных частей достаточно высок — 16%. Но это объясняется, видимо, сохранением в межевской посуде орнаментальных традиций еще черкаскульского времени.

Орнамент на глиняные сосуды Приуралья наносился резными оттисками, выполненными костяными гладкими штампами, которые встречены на стоянке Инзелга и на Юкаликулевском поселении, или глиняным штампом, найденным на стоянке Ахметовская I. Были, видимо, и зубчатые штампы; возможно, они изготовлялись из дерева. Использование деревянных гладких штампов в виде пластин предполагает В. С. Стоколос [197, с. 59]. Ямочный орнамент мог выполняться концом круглой аккуратной палочки. Углом гладкого штампа типа инзелгинского могли наноситься угловые вдавления. Встречающийся очень редко кольцевой орнамент мог получиться от вдавления концом полой тростинки. Каннелюры получались от выборки глины для валиков, которые оттягивались, а налеплялись крайне редко. Прочерчивание выполнялось пальцем или каким-либо предметом, может быть, тем же штампом. Редко встречающийся шнуровой орнамент межевцы получали тем же способом, что и ананьинцы, — использованием колесика, штампа или перевитого шнура.

Наиболее типичная для Приуралья техника нанесения орнамента — резная. Зубчатая является как бы вспомогательной и преобладает на каком-либо памятнике.

На поселениях горно-лесного Зауралья господствующими техническими приемами при нанесении орнамента являются резная и прочерченная техники (от 16,6 до 58,6%), среднегребенчатый штамп (от 8,5 до 29,8%). Встречаются также валики (от 4,9 до 14,5%) гладкий штамп (от 0,3 до 6,1%), насечка (от 0,7 до 8%), вдавление (от 4,7 до 11,5%), псевдоверевочка, а иногда и прокатанная гребенка (рис. 66).

Орнаментальная зона зауральских сосудов охватывает только верхнюю треть или половину сосуда, крайне редко опускаясь ниже наибольшего диаметра тулова. Есть сосуды, украшенные пояски простых узоров только по шейке (рис. 32, 3; 33, 3 и др.) или в переходу от шейки в тулово (рис. 33, 6; 37, 6; 40, 4 и др.). Орнаментальная зона у дна, свойственная черкаскульской посуде, исчезает. Никогда не орнаментировалось дно, венчик, шейка внутренней стороны.

Судя по бытовым памятникам горно-лесного Зауралья — автхтонной территории культуры, в орнаментации межевской посуды

преобладают такие элементы, как елочка (от 16 до 25,4%), часто нанесенная на валике; наклонные отрезки (от 14,2 до 33%), горизонтальные зигзаги (от 5,7 до 20,9%). Относительно высок на межовской керамике удельный вес валиков-воротничков (от 5,8 до 16,7%), горизонтальных линий (от 0,8 до 11,2%). Зато исчезли или очень редко применяются типичные для черкаскульской посуды широкие желобки, меандры (их заменяют горизонтальные заштрихованные ленты), треугольные фигуры (рис. 65, 6, 11, 20, 21). В орнаментации, кроме перечисленных узоров, применяются также вдавления различных форм, каплевидные насечки, колонки наклонных отрезков, ромбическая сетка, ромбы, ленты, вертикальные зигзаги (рис. 65, 8, 12—16, 19, 22—25), но роль этих узоров невелика.

В целом для межовской посуды как приуральских, так и зауральских поселений характерны 16 ведущих элементов орнамента (рис. 29, 1—16). Подсчет показывает сравнительно высокий удельный вес элементов 1—6 и 15, 16. Другие элементы часто встречаются только на некоторых памятниках. Рассмотрим в отдельности каждый элемент орнамента межовской посуды.

Елочная орнаментация является наиболее типичной для межовской керамики. Она занимает ведущую роль на памятниках бассейнов Ика, Белой, Демы, части памятников Зауралья. На Каме елочная орнаментация встречается реже.

Решетчатый орнамент, обычно располагающийся на верхней части шейки и значительно реже (на Юкаликулевском поселении почти в 6 раз) встречающийся на плечике сосудов, наиболее распространен на приуральских памятниках, хотя на большинстве из них среди других элементов он занимает довольно скромное место.

Горизонтальные линии, обычно располагающиеся на шейке сосуда, широко распространены на всех памятниках, но больше всего на памятниках бассейнов Камы и Белой и на отдельных памятниках Зауралья. Горизонтальные линии относятся, пожалуй, к самым простым элементам орнамента, которые, как справедливо считают археологи, могут существовать вне зависимости от культурных влияний и связей и возникать конвергентно. Следует отметить, что горизонтальные линии, широко распространенные на приуральской керамике, несут ту же функциональную нагрузку, что и ряды параллельных желобков на зауральской керамике. Иной раз очень сложно отделить на фрагменте глубокую желобчатую линию, выполненную оттисками штампа или прочерчиванием, от желобка (выполненного, по-видимому, пальцем), часть глины из которого пошла на формовку расположенного рядом валика.

Следующим характерным элементом орнамента являются зигзаги, как одиночные, так и многорядовые. Отсутствуют зигзаги

только на отдельных стоянках бассейнов Белой и Ика (Затоская II, Чесноковская I, Куштерьянская, Сасыкульская, Максютоская II), но на части из них очень мала выборка керамики. Думается, что отсутствие зигзагового орнамента не отражает территориальной или хронологической позиции комплекса.

Заштрихованные ленты являются частью сложного коврового орнамента, который мог состоять из меандров, зигзаговых зон т.д. или просто из выстроенных в ряд лесенок. По элементам композиции он тождествен орнаменту на черкаскульских сосудах из черкаскульско-федоровских могильников с трупосожжением. Целом удельный вес заштрихованных лент невысок, но даже при этом наблюдается затухание элемента на западных памятниках. бассейне Камы, в отличие от бассейнов Ика и Белой, появляется как исключение. Здесь встречается орнаментация виде заштрихованных лент, но по смысловой нагрузке ее скорее можно отнести к другим элементам: линиям с наклонными нарезками и др.

Штрихованные треугольники, обычно окаймленные "бахромой" из каплевидных насечек, довольно часты на поселениях Ик Средней Белой и Демы. Встречаются они и на некоторых зауральских памятниках (до 10% на Замараевском).

Ряды наклонных насечек также являются довольно характерным элементом межовской керамики. Отсутствие его на некоторых памятниках можно объяснить недостаточной выборкой материала для них.

Удельный вес других элементов в целом на памятниках небольшой, но некоторые из них имеют определенную территориальную локализацию. Елочка из широких овальных вдавлений распространена в бассейнах Камы, Ика, Верхней Белой и в Зауралье. Уголковый орнамент характерен для памятников бассейнов Нижней и Средней Белой, Демы и Зауралья. Елочка из каплевидных насечек и флажки встречаются в основном на Средней Белой, каплевидные насечки распространены на ряде памятников Зауралья, особенно березовского типа (Усть-Миасское IV, Березовский и др.).

Важным моментом при исследовании орнаментики керамики является вопрос о привязке того или иного элемента к какой-то определенной части сосуда. Замечено, например, что днища придонные части межовских сосудов никогда не орнаментировались елочным орнаментом, меандром и т.д. В то же время чисто визуально все исследователи фиксировали определенные элементы на определенных частях сосудов. Например, горизонтальные линии и решетка располагаются на шейке. Для проверки визуального восприятия сочетаемости элементов и частей сосудов на материалах выборки части культурного слоя межземляночного пространства Юкаликулевского поселения из раскопок 1978 г. было про-

читано 510 обломков шеек и стенок (проводить подробный анализ для всех памятников нецелесообразно ввиду малочисленности материала). Подсчеты показали, что существует определенная закономерность в нанесении тех или иных элементов орнамента на поверхность сосуда.

На шейке наиболее часты элементы 1, 3, 4, 10, 16, 17, 21, а на стенках 1, 3, 5, 6, 10, 17 (рис. 29). Элементы 1, 6, 13, 14, 15, 17, 22, 23 приблизительно в равной мере распространены как на шейках, так и на стенках сосудов. Элементы 2, 3, 9, 16, 21 на шейках сосудов встречаются чаще, чем на стенках. Причем элементы 2 и 9 отмечены на одном-двух фрагментах и являются скорее всего исключением. А элементы 5, 7, 10 и 20 наиболее часто встречаются именно на стенках сосудов.

Таким образом, наиболее частыми элементами орнамента на шейке являются решетка, горизонтальные линии, семечковидные вдавления, наклонные насечки, штрихованные треугольники вершинами вверх, а на стенках — ромбы, заштрихованные ленты, уголкового вдавления, наклонные линии с "бахромой". В тоже время элементы, чаще всего встречающиеся на шейке, могут присутствовать и на стенках, и наоборот.

Разновидностью межовского орнаментального комплекса является березовский тип керамики. Он выделен и впервые описан К. В. Сальниковым [181, с. 17—20; 184, с. 362—363]. Памятники с керамикой этого типа известны только в южных районах горно-лесного Зауралья. В Тагильском районе и в Приуралье они не зафиксированы. В реальности существования березовского орнаментального комплекса как особого типа керамики усомнился М. Ф. Косарев, который не выделяет его из круга межовских древностей и рассматривает в рамках межовского типа керамики [102, с. 163]. Л. П. Хлобыстин, наоборот, предлагает памятники березовского типа рассматривать как особую археологическую культуру (не приводя, впрочем, никаких аргументов в защиту своей точки зрения) [208, с. 15]. Все вышеизложенное заставило нас вновь, но уже статистически, обработать поздний комплекс Березовского поселения, на основании которого К. В. Сальников выделил этот тип керамики.

Действительно, как отмечал К. В. Сальников, посуда позднего комплекса Березовского поселения несколько отличается от межовской. Форма березовских сосудов характеризуется яркой тенденцией к усилению раздутости тулова (рис. 37, 3, 4, 8, 9) и округлению дна. Последний признак хорошо фиксируется по форме погребального сосуда в оградке 4 могильника Березки Vб, единственного пока погребения березовского типа. Обычными становятся и баночные формы сосудов (рис. 37, 1). Ведущими орнаментальными мотивами на березовской посуде являются прежде всего каплевидные насечки (32,7%), горизонтальные

зигзаги (16,8%), валики (15,1%), почти всегда украшенные елочкой (12,1%), в то время как на межовской посуде валиков меньше (от 5,8 до 14,9%) и они гораздо реже украшались елочкой (от 1,4 до 4,6%). Практически полностью исчезают треугольные фигуры, а встречающиеся обычно обрамлены "бахромой" в виде каплевидных насечек (рис. 42, 2). Единичны ромбовидные фигуры и ломаные горизонтальные заштрихованные ленты по тулову сосуда (рис. 36, 12). Полностью выходят из употребления широкие желобки, не заполненные дополнительным орнаментом (рис. 65, 6). Особенно же заметны различия между межовской и березовской посудой в технике орнаментации. При сохранении ведущей роли резной и прочерченной техник (46%) на березовской керамике резко падает значение гребенчатого штампа (2,7%), но значительно увеличивается роль техники насечки (22,7%). Гладкий штамп полностью исчезает (рис. 66).

Указанные различия между межовским и березовским орнаментальными комплексами дают основания считать последний (вслед за К. В. Сальниковым) самостоятельным. Причем его следует рассматривать все же не как особую культуру, а как этап в развитии межовской орнаментальной традиции, поскольку оба эти комплекса сближают многие признаки, такие как высокая роль елочного орнамента, наклонных отрезков, валиков, горизонтальных зигзагов и т.д., незначительный удельный вес горизонтальных ломаных заштрихованных зигзагов, треугольников, ромбов, желобков, отсутствие меандров и, наконец, господство резной и прочерченной техник при незначительной роли желобчатых прочерчиваний (рис. 65, 66). К. В. Сальников относил к памятникам березовского типа также поселения Коптяки I, II [184, с. 362], но они, к сожалению, статистической обработке не подвергались. Зато обработанный статистически керамический комплекс поселения Усть-Миасское IV по основным признакам гораздо ближе стоит к комплексу позднего слоя Березовского селища, нежели к межовским памятникам [235, рис. 1, 17, 24, 26, 29, 31].

Посуда Усть-Миасского IV поселения сочетает в себе горшечные и баночные формы с орнаментом, нанесенным прежде всего резной и прочерченной техниками (48,6%) и техникой насечки (27%). Здесь мал удельный вес гребенчатого штампа (4,1%), совсем не встречается гладкий штамп (рис. 66), но относительно высока, даже по сравнению с рядом межовских памятников, роль желобчатых прочерчиваний (4,1%). В элементах орнамента различий между этими двумя памятниками несколько больше, чем в технике (рис. 65). На посуде Усть-Миасского IV поселения имеются широкие желобки (13,4%), особенно заполненные наклонными отрезками (8,9%), но зато меньше валиков (3,0%), елочки (10,4%) и нет елочки на валиках (рис. 79). По

остальным элементам орнамента процентные показатели примерно одинаковы. Интересно, что даже по цвету глины (светло-серая) оба памятника несколько отличаются от межевских (в последних преобладают черепки светло-коричневых тонов), хотя и происходят далеко не из одного района. Правда, это сходство может носить и случайный характер.

К эпохе поздней бронзы кроме межевского и березовского типов посуды, во всяком случае для южных районов горно-лесного Зауралья, следует относить еще один тип керамики, который отмечен на аргазинских поселениях Аргазии XIII, Перевозный III и ряде других (рис. 38). Особенно выразителен он на поселении Аргазии XIII. Его своеобразие заключается в сочетании межевской декоративной схемы (елочка на валике, ромбическая сетка, горизонтальные двоянные линии и зигзаги, выполненные резной техникой и прочерчиванием) с формой посуды, которая скорее характерна для сосудов раннего железного века, в частности сарматидных, чем для сосудов эпохи поздней бронзы. Орнамент на посуде этого типа следует рассматривать, вероятно, как вариант межевского орнамента, существовавшего на последних этапах развития межевской культуры. Кроме того, обращает на себя внимание близость этого типа посуды керамике гафурийского типа, отмеченной в памятниках раннего железного века Башкирии [162, с. 203, рис. 24, 8, 9, 11; 25, 1—4; 26, 1—8; 135, рис. 17, 2—8].

Заканчивая характеристику основных типов межевской керамики, подчеркнем еще один важный аспект.

Орнамент на керамике памятников эпохи поздней бронзы Урала относится к группе геометрических орнаментов, причем в его составе можно весьма приблизительно выделить две подгруппы: собственно геометрические орнаменты, включающие ромбы, треугольники, зигзаги, уточки и проч., и елочко-линейные орнаменты, характерным признаком которых являются елочки и горизонтальные линии. Орнаменты первой подгруппы тяготеют к черкаскульским мотивам, второй — к межевским. Не следует полностью отождествлять эти подгруппы с той или иной культурой. Подобное деление преследует цель выявить лишь общую тенденцию развития орнамента, который никогда, ни у каких народов не оставался статичным [85, с. 31].

2.2.2. Инвентарь

При раскопках межевских памятников кроме керамики получен и другой хозяйственно-бытовой инвентарь. В настоящей работе он классифицируется по характеру материала, функциональному назначению изделий, категориям вещей и типам (устойчивым сочетаниям признаков).

Металлический инвентарь

Изделия из бронзы

Орудия труда

Кельты. Киммерийского типа (5). Случ. нах.: гора Петер-1 (рис. 47, 2), д. Рысаево, Учалинский р-н республики Башкортостан (рис. 47, 4), д. Сауз, Краснокамский р-н республики Башкортостан (рис. 47, 3); городище Грохань [68] (рис. 47, 1).

Кельт дербеденевского типа (1). Случ. нах.: б. Оренбургск губ. [183, с. 161, рис. 1, 1].

Кельты-тесла с лобным ушком (10): пос. Юрак-Тау (рис. 48, 1), Забойное I [15, с. 61, рис. 32]; случ. нах.: д. Са (рис. 48, 2), с. Кочневское на р. Каменке (рис. 48, 5); Сысертского завода [219, с. 169, рис. 48, 26, 35], Екатеринбургский историко-краеведческий музей (рис. 48, 6), городище Грохань (рис. 48, 3), пос. Долговское (рис. 48, 4), ст. Крутоберегов (рис. 48, 7), Карауловская (рис. 48, 7).

Кельты с пещеркой (4). Случ. нах.: гора Нарис-Тау [18, с. 161, рис. 1, 6; 2, 1], с. Сулак (рис. 47, 10), с. Катайск (рис. 47, 9), на р. Канаш (рис. 47, 8), пос. Чесноковская Паш [184, с. 361, рис. 58, 16].

Долота цельнолитые втульчатые с валиком дербеденевского типа (8): Дербеденевский клад [116, с. 59, рис. 8, 5], пос. Черемуховый Куст (рис. 49, 2), Ананьинская Дюна [69, с. 192, табл. XXXIV, с. 197, табл. XXXVI, 20] (рис. 49, 6—7), Луговское II (рис. 49, 1), случ. нах.: у с. Ново-Мордово (рис. 49, 8).

Долота без валика (3): пос. Степное II [116, с. 35, рис. 4, 1] (рис. 49, 3), Камышное II [156, с. 143, рис. 55, 4] (рис. 49, 4), Высокая Грива [156, с. 129, рис. 48, 4].

Долото сосново-мазинского типа: Сосново-Мазинский кл. (рис. 49, 9). Незаконченная матрица долота и бритвы имеется в литейной форме из БКМ (рис. 61, 1).

Серпы. Дербеденевского типа (13): ст. Батраковская, облом (рис. 50, 9), ст. Нижне-Ибраевская (рис. 50, 4), 2 экз. в Кармановском кладе [116, с. 57, рис. 5, 1—2], 6 экз. в составе Дербеденевского клада [116, с. 58, рис. 7, 1—7]; случ. нах.: д. Айтуп Мелеузовского р-на республики Башкортостан (рис. 50, 3), Чистопольский краеведческий музей [116, с. 61, рис. 9, 7], у с. Омар [200, табл. XX, 9]. Литейная форма для отлива серпов дербеденевского типа найдена у с. Воскресенского [184, с. 360, рис. 58, 6].

Серпы катаяского типа с узким лезвием (5): пос. Юкаликула (рис. 50, 7), Черемуховый Куст (рис. 50, 5), Чесноковская Паш [184, с. 361, рис. 58, 15]; случ. нах.: с. Катайское [175, с. 16, 1], с. Беловольское [241, табл. XV, 5].

Серпы сосново-мазинского типа (1): случ. нах. на пос. Старо-Кумлянское (рис. 51, 8).

Шилья. Четырехгранные (17): пос. Тюбьяк, Юкаликулево (по 3 экз.), Мурдымовское, Уразаевское I и II, ст. Старо-Яппаровская I, III, Жуковская (рис. 52, 4, 5, 7, 9, 10—12), пос. Варакосово [156, с. 136, рис. 53, 3], Калмацкий Брод [166, с. 43], Волостниково (3) [156, с. 135, рис. 52, 4, 10, 11]. Длина шильев от 5 до 11 см.

Шило (или пробойник) длиной 15,5 см найдено на пос. Бирском (рис. 52, 3).

Шилья круглые в сечении: пос. Волостниково (1) [156, с. 135, рис. 52, 9].

Иглы. Круглые в сечении (3): ст. Ново-Кизгановская II, пос. Тюбьяк (рис. 52, 6), погреб. I Балымского пос. [93, с. 210—211, рис. 33, 5].

Рыболовные крючки (3): ст. Жуковская (рис. 52, 13), пос. Волостниково (2) [156, с. 135, рис. 52, 6—7].

Ножи. Двухлезвийные (18) 5 типов. 1) С прямым черенком и пологим переходом к клинку (2): пос. Юкаликулево (рис. 53, 1, 2), Усть-Суерское [156, с. 133]; 2) с параллельными лезвиями (3): ст. Инзелга (рис. 53, 10), погреб. I Балымского пос. [115, с. 207, рис. 27, 3], из жилища Еловского пос. [57, с. 70, рис. 5, 15]; 3) с листовидным лезвием (4): ст. Старо-Кабаново II (рис. 53, 9), пос. Старо-Янзигитовское (рис. 53, 23), М. Липовый (рис. 53, 19), Волостниково [156, с. 135, рис. 52, 1]; 4) с перекрестьем срубного типа (6): 3 экз. из Красноплодбищенского мог.; случ. нах. на оз. Березовом (3) [184, с. 361, рис. 58, 12—13; 219, с. 67, рис. 58, 31]; 5) с треугольным черенком и плоским переходом к клинку (3): пос. Зириковское (рис. 53, 10), Кумыское (рис. 53, 22), Волостниково [156, с. 134, рис. 51, 3].

Ножи однолезвийные (2): пос. Уразаевское I [194, с. 35, рис. 8, 2], Высокая Грива [156, с. 129, рис. 48, 3].

Предметы вооружения

Кинжалы. С упором, киммерийского типа (2): мог. Красногорский I (рис. 54, 7), Кармановский клад (рис. 54, 6); случ. нах.: с. Кочневское на р. Каменке [219, рис. 58, 3].

Кинжалы кардашихинского типа (2): ст. Ново-Кизгановская II, пос. Бирское (рис. 54, 3).

Кинжалы сосново-мазинского типа (5): случ. нах.: б. Уфимская губ. [184, с. 186, рис. 21, 4], поселок Тирлянский Белорецкого р-на республики Башкортостан, г. Елабуга [200, с. 77, табл. III, 2], на оз. Аргази [234, с. 52, 55, рис. 1, 4]. Близок к ним кинжал с грибовидной головкой и округлым отверстием в рукояти (1): случ. нах. у поселка Зирган (рис. 55, 2).

Наконечники копий (10). С ушком (2): случ. нах.: д. Бочкаревха, Красный Яр близ г. Уфы (рис. 55, 9, 10). Матрица имеется

в форме из с. Старая Мать Баймакского р-на республики Башкортостан (рис. 62, 1).

С прорезями в пере (8): мог. Красногорский I, Юмаковский (рис. 56, 7, 8); случ. нах.: на оз. Куяш-Огневском [184, с. 36, рис. 58, 9] и в Зауралье [26, табл. II, шифр 151], на оз. Исети [23, с. 190, рис. 1, 20], на р. Миасс [175, с. 62, рис. 16, 4], Каменногорском городище [102, с. 187, рис. 72, 8].

Наконечник дротики втульчатый двухлопастной найден на ст. Кереневской (рис. 55, 6). Наконечники стрел представлены матрицами литейной формы с пос. Тюбяк (рис. 62, 2). Здесь отливались черешковые наконечники с треугольным пером.

Предметы быта

Бритвы с упором представлены матрицей литейной формы БКМ (рис. 61, 1).

Украшения

Бляхи круглые с ушком (4). 2 экз. на ст. Ново-Кизгановская (рис. 52, 18, 24), Красногорский мог., Ибрагимовское I пос. (рис. 52, 19, 17). Бляхи отливались в формах, найденных на ст. Жуковской и Дуванейском пос. (рис. 61, 3, 4). Диаметр бляшек 20—30 см, ибрагимовской — 50 см.

Браслеты с несомкнутыми концами (2). Желобчатый: пос. Тюбяк (рис. 52, 24), овальный в сечении: мог. Березовский (рис. 52, 21).

Подвески (3). Желобчатые в полтора оборота округлой формы (1): пос. Юкаликулево (рис. 52, 20). Подвески овальной формы (2): Красногорский мог., пос. Тюбяк (рис. 52, 16).

Серьга. В форме кольца с несомкнутыми концами, один из которых утолщен, найдена на пос. Тюбяк (рис. 52, 16).

Изделия из железа

Ножи (2). Бесчерешковый с прямой спинкой найден на Юкаликулевском пос., нож-секач — на Ибрагимовском I пос.

Мотыга (1) происходит с Юкаликулевского пос.

Шило (или пробойник) найдено на Ибрагимовском I пос.

Игла — на Юкаликулевском пос.

Костяной инвентарь

Орудия труда

Лощила или тупики из нижних челюстей крупного рогатого скота (около 20). Имеются на многих поселениях. Представлены

основном обломками рукоятей, хотя встречаются и целые экземпляры. Поверхность их обычно залощена, иногда отточена. Они различаются отверстиями в рукояти. Имеются рукояти с высверленным отверстием с нижней торцевой стороны и с поперечным отверстием, видимо, для закрепления ремня.

Проколки из метакарпальных костей мелкого рогатого скота (116). Представлены почти на всех поселениях: Юкаликулевском (81), Тюбюк (11), Казангуловском Нижнем (5) и т.д. Они обычно не обрабатывались. Концы у большинства проколов обломлены.

Ножи и штампы. Плоский нож, напоминающий бронзовые ножи, найден на Юкаликулевском пос. (рис. 58, 9). Ножи-штампы различных форм найдены на ст. Инзелга (рис. 58, 8), Мулино, Старо-Кабановская II (рис. 58, 5). Они служили для орнаментации глиняной посуды и, возможно, для очистки шкур от мездры.

Рукояти ножей (2): пос. Тюбюк и Юкаликулево (рис. 57, 7, 8). Длина их 11,7 и 7 см.

Кочедыки (2): ст. Жуковская и пос. Юкаликулево (рис. 57, 1, 2). Изготавливались из реберных костей животных. Длина 22 и 20,5 см. Жуковский экземпляр орнаментирован. В нижней части его имеется отверстие, на юкаликулевском — оно только намечено.

Тесла (2): пос. Дуванейское.

Молоток в форме цилиндра для рукояти (1): пос. Юкаликулево.

Трубочки (2): ст. Ахметовская I [72, с. 93], Сасыкуль (рис. 57, 6). Они разного диаметра.

Наконечники стрел. Относятся к отделу черешковых. Представлены тремя типами. Плоские двушипные (5): пос. Тюбюк (2), Юкаликулево, ст. Ново-Кизгановская II, Юмагузинская (рис. 59, 1—5). Граненые с выделенным черешком (3): пос. Юкаликулево (2), Бирское городище (рис. 59, 10—12). Трех- или четырехгранные с невыделенным черешком (6): ст. Ново-Кизгановская II (4 экз., все найдены вместе), пос. Юкаликулево (2) (рис. 59, 20—25). Округлого сечения с невыделенным черешком (5): ст. Инзелга (2), Юмагузино I, пос. Тюбюк, Казангуловское Нижнее (рис. 59, 15—19).

Дротики отличаются большими размерами — от 9 до 12 см. Отдел втульчатых (1): ст. Старо-Яппаровская I (рис. 59, 14). Отдел черешковых (11). Двушипные (1): ст. Мулино (рис. 59, 6). Бесшипные (5): пос. Юкаликулево (4), ст. Мулино (рис. 59, 7, 9, 13, 29, 30).

Гарпуны (3). Пос. Бирское, ст. Мулино, стоянка на стрелке Горбуновского торфяника [37, с. 152, рис. 36, 4].

Детали одежды

Пуговицы (1). Пос. Юкаликулево (рис. 58, 11). Поделка конусообразной формы с отверстием в центре и углублениями с противоположных сторон.

Пряжка (1). Пос. Юкаликулево. Прямоугольной формы с отверстиями вдоль и в задней стенке (рис. 58, 10). Может быть деталью конской упряжи.

Амулеты. Просверленные клыки кабана и медведя (2): пос. Юкаликулево, ст. Старо-Яппаровская III. Подвеска подтреугольной формы с отверстием в узкой части: пос. Юкаликулево.

Ложечка из позвонка животного с рукоятью, оформленной в форме уточки: пос. Казангуловское Нижнее. Изделие изнутри и с боков заглажено.

Детали конской сбруи

Псалии (4). Роговые трехдырчатые псалии с овальными отверстиями в одной плоскости белозерского типа (2): ст. Ново-Кизгатовская, Ахметовская I (рис. 58, 1, 2). Псалий из расколотой кости с пазами в средней части найден на пос. Юкаликулево (рис. 58, 3). Обломком псалия является изогнутая кость с пазом в средней части с пос. Тюбук (рис. 58, 4). Типологически два последних предмета близки.

Неопределенные предметы

К ним относится морда лося, являющаяся обломком какого-то плоского предмета.

Каменный инвентарь

Изделия из камня очень редки. Нуклеус представлен единственной находкой на ст. Юмагузино. Пластина тоже одна на пос. Дуванейском. Скребки круговые (26): пос. Дуванейское (4), Верхнее Биккузино, Юкаликулево, Тюбук (4), ст. Максютинская II (16).

Ножи (2): ст. Старо-Яппаровская I, пос. Казангуловское Нижнее.

Наконечники стрел. Подромбически-черешкового типа (6): ст. Максютинская II (рис. 60, 9), Ахметовская I [72, с. 92, рис. 17, 9], Икская III [11, с. 45, рис. 7, 5]. Подтреугольной формы (22): ст. Старо-Кабановская II, Жуковская, пос. Юкаликулево (8) (рис. 60, 1—6, 11—17), Дуванейское (3) [40, с. 254, рис. 4, 5—7], Быргындинское [13, с. 96, рис. 2, 6], ст. Икская II (5) [11, с. 45, рис. 7, 2—4, 7, 9], пос. Камышное II [156, с. 10], рис. 34, 2], Еловское [57, с. 70, рис. 5, 1]. Листовидной формы (1): ст. Икская III [11, с. 45, рис. 7, 1].

Наконечники дротиков листовидной формы (3): ст. Ахметовская [72, с. 92, рис. 17, 8], Старо-Яппаровская III, пос. Кумлякуль [184, с. 89].

Песты трех типов: 1) удлинённой формы с головкой (3): 2 экз. на ст. Ахметовская I [72, с. 90, 91, рис. 16, 9], пос. Юкаликулево. Песты без головки: пос. Березки Vв; 2) цилиндрической формы длиной около 10 см, иногда гранёные (6): пос. Юкаликулево, Тюбьяк, ст. Старо-Яппаровская I, Инзелга, Батраковская (2); 3) песты-колотушки подтреугольной формы (3): ст. Ахметовская [72, с. 61, рис. 9, 8], пос. Юкаликулево, ст. Жуковская [92, с. 184, рис. 43, 5].

Топоры (4): ст. Ново-Кизгановская II [140, с. 112, рис. 1, 2], Кузькинская I и VII, пос. Юкаликулево, заготовка — ст. Старо-Яппаровская III.

Молоты с перехватом (3): ст. Жуковская [144, с. 58, рис. слева], Березовогривская VI, обломок с Бирского городища, заготовки со ст. Старо-Яппаровская I и III.

Тесла очень невыразительные (2): пос. Тюбьяк, Юкаликулево.

Терочки, терочные плиты встречены на всех поселениях. Обычно небольшого размера. На пос. Тюбьяк — 11 экз.

Наковальни (8): пос. Юкаликулево, Тюбьяк (7).

Оселки (5). Все найдены на пос. Тюбьяк.

Диски диаметром от 5 до 30 см и толщиной от 4 до 5 см. Несколько десятков их найдено на пос. Юкаликулево, по несколько экз. на пос. Тюбьяк, Казангуловское Нижнее, ст. Инзелга и др. Диски обрабатывались шлифовкой или грубыми сколами. Могли служить крышками для сосудов.

Шары диаметром 3—5 см (26): пос. Тюбьяк (15), Юкаликулево (6), Казангуловское Нижнее (2), Верхнее Биккузино, ст. Мулино, Юмагузинская I. На некоторых заметны следы от перехватывавшего их ремня. Служили грузилами.

Булавы (2). Шаровидной формы (1): ст. Старо-Кабановская II. Цилиндрической формы (1): пос. Юкаликулево. Изготовлена из зеленого сланца.

Орудия для обработки металла. Литейные формы (7). Изготавливались из песчаника, талька, зеленого сланца. Найдены на ст. Жуковской — для отливки блях (рис. 61, 3), пос. Дуванейском — для отливки блях, шильев и, возможно, кельта или тесла (рис. 61, 4); пос. Тюбьяк — для отливки ножа и наконечников стрел (рис. 62, 2); пос. Еловском — для отливки блях, шильев и кельта с валиком по верхнему краю [57, с. 70, рис. 5, 17], пос. Карасье Озеро II — для отливки блях [166, с. 57, рис. 19, 5], пос. на мысе Толстик — для отливки плоских черешковых наконечников стрел [23, с. 269], случ. нах. литейной формы для изготовления серпов-косарей дербеденевского типа в с. Воскресенском [184, с. 360, рис. 58, 6]. Имеются и другие случайные находки. Это форма из БКМ для отливки бритв, долот и еще каких-то двух предметов типа бритв

(рис. 61, 1), из с. Старая Мать Баймакского р-на республики Башкортостан — для отливки наконечника копья с ушком (рис. 62, 1). Обломки литейных форм встречены на пос. Тюбяк, Нижегородском III (рис. 61, 7). Обломок каменной льячки найден на пос. Тюбяк.

Орудия ткачества. Пряслица, орнаментированные линиями в виде расходящихся лучей: пос. Юкаликулево, Карасье Озеро II [166, с. 57, рис. 19, 8], Пашня Комарова [166, с. 56], Березки V, ст. Макушинская [24, с. 56]. Пряслица неорнаментированные: пос. Казангулово I, ст. Святой Остров на Аятском озере [167, с. 51, рис. 19, 1—2].

Украшения. Бусина (1) изготовлена из известнякового камня: ст. Ново-Кизгановская II. Диаметр ее 17 мм.

Предметы для игр. Антропоморфная фигура из известнякового камня размером 6 × 4,5 × 1,4 см. Линии с обеих сторон подчеркивают руки или одежду, выступ головы отломан: пос. Юкаликулево. Вюрфель (1): пос. Юкаликулево (рис. 64, 1). На четырех сторонах кубика имеются выбитые точки от 2 до 6, соединенные черточками. Напоминает камень несколько больших размеров с пос. Тюбяк (рис. 64, 12), на котором на двух противоположных сторонах имеются точки — по 6 на каждой.

Алтари-жертвенники (3): 2 экз. с пос. Тюбяк (рис. 63, 1) в форме цилиндрического столика со слегка углубленной верхней частью и слегка намеченным дном. Напоминают глиняные тигли. На пос. Юкаликулево найден обломок ножки жертвенника типа савроматских.

Глиняный инвентарь

Орудия ткачества. Пряслица из стенок и днищ сосудов (около 30). Диаметр пряслиц 3—10 см, диаметр отверстия 0,5—1 см. Найдены на пос. Юкаликулево (более 20), Кумлекуль (2), Тюбяк, ст. Инзелга (2), Калиновская, Юмагузинская, Мулино, Нижне-Ибраевская. На некоторых пряслицах имеется орнамент, которым был покрыт сосуд.

Пряслица лепные (7). Биконическое (1): ст. Старо-Кабановская II. Плоское (1): пос. Батрак-Айратово. Полуовальное (1): ст. Мулино. Дисковидное с орнаментом в виде расходящихся лучей: пос. Еловское [57, с. 70, рис. 5, 10].

Орудия рыболовства. Грузила шаровидной и биконической формы с отверстием (4): пос. Кумлекуль, Луговское I [71, с. 16], Ильмурзинское, Карасье Озеро II [102, с. 81, 87, рис. 72, 17]. Шарик диаметром 1,5 см и более. Встречаются группами по 15 экз. Найдены на пос. Юкаликулево, Тюбяк, Замааревское [172, с. 106], Боборыкино II.

Ложило в форме утюжка (1): ст. Кузкинская I.

Орудия для обработки металла. Литейные формы (3): ст. Ахметовская I [72, с. 84, рис. 15, 4] — для отливки ножей киммерий

ского типа (рис. 61, 2); пос. Дуванейское [40, с. 255, рис. 5] — для отливки клина (рис. 61, 5); пос. Замаараевское — для отливки шилев и крестообразной привески [172, с. 106].

Тигли двух типов. Рюмкообразные с выделенной придонной частью (8): пос. Юкаликулево — целый [55, с. 46, рис. 4, 12] и ножка (рис. 63, 4), Тюбьяк (рис. 63, 2, 3), целый тигель — пос. М. Липовый IX. Близок к этому типу тигель на поддоне с пос. Бирского (рис. 63, 10). Целый тигель и ножка найдены на пос. Коптяки II (рис. 63, 7), ножка — на Березовском пос. [173, с. 128].

Чашевидные тигли (7). Маленькие, высотой около 2 см (1): ст. Старо-Кабановская II (рис. 63, 5). Большие, высотой более 5 см (6): пос. Батрак-Айратово, Верхнее Биккузино, Тюбьяк (2), Нижегородское III (рис. 63, 8, 9, 11, 12, 13), Бирское [41, с. 155, рис. 4, 1].

Льячка в виде ложечки для разлива металла: пос. Замаараевское [172, с. 106], Березовское [173, с. 128] и Юкаликулево, обломок ручки — на ст. Старо-Яппаровская I и II (рис. 63, 15, 16).

Поделки из глины. К ним относятся кирпичики с пос. Тюбьяк, бусина бочонковидной формы с Ибрагимовского I пос., шаровидной формы со ст. Икская III [11, с. 46]. К мелкой пластике относятся изображение рыбы, покрытой ногтевыми отпечатками, имитирующими чешую, со ст. Ново-Кизгановская II, лепное изображение утки со ст. Батраковская и подвеска треугольной формы с отверстием со ст. Старо-Кабановская II.

Вюрфели. Оригинальной находкой на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железа на Урале являются игральные фишки — вюрфели. Это изделия из глины, камня или кости в виде кубика со сторонами длиной около 1—2 см. Боковые грани плоские, на них имеются насечки, означающие цифры. Вюрфели найдены на пос. Юкаликулево [55, с. 46, рис. 4, 11], Язеве [156, с. 66, рис. 17, 10], Черемуховый Куст (рис. 64, 10), по 2 экз. — на пос. Липовая Курья [208, с. 29, рис. 12, 1, 4], Коркино I [212, с. 207], Дружный I (рис. 64, 13) и Мирный II. Того же типа брусочек происходит с городища Чудаки [174, с. 89, рис. 30]. Есть упоминание о находках поделок в виде кубика на Замаараевском [172, с. 106] и Березовском [173] пос. Находки не имеют насечек и могут рассматриваться как заготовки.

Известно 13 находок вюрфелей и их заготовок. Будучи мелкими предметами, вюрфели, могли затеряться в любой части древнего поселения, поэтому находки на многослойных памятниках затрудняют датировку и определение их культурной принадлежности. Подсчет показал, что основная часть встречена на трех поселениях, где имеется черкаскульская и межовская керамика. Возможно, и бытование вюрфелей описанного типа связано именно

с этими культурами. Сравнение вюрфелей показывает, что у во находок имеются сходные обозначения счета.

Л. П. Хлобыстин, описывая липовокурьевскую находку, отмечал, что вюрфели свидетельствуют о существовании числовых обозначений и смысловых знаков. Одна, две, три черточки крест, видимо, означали цифры от 1 до 4. На вюрфелях поселений Мирный II, Коркино I и Черемуховый Куст вместо трех черточек нанесено пять. Чудаковский вюрфель отличается по насечкам от прочих тем, что вместо креста нанесена решетка, а вместо двух трех линий нанесен крест. На вюрфеле пос. Дружный I пропущен знак из трех черточек. Возможно, со знаками на юкаликулевском вюрфеле можно сопоставить глиняное грузило с пятью точками найденное на межовском пос. Карасье Озеро II. Шесть и семь точек нанесены на торцах брусковидной гальки (рис. 64, 1) найденной в межовском слое пос. Тюбук.

О числовых значениях точек может свидетельствовать костяной кочедык (рис. 57, 1) из ребра животного с Жуковской стоянки. Поверхность изделия покрыта орнаментом из треугольников, нанесенных тонкой нарезкой, в основании которых с одной стороны нанесено по одной точке, а с другой — вогнутой — по две точки. На одной стороне имеется 18, а на другой 36 точек. В некоторых местах точки группируются по 2, 4, 6, и 10.

На юкаликулевской находке концы насечек отмечены точками ямками, и если считать по точкам, то соотношение единиц будет другое: 4, 6, 4 и 2. Однако, судя по другим вюрфелям, счет вел по цифрам от 1 до 4. Важно отметить, что счетные насечки имеются у всех экземпляров только на боковых гранях, две другие стороны обычно полусферические и без насечек.

В средневековых памятниках часто встречаются вюрфели в форме кубика, а сведения об азартных игроках в кости имеются даже в письменных источниках [149, с. 155—156, рис. 42, 6, 7].

В связи со знаками на вюрфелях интересна бирка для счета принадлежавшая остякам XX в. [185, с. 119, табл. 62]. На бирке зарубки и их комбинации означают различные цифры. Проследив параллели между некоторыми знаками на бирке XX в. насечками на вюрфелях эпохи бронзы. Знаки расшифровываются следующим образом: прямая черта означает единицу, наклонная — пять, крест — десять. Однако думается, что насечки на вюрфелях имеют несколько иной смысл: одна черта означает 1, две — три — 3, крест — 4. Точки на концах юкаликулевского вюрфеля, вероятно, могут означать не количество единиц, а окончание насечки.

2.2.3. Периодизация и хронология

Относительная хронология памятников межовской культуры, и черкаскульской, основывается прежде всего на тенденциях раз-

тия формы и орнаментации посуды. Выводы, полученные при анализе тенденций этого развития, корректируются стратиграфическими наблюдениями за залеганием различных типов керамики в культурных слоях, проведенными на ряде поселений. Так, в раскопе 1978 г. на межжилищном пространстве Юкаликулевского поселения, замечено явное возрастание в верхних горизонтах удельного веса сосудов, основание шейки которых оформлено валиком. В 1-м штыке найдено 42%, во 2-м — 31%, в 3-м — 41%, в 4-м — 17%, в 5-м — 8% валиковой посуды от всей керамики в каждом штыке. С другой стороны, гладко оформленные шейки более характерны для нижних штыков, их процент увеличивается с глубиной штыка от 53 до 92%. Видимо, к поздним элементам нужно относить также наличие воротничка, который составляет высокий процент на Ново-Кизгановской стоянке (33%). Поздний возраст этой стоянки доказывается находкой здесь костяного псаля. Другим поздним признаком может выступать высокий удельный вес чашевидных форм на памятнике. Хотя на поселениях с большим удельным весом чаш отсутствуют датирующие вещи, общая тенденция увеличения чашевидных форм сосудов в культурах раннего железного века, в частности ананьинской, позволяет рассматривать эту форму межовской посуды как позднюю. В орнаментике поздними признаками мы считаем высокий удельный вес гладкого штампа, наличие елочной орнаментации, шнура, ямок. Шнур и ямки начинают абсолютно господствовать на раннеананьинской керамике, а также на курмантауской.

К более ранним признакам относятся баночные формы, более полное заполнение орнаментом поверхности сосуда, зубчатый штамп, уголки и гладкое оформление шейки.

Исходя из этих наблюдений, а также из общей тенденции развития керамических форм от коптыковско-черкаскульских к межовско-березовским (см. разд. 1.2.3), относительную хронологию межовской культуры мы представляем в следующем виде. В горно-лесном Зауралье выделяются две хронологические группы: межовская и березовская. Особый вариант керамических комплексов второй хронологической группы составляет посуда памятников типа Аргазы XIII.

Керамические комплексы первой (межовской) хронологической группы (по материалам поселений Черкаскуль II и М. Липовый IX) характеризуются следующими признаками: удельный вес желобчатого орнамента составляет соответственно 5,2 и 3%, ломаных заштрихованных лент — 1,8 и 2,1%, треугольных фигур — 0,4 и 1,9%, причем они нередко оформлялись “бахромой”. Невелик удельный вес гребенчатой (8,5 и 14,8%) и желобчатой (4,9 и 2,2%) техник орнаментации, зато резко возрастает роль типичных межовских орнаментов и приемов их нанесения. Ведущими в орнаментации становятся наклонные отрезки (28,5 и 20,7%), елочка (16 и 17,9%), в том числе на валике, горизонтальные зигзаги (9 и 10,7%) и линии

(6,2 и 11,2%), треугольные вдавления (9 и 5,9%), валики воротнички (8,9 и 14,9%). В приемах орнаментации полностью преобладают резная и прочерченная техники (58,6 и 47,4%). В поселении М. Липовый IX велика роль насечек (8%). Коэффициенты сходства между этими двумя комплексами достаточно высоки и составляют по орнаментации 76,9%, по технике нанесения орнамента — 78,6% (табл. 5, 6).

К этой хронологической группе следует относить и межовский комплекс поселения Кокшарово I, в орнаментации которого и приемы ее нанесения все же преобладают межовские черты (рис. 65, 66).

Таблица

Матрица парных коэффициентов сходства
по элементам орнамента керамики межовских поселений
Среднего Зауралья, %

Поселение	Этап					
	Межовский			Березовский		Межовский
	Березки V (раскоп II)	Черка- скуль II	М. Липо- вый IX	Березовское	Усть- Миасское IV	Кокшарово I
Березки V (раскоп II)		78,3	72,4	51,6	52,7	36,3
Черкаскуль II	78,3		76,9	52,3	55,1	41,5
М. Липовый IX	72,4	76,9		63,5	60,9	45,6
Березовское	51,6	52,3	63,5		61,1	53,9
Усть-Миасское IV	52,7	55,1	60,9	61,1		50,0
Кокшарово I	36,3	41,5	45,6	53,9	50,0	

Здесь часто встречаются узоры в виде елочки, особенно на валики (25,6%), валиков и воротничков (16,7%), горизонтальных зигзагов (16%), нет березовских каплевидных вдавлений (см. характеристику посуды второй хронологической группы), но сохраняется еще черкаскульская традиция желобчатого орнамента (14,1%). Что касается приемов нанесения орнамента, то при сохранении высокого удельного веса гребенчатого штампа (29,8%) возрастает значение резной и прочерченной техник (16,0%) и мала роль березовских насечек (0,7%). Вообще не употребляется ложношнуровой орнамент.

В эту же хронологическую группу входит, видимо, и еще ряд поселений горно-лесного Зауралья, в частности, Межовское, Колтаковское, Коптяки III [184, с. 359, рис. 58, 1—2], Лужки [197, с. 54—64, 92] и др., а за пределами горно-лесного Зауралья — практически все межовские поселения Притоболья и Северного Казахстана, а также основная часть межовских памятников Белоско-Икского междуречья; могильники Красногорский I, Юрматинский, Подгорно-Байларский и др.; стоянки Ахметовская I и II.

Ново-Кизгановская II, Затонская II, Инзелга, Батраковская, Жуковская, Юмагузинская, поселения Тюбяк, Юкаликулево (верхний слой), Казангуловское Нижнее, Бирское и др. Эта группа памятников была отнесена к ахметовскому этапу приуральского варианта межовской культуры [143, с. 55—56]. В материалах памятников ахметовского этапа почти не прослеживается влияние черкаскульской, срубной и андроновской культур. В керамике этой группы памятников почти не встречаются баночные формы, в то время как в такталачукской группе (позднечеркаскульская группа приуральских памятников) такие формы были распространены. Нехарактерная для черкаскульской керамики елочная орнаментация занимает здесь одно из ведущих мест. Ахметовский этап развития межовской культуры характеризуется и изменением форм погребального обряда. В это время в могильниках преобладают костяки с вытянутыми конечностями и с западной ориентировкой. В позднечеркаскульских могильниках предшествующего времени — Такталачук и Тартышевский I — больше захоронений скорченных костяков с восточной ориентировкой [143, с. 55, табл. 3].

Таблица 6

**Матрица парных коэффициентов сходства по технике
орнаментации керамики межовских поселений
Среднего Зауралья, %**

Поселение	Этап					
	Межовский			Березовский		Межовский
	Березки V (раскоп II)	Черкаскуль II	М. Липовый IX	Березовское	Усть-Миасское IV	Кокшарово I
Березки V (раскоп II)		74,8	75,1	59,4	58,3	63,9
Черкаскуль II	74,8		78,6	69,1	65,7	48,4
М. Липовый IX	75,1	78,6		81,8	72,0	53,8
Березовское	59,4	69,1	81,8		81,7	39,2
Усть-Миасское IV	58,3	65,7	72,0	81,7		30,9
Кокшарово I	63,9	48,4	53,8	39,2	30,9	

Вторую хронологическую группу составляют керамические комплексы березовского слоя Березовского поселения и поселения Усть-Миасское IV. Для орнаментации этих памятников (рис. 65) характерно почти полное исчезновение заштрихованных лент (соответственно 0,4 и 1,5%), треугольных фигур (Березовское поселение — 0,9%, на керамике Усть-Миасского IV поселения их вообще нет) и резкое возрастание удельного веса каплевидных насечек (22,7 и 10,4%) и горизонтальных зигзагов (16,8 и 20,9%); немногочисленные желобки, как правило, заполнены “дополнительным” орнаментом в виде наклонных отрезков. В технике

орнаментации (рис. 66) наблюдается дальнейшее падение роли желобчатых прочерчиваний (на Березовском поселении "чистых желобков вообще нет, есть только желобки, заполненные резным отрезками (1,3%), на Усть-Миасском IV поселении из отмеченных желобков (всего их 13,4%) 8,9% заполнены насечками или отрезками), сокращается доля гребенчатых орнаментов (2,7 и 4,1%), но зато резко увеличивается удельный вес резной прочерченной техники (46 и 48,6%) и особенно техники насечки (22,7 и 27%). Коэффициенты сходства между двумя рассматриваемыми комплексами высоки: по элементам орнамента они составляют 61,1% (табл. 5), по технике — 81,7% (табл. 6), в то время как коэффициенты сходства первой и второй хронологически групп в целом ниже: по элементам орнамента они составляют 51,6—63,5%, по технике — 58,3—81,8% (см. табл. 5, 6).

К березовским памятникам К. В. Сальников причислял комплексы поселений Коптяки I, II [184, с. 302]. Сюда же следует относить и единственное пока в горно-лесном Зауралье межовско-березовское погребение в оградке 4 могильника Березки VI. Видимо, со вторым хронологическим периодом нужно связывать существование керамических комплексов типа поселения Арзани XIII (рис. 38), которые сохраняют еще межовскую схему орнаментации, но имеют уже сарматоидную форму сосудов, рассматривать их следует как особый вариант межовско-березовских древностей, существовавших в юголесных районах горного Зауралья на рубеже бронзового и раннего железного веков.

По западную сторону Уральского хребта березовских комплексов не выявлено. Здесь финальный период развития межовской культуры протекал по-другому. Заключительный этап развития межовских памятников в Приуралье связан с проникновением в этот район населения с маклашеевской круглодонной керамикой и формированием памятников курмантауского типа. Комплекс смешанного межовско-маклашеевского облика можно назвать быргындинскими, а этап — быргындинским.

Заключительными, быргындинскими, памятниками являются комплекс жилища 2 Быргындинской стоянки, Икская I, II, Старо-Яппаровская, Старо-Кабановская II (раскоп 1968—1969 гг.) и Ибрагимовская II стоянки, Дуванейское, Луговское II, Ананьинское, Дубовогривское II поселения. Среди керамики этого типа появляется круглодонная посуда, увеличивается число чашевидных форм, по шейке сосуды украшаются рядом ямок с жемчужинами изнутри, появляется шнуровой орнамент. На межовских памятниках ахметовского этапа все эти элементы неизвестны.

Датировка межовского и березовского типов керамических комплексов горно-лесного Зауралья наталкивается на определенные трудности. Они связаны, из-за отсутствия радиоуглеродных дат и надежно датированных закрытых металлосодержащих ком-

лексов, ещё с двумя, по крайней мере, проблемами. Это, во-первых, проблема определения начальной даты культур круга валиховой керамики, которым межовские древности в определенной степени синхронны. Во-вторых, проблема определения времени начальных этапов развития культурных типов памятников раннего железного века юголесной и лесостепной территорий Урала: гороховского, гафурийского, отчасти иткульского. Не вдаваясь в существо этих сложных проблем, отметим только, что в последние годы при датировке начальных этапов культур круга валиховой керамики наметилась тенденция отнесения их все же к XIII—XII вв. до н. э. [87, с. 143—144; 221, с. 85; 75, с. 18; 156, с. 191; и др.]. Рамки же гороховских и гафурийских древностей до сих пор не опускаются ниже VI—V и V—IV вв. до н. э. [199, с. 50; 135, с. 30; 162, с. 206—208; 164, с. 89, 94; 45, с. 45; 47, с. 119].

Начало формирования межовской культуры следует относить ко времени завершения функционирования черкаскульской культуры, так как она генетически связана с последней и формируется на ее базе. Скорее всего этим временем должен быть датирован комплекс посуды из раскопа II поселения Березки V, в котором еще сохраняются некоторые черкаскульские черты (рис. 65, 66). Поселения М. Липовый IX и Черкаскуль II (межовский комплекс) по находкам саргаринской керамики (рис. 39, 5, 6) на первом из названных поселений могут быть синхронизированы с памятниками алексеевско-саргаринской культуры. В Среднем Притоболье, по сообщениям исследователей, межовская (лесная замараевская) керамика встречается в комплексах с алексеевско-саргаринской керамикой [77, с. 15—17; 156, с. 291]. Подробно вопрос о взаимосвязях межовских и алексеевских (по С. Я. Зданович — саргаринских) комплексов был рассмотрен в обстоятельной статье Т. М. Потемкиной [153]. Сосуществование обоих культурных комплексов и возникновение в контактной зоне лесостепного Притоболья смешанных комплексов несомненно. Датируется алексеевско-саргаринская культура XII—IX вв. до н. э. [156, с. 291; 76, с. 167].

При абсолютной датировке межовской культуры попытаемся проанализировать еще одно обстоятельство. Дело в том, что состав металлических изделий, представленный на ряде межовских и позднечеркаскульских памятников, находит аналоги вкладах поздней бронзы Южного Урала и Северного Причерноморья [146, с. 94].

На Южном Урале и сопредельных территориях известно семь кладов, несколько групповых находок на поселениях литейных форм, часть которых имеет сочетания матриц различных изделий, а также целый ряд находок и отдельных вещей.

К послесрубному времени относятся клады Дербеденевский, Кармановский [166, рис. 5, 7, 8] и Алексашкино из б. Козловской волости Самарской губернии. На ближайших территориях клады с

вещами этого времени обнаружены в Терешково в Подонье [116, рис. 10, 1—5], Перелюбово и Нижнем Поволжье [118, с. 179, рис. 1], а также в черкаскульском жилище на поселении Явленка I [74].

Наиболее распространенными типами изделий в этихкладах являются серпы дербеденевского типа (рис. 50, 1—4), бритвы с выемчатым лезвием и упором у рукояти, цельнолитые долота, кельты, кинжалы киммерийского типа (рис. 54, 1—5). Установить культурно-хронологическое соотношение этих изделий позволяют находки в культурном слое поселений. Серпы дербеденевского типа найдены на межовских стоянках Батраковской (рис. 50, 9) и Нижне-Ибраевской (рис. 50, 8). Тот же тип серпов, но со слегка выпрямленным узким лезвием, происходит с черкаскульско-межовских поселений Юкаликулево [55, с. 46, рис. 4, 10] и Черемуховый Куст в Притоболье, а также с поселения Чесноковская Пашня [184, с. 361, рис. 58, 15], где найдена в основном федоровская и черкаскульская керамика. Оба типа серпов — дербеденевский и с выпрямленным лезвием китайского типа [175, с. 62, рис. 16, 1] — следует считать синхронными, так как обе матрицы для их отливки вырезаны на литейной форме из Ульяновского краеведческого музея.

Цельнолитые долота дербеденевского типа также представлены на черкаскульских и межовских поселениях: Степное Озеро II [116, с. 55, рис. 4, 17], Ананьинская Дюна [205, с. 88, табл. 46], Луговское II [71, с. 27, рис. 10, 8], Черемуховый Куст. Матрица для отливки подобных долот имеется на литейной форме с поселения Липовая Курья [208, с. 36, рис. 15, 1—2].

Просмотр керамической коллекции поселения Степное Озеро II показал, что там нет срубной керамики. Керамика Степного Озера II ближе межовской или приказанской. А. Х. Халиков относит памятник к маклашеевскому этапу приказанской культуры [205, с. 291, рис. 64, 155; 207, с. 121, № 460].

Встреченный на межовской Кереневской стоянке наконечник стрелы (рис. 55, 6), аналогичный находке из Лобойковского клада [240, табл. 3, 43], синхронизирует межовские древности Южного Урала с раннесабатиновским периодом Северного Причерноморья.

Кинжалы с напльвом представлены на межовской стоянке Ново-Кизгановская II (рис. 54, 1), в погребении 145 Такталачукского могильника, Бирском поселении (рис. 54, 3), на городище Грохань [68].

Кельты с лобным ушком найдены на Ананьинской Дюне [86, табл. XXXV], где имеется позднемежовская керамика быргындинского этапа, на городище Грохань (рис. 47, 1), поселении Юрак-Тау IV (рис. 48, 1) вместе с межовской керамикой, Лебединском VII поселении [207, табл. 49, 4].

Копья с прорезанными перьями гстречены в Кармановском клада [116, с. 57, рис. 5, 3], Красногорском (рис. 56, 1) и

Юмаковском (рис. 56, 8) могильниках межовской культуры. Пропорциями они различаются и, видимо, не являются в строгом смысле одновременными, но в целом характеризуют одно время.

Аналогия с древностями Северного Причерноморья позволяет датировать позднечеркаскульские и межовские материалы Южного Приуралья в широких рамках XIV—XII вв. до н. э. [146, с. 94]. К началу этого периода следует отнести такталачукские памятники приуральского варианта черкаскульской культуры, которые типологически и хронологически предшествуют памятникам ахметовского этапа межовской культуры.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство, которое следует принимать во внимание при датировке позднечеркаскульских и межовских древностей. Среди поселений горно-лесного Зауралья, автохтонной территории культур, “чистые” черкаскульские или межовские комплексы единичны. Обычно на одних и тех же памятниках в нестратифицированных и к тому же маломощных культурных слоях (40—60 см) встречаются находки как черкаскульской, так и межовской керамики (инвентаря) плюс находки других археологических эпох и культур. Безусловно, часть таких нестратифицированных памятников отражает процесс механического смешения черкаскульского и межовского инвентаря в культурных слоях поселений. Но на части памятников совместное залегание черкаскульской и межовской керамики может объясняться определенной синхронностью существования этих типов посуды на том переломном этапе развития черкаскульско-межовской орнаментальной традиции, когда черкаскульский орнаментальный комплекс, уже изживая себя, еще не ушел в прошлое, а межовский, формируясь, еще не завоевал господствующие позиции, не вытеснил полностью черкаскульский. Видимо, подобные этапы сосуществования ранних и поздних признаков культур, особенно связанных между собой генетически, по принципу “предок—потомок”, были закономерны для развития культурных традиций многих регионов (в данном случае во временном плане), причем не только в эпоху бронзы.

В связи с этим обратим внимание на ряд закрытых позднечеркаскульских комплексов, в которые механическое проникновение межовских элементов исключено. Показательной в этом плане является культурная интерпретация могильника Такталачук. Даже авторы данной монографии интерпретировали этот памятник по-разному. Раннемежовским считает этот памятник М. Ф. Обыденнов [145, с. 58—61], позднечеркаскульским — А. Ф. Шорин [237, с. 9—10]. Действительно, как в керамическом материале, так и в погребальном обряде этого памятника есть черты, свойственные уже межовской традиции: незначительный процент костяков, лежащих на спине в вытянутом положении, элементы формы и

орнаментации ряда сосудов. Но в целом и погребальный обряд (преобладание костяков, лежащих скорченно на боку, ориентированных головой на восток), и основная масса погребальных сосудов могильника сохраняют еще черты позднечеркасульского этапа развития, правда, при определенном влиянии традиций федоровской и срубной (а возможно, и постабашевской) культур [89, 90].

Аналогичная ситуация прослеживается и в материалах Тартышевского I могильника, посуда которого отнесена К. В. Сальниковым [184, с. 373], а вслед за ним и М. Ф. Обыденновым [145, с. 61] к межовской стадии развития. Но обряд захоронений этого могильника (погребения тел в скорченном положении на правом боку головой на восток), форма и орнаментация посуды (горшки со слабо выпуклыми плечиками, резко сужающимися ко дну; наличие закраины у дна; меандроидные узоры, обрамленные даже желобками; и пр. [184, рис. 58, 3—5]) характерны все же не для межовской, а для черкасульской культуры.

Черкасульские и межовские черты фиксирует на сосудах погребального комплекса Приплотный Лог I Т. С. Малютина [119, с. 73—75], справедливо отмечая при этом, что все же данный культурный комплекс могильника един. Но детальный анализ формы (типично черкасульские горшки) и орнаментации (заполнение всей или большей части внешней поверхности сосудов орнаментом, наличие желобчатых и геометрических узоров, в том числе довольно сложных меандров с рифлением, отсутствие валиков, елочных узоров и пр.) сосудов этого могильника [119, рис. 6, 7] при учете господствующего обряда трупосожжения, что типично для черкасульцев и федоровцев, а не для межовцев, заставляет и этот могильник датировать не межовским, а позднечеркасульским временем.

Органичное переплетение черкасульских и межовских черт заметно и на посуде Зуевс-Ключевской стоянки, причем она происходит из полузакрытых кратковременных комплексов (жилищ). Для этой стоянки имеется радиоуглеродная дата 3210 ± 150 лет назад, т.е. XIV—XI вв. до н. э. [48, с. 127, 129—131, рис. 4, 1—4; 6, 1, 3—9].

Таким образом, материалы отмеченных могильников и жилищ поселений (закрытых и условно закрытых комплексов) свидетельствуют о вызревании новых традиций в недрах старых. Причем вызревание это идет, видимо, медленно. Элементы новой, формирующейся межовской культуры исподволь накапливаются в недрах предшествующей черкасульской, существуя (пока именно как новые элементы) в ней в определенный (в смысле длительности) отрезок времени. Длительность (в конкретном временном выражении) этого периода для нас пока не ясна, но, возможно, она близка тем широким хронологическим рамкам XIV—XII вв. до н. э. (или XIII—XII, или только XII в. до н. э.), в пределах которых

датированы комплексы и отдельные находки металлических вещей, встречающихся в позднечеркаскульских и межовских памятниках.

Возвращаясь к датировке межовской культуры, мы допускаем, с учетом высказанного выше, что начало формирования традиций межовского культурного комплекса (или его отдельных элементов) происходит уже в рамках позднечеркаскульского этапа, т.е. около XIV—XII вв. до н. э., что нашло выражение в таких классических межовских памятниках, как поселение М. Липовый IX в Зауралье, памятники ахметовского этапа в Башкирии. Хронологические рамки этих памятников определяются обычно рубежом II—I тыс. до н. э. или XI—IX, XI—X вв. до н. э.

Временем существования березовского этапа межовской культуры, вероятно, является период VIII — начала VII в. до н. э., так как наиболее ранние памятники иткульской культуры раннего железного века, вырастающей на базе межовских комплексов [184, с. 363], датируются VII в. до н. э. [18, с. 132; 20]. Близкую дату дает березовский наконечник стрелы [184, с. 361, рис. 58, 10], который, очевидно, относится к концу периода X—VIII вв. до н. э., указанного Н. А. Аванесовой для стрел XII группы [3, с. 57, 59]. Правда, датировка верхней хронологической границы березовских комплексов (и межовской культуры в целом) началом VII в. до н. э. не согласуется с предложенными на данное время датировками начальных этапов гороховских и гафурийских древностей VI—V и V—IV вв. до н. э. Эти комплексы, так же как и иткульские, на наш взгляд, имеют генетические корни в межовско-березовских древностях. Очевидно, выход из возникших хронологических “ножниц” следует искать на пути обнаружения более ранних гороховских и гафурийских памятников. Видимо, последние из названных комплексов уже в юголесных районах горного Зауралья открыты. Это близкая по облику гафурийская керамика аргазинского поселения Березки II (рис. 67), в орнаментации которой сохраняются еще традиции межовской декоративной схемы (рис. 67, 2, 4, 6—8), но в то же время есть и черты, присущие не только гафурийской, но и иткульской посуде (рис. 67, 3, 5) раннего железного века. И хотя исследователями этот памятник датирован VI—IV вв. до н. э. [36, с. 58—60; 39, с. 5], не исключена и более ранняя дата для этого поселения. Керамика, близкая по облику гафурийской, отмечена при раскопках аргазинского иткульского поселения М. Вишневый I, которое по “скифским” наконечникам стрел датируется не позднее V—IV вв. до н. э. [20, с. 75; 21, с. 103—105, 116, рис. 2, 1, 4, 6, 9—11, 15].

Хронологические рамки быргындинских памятников Приуралья, с одной стороны, могут быть определены датировкой маклашеевских комплексов Нижней Камы и Среднего Поволжья, которые завершают предананьинский период в этом районе (IX—VIII вв. до н. э.). С другой стороны, памятники быргындинского типа или,

иначе говоря, межовско-маклашеевские, дали начало курмантской культуре на Средней Белой, которая обычно датируется VIII—VI вв. до н. э. [84, с. 70]. Датированный инвентарь, встреченный в памятниках переходного, быргындинского, этапа, немногочислен (литейные формы (рис. 61, 4, 5) с Дуванейского поселения, нож со Старо-Кабановской II стоянки (рис. 53, 4) каменные наконечники стрел треугольной формы) и не указывают четкой даты. Следовательно, абсолютная дата третьего, переходного, этапа может быть определена только на основании относительной датировки. К тому же мы полагаем, что переходный этап должен быть продолжительным, и, возможно, он охватывал период около VIII в. до н. э. Со сложением культуры курмантау продвижением в район Нижней Белой населения с раннеананьинской шнуровой керамикой заканчивается межовский период Приуралья, хотя в отдаленных от речных магистралей район Урала развитие межовской культуры могло продолжаться и позднее. Основанием для такого вывода служат материалы верхнего яруса Юкаликулевского поселения. Наиболее поздними предметами на поселении являются железное лезвие ножа, обломок железного косаря, мотыга, костяные пуговицы, бронзовый наконечник стрелы со сводчатой головкой. В комплексе с железными шлаками и глиняным тиглем с остатками железа все материалы позволяют уверенно относить их к раннему железному веку датировать VIII—VII вв. до н. э.

В итоге схема развития памятников эпохи поздней бронзы Урала выглядит следующим образом.

I. Предчеркасульские комплексы (XVI—XV вв. до н. э.) включают в себя памятники с перечисленным типом керамики (Коптяки V, Новая III, Калмацкий Брод, Чесноковская Пашня и им подобные) и частично комплексы коптяковского типа (Коптяки V, Новая III, Нижняя Макуша, 6-й разрез Горбуновского торфяника).

II. Черкасульская культура (XV—XII вв. до н. э.).

1. Раннечеркасульский этап (XV—XIV вв. до н. э.) включает в себя могильники Березки Vг, Перевозный Ia и одноименные поселения. Возможно, на этом этапе одновременно с раннечеркасульскими существуют еще и некоторые коптяковские комплексы (погребение I могильника Березки Ve).

2. Позднечеркасульский этап (XIII—XII вв. до н. э.) включает в себя памятники трех локальных вариантов: северного (кокшарского), куда входят поселение и погребение Кокшарово I, поселение Юрьино IV, стоянки Кокшаровско-Юрьинская, Береговая I и другие, южного (невьянско-миасского), представленного поселениями Липовая Курья, Дружный I, Черкасуль II, Березовки (черкасульские комплексы). В этот период черкасульское население активно расселяется на сопредельные горно-лесному За-

ралью территории, осваивая Южно-Зауральский (лесостепные и северостепные районы Южного Зауралья), Притобольский (Камышное II, Язево I и др.), Северо-Казахстанский (Явленка I, Шукубай II и др.) и Приуральский (третий, такталачукский локальный вариант) регионы. В этот период в недрах черкаскульского орнаментального комплекса начинают, видимо, формироваться и традиции межовской культуры.

III. Межовская культура (XII — начало VII в. до н. э.).

1. Межовский этап (XII—IX вв. до н. э.) включает в себя памятники пяти локальных вариантов: кокшаровского, куда входят межовские комплексы поселений Кокшарово I, Юрьино IV, Кокшаровско-Юрьинской стоянки, невьянско-миасского, представленного поселениями Черкаскуль II (межовский комплекс), Березки V (раскоп II), М. Липовый IX и другими. Межовское население активно осваивает районы Бельско-Икского междуречья и Среднего Притоболья, а также, возможно, лесостепного Северного Казахстана. Здесь формируются притобольский и приуральский (бельско-икский) варианты межовской культуры. Кроме уже освоенных в черкаскульское время территорий в межовский период формируется новый локальный вариант — средне-нижекамский (см. об этом разд. 2.3).

2. Березовский этап (VIII — начало VII в. до н. э.) представлен поселениями Усть-Миасское IV, Березовское (березовский комплекс), Коптяки I, II, погребением в оградке 4 могильника Березки Vб.

Как особый вариант позднемежовских древностей в рамках березовского этапа следует рассматривать комплекс поселения Аргазии XIII. Памятники этого типа локализуются только в южных районах горно-лесного Зауралья. Позднемежовские комплексы легли в основу ряда лесных и лесостепных культур Урала эпохи раннего железного века: иткульской, гороховской, а также памятников гафурийского типа. В Бельско-Икском междуречье позднемежовское население, очевидно, смешивается с продвинувшимися с низовьев Камы маклашевскими (позднеприказанскими) племенами и является основой формирования курмантауского культурного комплекса [83, с. 12; 142, с. 11; 143, с. 49]. Памятники переходного типа выделяются в своеобразный быргындинский вариант.

Предложенная схема периодизации и хронологии уральских памятников эпохи поздней бронзы не является окончательной, и в нее в дальнейшем, по мере накопления новых данных, могут быть внесены определенные коррективы.

2.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ МЕЖОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выделение М. Ф. Косаревым [102, с. 133] и М. Ф. Обыденным [142] межовской культуры из рамок черкаскульской в

самостоятельную поставило вопрос и о ее происхождении. Варианты решения этого вопроса предлагались уже в работах Н. Л. Членовой [223; 225]⁹ и М. Ф. Обыденнова [142; 143], Суть точки зрения Н. Л. Членовой сводится к тому, что межовскую культуру следует относить к кругу не андроновидных, а карасукоидных культур, и ее памятники родственны памятникам сузунско-абатского типа и ирменской культуры. М. Ф. Обыденнов, как и предшествующие исследователи, рассматривавшие развитие межовского типа керамики в рамках андроновидной (черкаскульской) традиции [181; 184, с. 133, 362—368], признает, что основой для сложения межовской культуры прослужила черкаскульская, но добавляет, что определенную роль в сложении межовской культуры сыграл карасуко-ирменский компонент, который прослеживается в погребальном обряде, керамике и некоторых категориях инвентаря, а также в родственности антропологического типа людей, останки которых найдены в Красногорском I и Тартышевском I могильниках, с носителями культур карасуковского круга. Определенное влияние на межовцев Южного Приуралья, по его мнению, оказало и срубное население [142, с. 15; 143, с. 58—60]. Следует заметить, что все выводы М. Ф. Обыденнова о происхождении межовской культуры построены преимущественно на материале приуральских памятников.

Уже отмечалось, что формирование межовского орнаментального комплекса связано с резким возрастанием в орнаментации посуды таких мотивов, как елочка и валики при сохранении основного набора элементов орнамента предшествующего черкаскульского времени, а также выдвиганием при нанесении узора на первый план резной техники при сохранении высокого удельного веса гребенчатого штампа. Такая ситуация предполагает, безусловно, формирование межовской культуры на базе местной черкаскульской, но при участии инокультурных групп населения с хорошо развитыми традициями елочной и валиковой орнаментации и резной техники нанесения узоров. Подобная орнаментальная традиция¹⁰ в предшествующее и синхронное межовской культуре время была достаточно широко развита в районах, лежащих к востоку (таежное Притоболье, памятники предсузгунского времени, сузгунской культуры и типа Чудской Горы [102, с. 84—86; 141—145]) и к юго-востоку и югу (памятники саргаринской [77; 78] или алексеевской [153] культур) от Среднего Зауралья. Вероятно, именно усилением контактов с этими районами и даже сдвигом из этих районов части населения в полосу расселения межовцев, объясняется резкое развитие на межовской посуде елочной и резной орнаментации. Следует заметить, что такой возможный сдвиг в Среднее Зауралье более всего вероятен для населения сузгунской культуры, и он проявляется в памятниках северного (кокшаровского) варианта межовской культуры. Так, и

комплексах керамики поселений Кокшарово I и Юрьино IV встречаются чисто сузгунские фрагменты с примесью песка, либо на межовских по облику черепках отмечаются сузгунские черты (рис. 34, 2—5). Характер взаимоотношений между межовской и алексеевско-саргаринской культурами был, вероятно, несколько иным. Он в большей степени определялся давлением межовского населения на лесостепное притобольское и прочным освоением межовцами этих районов, что подтверждается анализом поселений Замараево, Камышное II, Язево I и др. [153; 156, с. 53—59, 97] и, возможно, проникновением отдельных групп межовского населения в районы Северного Казахстана [204, с. 154]. В то же время имеются следы контактов саргаринского населения с межовским в зоне распространения межовских древностей, свидетельством чему являются находки черепков саргаринской посуды на аргазинском поселении М. Липовый IX (рис. 39, 5, 6) и ряде других поселений Среднего Зауралья [78, с. 77]. И все же определяющим было, видимо, проникновение межовского населения в среду алексеевско-саргаринского, а не наоборот.

Что касается влияния карасукско-ирменского компонента на формирование межовской культуры, как это предполагают Н. Л. Членова [223; 225] и М. Ф. Обыденнов [142], то по материалам среднеуральских памятников о нем судить трудно. В материалах среднеуральских межовских поселений не прослеживается ярко выраженное карасукское влияние. Сузгунский же компонент в этих памятниках (прежде всего на поселениях кокшаровского локального варианта) не следует рассматривать как карасукоидный, так как сузгунский орнаментальный комплекс по происхождению скорее андронидный [98, с. 83; 102, с. 141—145]. Усматриваемые же Н. Л. Членовой родственные черты в погребальном обряде позднечеркаскульского и межовского населения, с одной стороны, и ирменского, с другой, не обязательно должны были сформироваться у межовцев под влиянием ирменцев. Они могли восходить еще к общим погребальным традициям лесного населения Урало-Западносибирского региона, единство которого в рамках урало-сибирской этнокультурной общности отмечено еще для эпохи неолита и ранней бронзы [216, с. 12—14; 99; 108, с. 116—119].

Суммируя изложенные факты, следует еще раз подчеркнуть, что межовская культура по своему происхождению неразрывно связана с черкаскульской, ее носители являлись прямыми потомками поздних черкаскульцев. Но на формирование межовцев Среднего Зауралья оказал определенное влияние нижнетобольский компонент (сузгунцы и их потомки), давление которого на среднеуральское население началось еще в позднечеркаскульскую эпоху. Развиваясь в иной, послеандроновский, период, межовское население находилось в непосредственном контакте и с представителями

культур круга валиковой керамики, прежде всего с населением алексеевско-саргаринской культуры. В условиях этих контактов межевцы усвоили и традиционные для этого времени элементы общего оформления орнаментального комплекса, что выразилось в обеднении орнаментации посуды, развитии на ней валиков и увеличении роли резной техники нанесения узоров.

В решении вопроса о происхождении населения культуры поздней бронзы Урала большая роль принадлежит антропологическим исследованиям. Полученный антропологический материал из могильников пока крайне мал, а имеющийся обработан неполностью. В настоящее время мы располагаем результатами антропологических исследований краниологических серий черкаскульских могильников Березки Vг, Перевозный Ia, Тартышево I, Такталачук и межовского Красногорского I могильника. Несмотря на определенные различия этих серий, можно с уверенностью утверждать, что антропологический материал межовского могильника генетически родствен материалу черкаскульских могильников, особенно могильников Березки Vг и Перевозный Ia [232, с. 47]. Это во-первых. Во-вторых, во всех отмеченных антропологических сериях четко прослеживается карасукоидный элемент [230, с. 36; 170, с. 90], природа которого нам пока не совсем ясна. У нас нет уверенности, что этот карасукоидный компонент в черкаскульской и межовской культурах следует напрямую связывать с населением карасукской и ирменской культур. Может быть, как уже отмечалось при характеристике черкаскульского погребального обряда, эта карасукоидная природа, лежащая в основе морфологических типов населения отмеченных культур, восходит к еще более ранним этапам (добронзовым, раннебронзовому) развития лесного урало-сибирского населения, которое как компонент входит затем в состав формирующихся в эпоху поздней бронзы андронидных и карасукоидных культур: черкаскульской, сузгунской, еловской, межовской, ирменской, бархатовской, бегазы-дандыбаевской и др.

Из сказанного выше следует, что к вопросу происхождения межовских памятников следует подходить с большой осторожностью. Несомненно, что в межовской культуре имеется местная черкаскульская основа, которая наиболее отчетливо прослеживается по керамике, и встречаются компоненты, привнесенные с соседних территорий, которые обусловили общие черты, объединяющие целый круг культур позднего бронзового века.

Межовские памятники на Урале можно разделить на два территориальных подрегиона: приуральский и зауральский. Подобное деление было предложено еще К. В. Сальниковым, который рассматривал черкаскульские памятники, объединив их в две группы соответственно их распространению в двух районах, разделенных значительным пространством: в Зауралье и в Северной и отчасти Центральной Башкирии [184, с. 354].

Основанием для выделения приуральского и зауральского под-регионов межовской культуры служат следующие обстоятельства. Приуральские и зауральские памятники разделены Уральскими горами, хотя изолированность районов и не являлась абсолютной. Связи между ними осуществлялись по рекам и речным долинам — основным транспортным магистралям в древности. Уральский хребет, как естественный барьер, обусловил различия в материальной культуре обоих районов. Так, например, установлены небольшие отличия в форме сосудов, в частности шеек, резко различаются примеси, использовавшиеся при изготовлении керамики. В Зауралье это в основном тальк, в Приуралье — толченая раковина. На зауральской керамике сохраняются реминисценции сложных геометрических узоров (очевидно, вследствие сильного влияния черкаскульских традиций).

Различались также и пути культурных связей и контактов приуральского и зауральского населения, что, безусловно, налагало отпечаток на материальную культуру межовцев. В Приуралье прослеживаются связи со срубной и приказанской культурами, в Зауралье — с алексеевско-саргаринской и ирменской (последние пока фактически не изучены). В лесном Зауралье так же, как и в черкаскульский период, развитие протекает по двум локальным вариантам — кокшаровскому и невьянско-миасскому. В лесостепном Зауралье и Притоболье формируется лесостепной притобольский вариант. Характерной чертой последнего региона является значительное взаимодействие двух культурных традиций — юго-лесной межовской и степной алексеевско-саргаринской [153, с. 22—23].

Не совсем ясной остается позиция среднекамских комплексов эпохи поздней бронзы. В коллекциях поселений Ерзовка, Заюрчим, Старушка имеются отдельные фрагменты посуды межовского типа. Однако такие сосуды единичны, а весь керамический комплекс представлен посудой более позднего вида, I этапа ерзовского типа, по В. П. Денисову. Следует присоединиться к мнению этого исследователя, что "формирование на раннем этапе ерзовской культуры шло под непосредственным влиянием черкаскульских племен" [58, с. 48]. Нельзя утверждать, что ерзовские памятники раннего этапа оставлены проникшими в Среднее Прикамье атабаевцами [205, с. 286—287].

Гораздо больше сходства у раннеерзовской керамики с керамикой памятников межовской поздней группы. До тех пор, пока не были обнаружены межовские памятники в Среднем Прикамье, разрыв между раннеерзовскими и черкаскульскими древностями был слишком велик. Теперь же, после раскопок поселений Симонихинское, Дикое Озеро, Поваренкинское I, очевидно, что позднечеркаскульские группы пришли в Среднее Прикамье накануне появления здесь собственно ерзовских поселений (по В. П. Дени-

сову). Схожий материал позволяет считать ерзовские памятники первого этапа однокультурными с межовскими. Может быть, и следует рассматривать как локальный среднекамский вариант межовской культуры. А возможно, перед нами две родственные (в некоторой степени и по происхождению) и тесно взаимодействующие культуры, развитие которых происходило в один исторический период и подчинялось одним и тем же закономерностям.

Развитие межовского населения в отечественных локальных подрегионах не было изолированным. О тесных связях приуральского населения с зауральским и западносибирским свидетельствует то обстоятельство, что речные системы Приуралья и Зауралья смыкаются по водоразделу Уральских гор. Большинство рек берет начало в Уральских горах, и истоки их расположены очень близко. За несколько дней по рекам можно спуститься из Зауралья на Приуральскую равнину и выйти к Каме. Кроме того, орнамент, типы хозяйства и пр. позволяют говорить о наличии таких связей. Прямо на контакты указывают находки тальковой керамики на приуральских стоянках. Этот факт уже отмечался в литературе [72, с. 96].

На приуральских памятниках в бассейне р. Белой тальковая керамика появляется как исключение. Здесь полностью господствует раковинная примесь. На межовских стоянках Старо-Кабановская II, Ахметовская I, Чесноковская I, Инзелга, Жуковская найдено по одному тальковому черепку, что составляет от 1 до 10% от всей собранной на памятнике керамики. На Старо-Яппаровской стоянке найдено 3, на Старо-Кабановской — 10, на Балтачевской — 17, на поселении Кумлекуль — 6 черепков, что составляет в общем-то незначительный процент керамики. Лишь на Юкаликулевском поселении, расположенном рядом с Южным Зауральем, найдено 755 обломков тальковой керамики, что составляет 17% от всей керамики памятника.

В распространении тальковой керамики наблюдается определенная закономерность: чем дальше на запад или восток от Западного Зауралья, тем реже встречается тальковая керамика. О том, что тальковая керамика проникает на запад вплоть до Волги, свидетельствует находка талькового сосуда у Ново-Мордовского III могильника [205, с. 248]. Появление единичной тальковой керамики в этих районах, видимо, можно связывать не с миграциями больших групп населения, а с проникновением отдельных представителей (может быть, невест, жен) зауральского населения. Именно они могли привозить с собой тальковую керамику, а также куски талька (Ново-Кизгановская II стоянка и др.) для подмешивания к глине. Не исключено, что такая посуда могла служить для ритуальных целей. Так, например, на стоянке Янгизнарт на Нижней Белой нами были найдены среди маловыразительной межовской керамики обломки великолепного каннелированного сосуда из тальковой глины. Безусловно, такой сосуд выделялся и

прочей керамики. В отличие от керамики, литейные формы из талькового камня, найденные на Дуванейской стоянке, Касьяновском поселении, могли попасть в Приуралье и в результате обмена.

2.4. ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА МЕЖОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Межовско-березовский компонент, который характеризовал заключительный этап развития населения горно-лесного Зауралья эпохи поздней бронзы, сыграл значительную роль в исторических судьбах уральского населения эпохи раннего железного века. На последнем (березовском) этапе развития межовской культуры (VIII — начало VII в. до н. э.), который по времени совпадал, видимо, с усилившейся экспансией в южные районы Зауралья северных гамаюнских и южных сарматоидных групп населения, происходили определенные изменения в характере материальной культуры уральского населения (прежде всего в орнаментальном комплексе). Под влиянием южных сарматоидных традиций оформился своеобразный комплекс посуды поселения Аргазы XIII (рис. 38), который сохранял еще традиции межовского орнаментального комплекса, но уже имел явно сарматоидную форму. Новый для Зауралья керамический комплекс в своих основных чертах во многом превосходил посуду так называемого гафурийского типа, бытовавшую в V—II вв. до н. э. на территории Башкирии [160, с. 99; 162; 47, с. 68—129], и был, на наш взгляд, одним из важных компонентов ее формирования. Дело в том, что близость посуды типа комплексов поселения Аргазы XIII и гафурийской проявляется не только в форме и основных элементах орнамента (ср. рис. 38 и [162, рис. 25, 1—4; 26, 2—7; 164, рис. 13, 11; 18, 5, 6; 19, 1, 10]), но и в наличии тальковой примеси, столь типичной для районов горно-лесного Зауралья, в тесте гафурийских сосудов. Исследователи уже высказывали мысль о том, что в формировании гафурийского типа посуды принимал участие какой-то зауральский [161, с. 91] или угорский [45, с. 45] компонент. Возможно, этим компонентом и явилось население, оставившее в Зауралье комплексы типа поселения Аргазы XIII, или потомки этого населения, с которыми могут быть связаны комплексы типа Березки II (рис. 67), М. Вишневы I [21, рис. 2, 1, 4, 6, 9—11, 15].

В связи с проблемой происхождения памятников гафурийского типа обратим внимание на существование в горной части Урала в бассейне среднего течения р. Ай, на территории Приайской увалистой равнины, которая вплоть до настоящего времени представляет собой относительно замкнутый район, памятников так называемого айского типа раннего железного века, пока мало изученных [10, с. 27, 259, карта 7; 56, с. 165]. По керамике они

весьма схожи с гафурийскими (отмеченное сходство их с гороховскими [10, с. 27], видимо, несколько преувеличено), и, возможно, в формировании гафурийского населения принимали участие и продвинувшиеся из Северо-Восточной Башкирии группы с материальной культурой айского типа. Датируются айские памятники с IV в. до н. э. [10, с. 27]. Если доводить межевские памятники бассейнов рек Ай и Юрюзань только до VIII в. до н. э., то оставшаяся лакуна ничем не заполняется. Но так как материалы Юкаликулевского поселения позволяют предполагать, что межевские древности в этом районе доживают до VII в. до н. э., причем не исключено, что и до VI в. до н. э., а формирование гафурийских комплексов можно относить и к V в. до н. э. [47, с. 119], то хронологические границы межевских и айско-гафурийских комплексов, во всяком случае в этом регионе, вроде бы смыкаются.

В горно-лесном Зауралье где-то около VII в. до н. э. происходит переоформление межевско-березовского орнаментального комплекса в качественно новый — иткульский, характеризующий уже развитие среднеуральского населения в новую историческую эпоху — эпоху раннего железного века [179; 184, с. 363; 18, с. 132]. На ранних этапах своего развития иткульский орнаментальный комплекс испытывал определенное влияние со стороны продвинувшихся в южнотаежные районы Зауралья с севера гамаюнских групп населения, что привело к образованию смешанных иткульско-гамаюнских комплексов [18, с. 120—125; 32; 33, с. 3—4]. По мнению М. Ф. Косарева, в орнаментации смешанных иткульско-гамаюнских комплексов нетрудно заметить ряд сходных черт с орнаментацией межевской посуды [102, с. 184].

В то же время позднемежевские (березовские) комплексы приняли участие в формировании не только иткульской, как это считалось ранее, но и гороховской культуры лесостепной и юголесной зон Зауралья. Действительно, многие принципиальные особенности гороховской орнаментальной схемы — круглодонность, утолщение основания шейки, намечающийся уступчик на месте перехода шейки в тулово, образованный желобком, основные композиционные особенности узоров, господство техники нарезки — зарождаются еще на березовской посуде. В литературе существует хронологический разрыв между березовскими и гороховскими комплексами в один-два века, так как самые ранние гороховские комплексы исследователями датируются не ранее конца VI—V вв. до н. э. [199, с. 50—52; 135, с. 32—38]. Видимо, начальную дату формирования гороховской культуры следует отнести по крайней мере к концу VII — началу VI в. до н. э. и сосредоточить усилия на поиске гороховских памятников именно этого отрезка времени.

По мнению В. И. Молодина, потомки межевско-березовского населения в результате миграции в VII—VI вв. до н. э. на

территорию лесостепной Барабы принимают участие в формировании и раннесаргатской культуры [132, с. 175]. Но, видимо, в сложении саргатской культуры березовцы, экспансия которых столь далеко на восток археологическими материалами не фиксируется, участия не принимали.

Таким образом, межовско-березовские комплексы Зауралья сыграли значительную роль в исторических судьбах уральского населения эпохи раннего железного века. Они явились тем основным компонентом, который лег в основу иткульской культуры. Им принадлежала важная роль в формировании гороховской зауральской культуры и приуральских памятников гафурийского типа.

В Южном Прикамье межовские древности сменяются маклашевскими и курмантаускими. Появление в Камско-Бельском бассейне населения с маклашевской керамикой [205, с. 303, рис. 65] обусловлено не дальнейшим внутренним развитием местной культуры эпохи поздней бронзы [205, с. 289 и сл.], а продвижением в этот район населения с круглодонной керамикой маклашевского облика [11, с. 53; 83, с. 12]. Еще в начале 60-х гг. была замечена разновременность маклашевской и более древней — быргындинской керамики [51, с. 79]. К. В. Сальников выводил культуру курмантау, локализованную им на территории Башкирии, из "северных или западных районов" [184, с. 384], прямо указывая на могильник Маклашевский II на р. Волге как на однокультурный аналог [180, с. 34; 184, с. 383]. К такому же выводу пришел В. А. Иванов [83, с. 12]. На основании материалов из жилища поселения Кумлекуль К. В. Сальников предположил сосуществование курмантауской, межовской и срубно-хвалынской керамики и вероятную взаимоассимиляцию населения этих культур [184, с. 384—385].

На существование гибридной межовско-курмантауской керамики впервые указал И. Б. Васильев [40, с. 254]. Впоследствии наличие этой керамики зафиксировали и другие исследователи [222, с. 79; 141, с. 83; 83, с. 12]. Нужно отметить, что керамики с гибридными межовско-курмантаускими чертами в бассейне р. Белой немного, и вся она производит впечатление механического смешения черт [40, с. 251, 253, рис. 1, 12—14; 3, 1, 3, 4]. В то же время в районе устья Белой и прилегающих районов Камы имеется целый ряд памятников со своеобразной керамикой, получившей название староянзигитовской [83, с. 12], или быргындинской [51, с. 79; 13; 11]. Л. И. Ашихмина и В. Ф. Генинг определяют сложение быргындинской керамики на основе синтеза местной межовской (луговской у Л. И. Ашихминой) и пришлой в Удмуртское Прикамье маклашевской культур [13, с. 123; 11, с. 63; 12, с. 58].

Ясно, что пласты памятников с маклашевской и курмантауской керамикой, которые можно объединить в одну маклашевско-курмантаускую общность с локальными хронологически неод-

новременными вариантами, выглядят моложе межовских памятников в Приуралье и, по мнению целого ряда авторов, подстилают раннеананьинские древности, сложение которых происходит на Каме на основе маклашеевских [205; 206, с. 26]. В. А. Ивановым на основе совместных раскопок с И. Б. Васильевым и М. Ф. Обединцовым в 1975—1977 гг. стоянки им. М. М. Касьянова был доказан поздний возраст этого памятника, датируемый VII—VI вв. до н. э. [82, с. 100; 83, с. 11]. Мы полагаем, что дату до VI в. до н. э. можно распространить на все курмантауские памятники бассейна р. Белой.

В пользу такой датировки можно привести следующие дополнительные аргументы. В котловане жилища 2 поселения Куюнь II в 1972 г. была найдена ножка каменного жертвенника [42, с. 168, рис. слева], обычного для савроматских могильников Южного Урала и Казахстана начиная с VI в. до н. э. [186, с. 162—170, 365; 108]. Находку обломка бронзовой пряжки раннеананьинского типа вместе с курмантауской керамикой отмечали авторы раскопок на Ибрагимовском I поселении.

Совместное нахождение керамики обоих типов встречается часто. На одних памятниках, а это исключительно поселения, материалы встречены в нерасчлененном слое, на других прослежена стратиграфия. Впервые стратиграфическую неодновременность маклашеевской и межовской керамики выявил В. Ф. Генинг на Кумыском поселении [50, с. 95 и сл.]. И. Б. Васильевым и В. С. Горбуновым были опубликованы результаты стратиграфии Бирского поселения [41, с. 154, табл. 2, 3]. В 1978 г. были завершены его раскопки, но принципиально нового они не внесли: курмантауская керамика залегает совместно с раннеананьинской, но выше слоя с межовской керамикой. Составленные таблицы стратиграфического залегания межовской и курмантауской керамики по поселениям Кумлекуль, Дуванейское и стоянке Максютювская II показывают совместное залегание обоих типов керамики в среднем штыке. На Дуванейском поселении наблюдается преобладание курмантауской керамики в верхнем штыке [40].

Думается, приведенных данных достаточно для вывода о том, что в бассейне р. Белой, на основной приуральской территории, межовские памятники одно время сосуществовали, а затем сменились курмантаускими, проникшими в этот район с северо-запада. Курмантауское население не является прямым генетическим продолжателем межовского, как это предполагают некоторые исследователи. Правильной является точка зрения тех авторов, которые указывали на межовские древности бассейна Белой как на компонент в сложении культуры курмантау [184, с. 385; 82, с. 100—101]. Таким образом, верхняя граница межовских памятников бассейна Белой должна лежать где-то около IX—VIII вв. до н. э. [140, с. 119—120; 141, с. 83].

Кроме того, как уже неоднократно отмечалось в литературе [98, с. 94; 208, с. 62; 224; 228, с. 97—98; 2], угорские носители черкаскульской и межовской культур, находившиеся в тесных контактах с индоариями, были, видимо, тем передаточным звеном, благодаря которому в среду древних угров проникли новые культурные элементы как в сферу экономики (до сих пор в языке финно-угорских народов сохранились названия домашних животных, некоторых процессов земледельческого труда, имеющие ираноязычные корни), так и в сферу культуры, так как даже в современных орнаментах обских угров сохраняются орнаментальные схемы, чрезвычайно близкие андроновским и даже тождественные им [214; 85, с. 161, рис. 100].

3. МИГРАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЧЕРКАСКУЛЬСКОГО И МЕЖОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Уральское население эпохи поздней бронзы, оставившее после себя памятники коптяковского, черкаскульского, межовского и березовского типов, сыграло важную роль в историческом развитии Урало-Сибирского региона в целом. Черкаскульская и межовская культуры развивались в тесной взаимосвязи с культурами сопредельных Уралу территорий и являлись важными элементами определенных культурных общностей (пластов): черкаскульская — андроновско-андроноидного, межовская — пласта позднебронзовых культур лесной и лесостепной Урало-Сибирской зоны, куда вместе с межовцами входили, видимо, носители ерзовской, бархатовской, сузгунской (на ее заключительных этапах) и ирменской культур.

Остановимся вначале на характере контактов черкаскульского населения с населением сопредельных горно-лесному Зауралья территорий.

Прежде всего фиксируется взаимодействие черкаскульского населения с населением федоровской культуры, на что неоднократно обращалось внимание в литературе. Но характер взаимоотношений федоровцев и черкаскульцев понимался по-разному. Одни исследователи, несмотря на определенные различия во взглядах, объясняли сходство федоровской и черкаскульской культур результатом их взаимодействия [197, с. 84—85, 92, 131—132, 138—141, 144—146] или влиянием федоровской культуры на процесс образования черкаскульской [223, с. 44; 225, с. 31, 38; 75, с. 21]. Другие (М. Ф. Косарев, Т. М. Потемкина и отчасти К. В. Сальников) черты сходства между черкаскульцами и федоровцами рассматривали в плане общности их происхождения от близкородственных групп населения раннебронзового времени [102, с. 30—31; 156, с. 342; 184, с. 340, 358, 363]. Мнение последних исследователей разделяем и мы. Имеющийся на сегодняшний день археологический материал позволяет выделить во взаимоотношениях черкаскульского населения с федоровским два основных этапа.

Первый этап контактов федоровского и черкаскульского населения (XV—XIV вв. до н. э.) восходит еще к периоду их генетического единства, к процессу формирования черкаскульского и отчасти федоровского орнаментальных комплексов на базе среднеуральских памятников, в культурных слоях которых имела керамика так называемого нерасчлененного типа (поселения Коптики V и особенно Новая III, Калмацкий Брод и др.).

Второй этап контактов падает на период XIII—XII вв. до н. э. и относится ко времени начавшегося сдвига отдельных групп черкаскульского населения с территории горно-лесного Зауралья в лесостепные и отчасти северостепные (по крайней мере вплоть до 52—50° с. ш.¹¹) районы Южного Зауралья (поселения Мирный II, Байту, Кизильское и др.), а также в Среднее Притоболье, Северный, Центральный и, возможно, в западные районы (поселение возле улуса Канай, Мало-Красноярское) Восточного Казахстана [217, рис. 20; 218, табл. VIII, 5; X, 4, 16], а также на Алтай [94]. Сдвиг этот в восточном направлении происходил по рекам Исеть, Миасс, Уй с выходом затем на Тобол в Тоболо-Ишимском и Ишимо-Иртышском междуречье, а в южном — по небольшим рекам Урало-Тобольского междуречья (Верхний Тогузак, Синташта, Берсуат и др.) с выходом затем в верховья р. Урал. Он четко фиксируется археологическими материалами (рис. 1), и о нем неоднократно писали исследователи [197, с. 130; 73, с. 43; 152, с. 19; 156, с. 228, 345; 222; 226, с. 22—24; 78, с. 74—77; 64, с. 44—45; и др.]. Проникновение черкаскульского населения в Южное Зауралье привело к усилению его контактов в этом регионе с федоровцами, что достаточно четко отражают материалы могильников Ново-Бурино, Б. Караболка, Кинзерово, Туктубаево, Приплодный Лог I, поселений Коркино I, Дружный I, Мирный II и др. Видимо, в результате этого продвижения черкаскульцев на территорию, освоенную федоровцами, могли складываться даже совместные черкаскульско-федоровские коллективы, которые затем осваивали новые регионы к западу и, возможно, к востоку от Урала. Может быть, именно таким совместным освоением черкаскульцами и федоровцами районов лесостепного Приуралья и Заволжья и, не исключено, даже верховий Дона, следует объяснять находки черкаскульско-федоровской керамики на ряде памятников этих регионов: Луговском I поселении [71, с. 16, рис. 4], Сусканском I поселении [130, с. 130—131, рис. 21], некоторых поселениях Самарского Заволжья [4, рис. 12], поселении Раздольненском [157, с. 146, рис. 4, 1—3]. К выводу о движении федоровцев из-за Урала на запад совместно с черкаскульцами пришла в свое время и Н. Л. Членова [222, с. 77; 226, с. 24]. Но сразу же следует отметить, что археологическими памятниками фиксируется движение в западном направлении и чисто черкаскульских коллективов. Свидетельством этого движения являются материалы поселений Юкаликулево [55], Тавлыкаево [133, с. 10—11; 134], Комаровское [7, рис. 16, 3, 4] и др.

Видимо, можно предположить и основные пути движения черкаскульских и черкаскульско-федоровских коллективов в западном направлении. Оно происходило в результате выхода черкаскульцев из района Среднего Зауралья к верховьям Ая, Юрюзани и, возможно, Уфы, а затем далее по этим рекам в

среднее и нижнее течение Уфы с выходом на Белую и далее к Волге и, может быть, в междуречье Средней Волги и верховья Дона (рис. 1).

Контакты между черкаскульским и федоровским населением отмечаются и в районах, расположенных к востоку от Среднего Зауралья. О них свидетельствуют материалы южнотаежного федоровского поселения Дуванское XVII, расположенного недалеко от г. Тюмени. В керамическом комплексе этого памятника отмечены как отдельные черкаскульские черепки, так и черкаскульские черты в федоровской орнаментальной схеме [96, с. 147—148]. Более ярко взаимодействие между черкаскульцами и федоровцами отражено в памятниках Среднего Притоболья, на что неоднократно обращала внимание Т. М. Потемкина [152; 155; 156, с. 288].

Не совсем ясно, существовали ли контакты между федоровским и черкаскульским населением в период проникновения последнего в Северный, Центральный и, возможно, Восточный Казахстан. Очевидно, такие контакты имели место. Косвенно это подтверждается предположением С. Я. Зданович об участии в формировании саргаринской культуры не только федоровско-бишкульских групп населения, но и черкаскульских [78] и мнением Т. М. Потемкиной о сложении бегазы-дандыбаевской культуры на федоровской основе при участии черкаскульцев [155, с. 19]. Действительно, посуда так называемого переходного этапа от средней бронзы к поздней (XIII—XI вв. до н. э.) Центрального Казахстана несет на себе не только федоровские, но и черкаскульские черты, которые проявляются как в форме сосудов, так и в орнаментации. В форме сосудов это прежде всего вздутость боков тулова за счет резкого перехода от тулова ко дну, закраина у дна, общие пропорции посуды в целом, особенно на ряде сосудов могильников типа Айшрак Б, Егизак I. Близость с черкаскульской орнаментальной схемой проявляется прежде всего в украшении посуды композициями, состоящими из рядов широких желобков на переходе шейки в тулово в сочетании с рядами треугольных и полуovalных вдавлений, в нанесении орнаментов в виде заштрихованных лент, дополнительных привесок к низу орнаментального поля, употреблении техники крупнозубчатого штампа и т.д. [122, с. 25—58, рис. 7, 9, 11; 14, 4].

Приведенные факты свидетельствуют о тесных контактах черкаскульского и федоровского населения на широкой территории Поволжско-Урало-Казахстанского региона, причем контактах, носящих, видимо, мирный характер. Эти контакты, на наш взгляд, могут служить дополнительным (хотя и косвенным) свидетельством определенной генетической близости населения федоровской и черкаскульской культур.

В период начавшегося сдвига из Среднего Зауралья в лесостепные и северостепные районы Южного Зауралья и Среднего Прито

боля (XIII—XII вв. до н. э.) черкаскульское население вступает в контакт, видимо, не только с федоровским, но и с алакульским населением (а на ряде поселений — Тавлыкаево, Кизильское, Родниковское [134; 198; 151, с. 176] еще и со срубно-алакульским). Активной стороной в этих контактах являлись черкаскульцы, так как помимо появления памятников со смешанными черкаскульскими и алакульскими комплексами (поселения Черняки II, у Спасского моста, Кизильское, Тавлыкаево, Родниковское (на последних трех — даже смешанных черкаскульско-срубно-алакульских), Камышное II, Язево I, III, Алабуга I (хутор Андроник), Алексеевское и др.) в Южном Зауралье и Среднем Притоболье [196; 197, с. 128—129; 203; 134; 151, с. 176; 152; 156, с. 288] отмечено и проникновение в алакульский орнаментальный комплекс черкаскульских черт [197, с. 112, 114, 128, 130—131], в то время как алакульские черты в черкаскульском орнаментальном комплексе выражены реже. Так, В. С. Стоколос относит к ним резные и гребенчатые треугольники, полосы проташенной гребенки на посуде селища Черкаскуль II [197, с. 70].

Хорошо прослеживаются контакты между продвинувшимися в районы Бельско-Икского междуречья и Самарского Поволжья, а возможно, даже Украины, черкаскульскими и черкаскульско-федоровскими и местными срубно-покровскими группами населения. Отражением этих контактов являются материалы Кузькинской I стоянки, Сусканского I [130, рис. 18, 1—6, 9, 13, 15; 19, 16; 21], Подгорно-Байларского [205, с. 235—236], Комаровского [7; 182, с. 81], Раздольненского [157], Александрийского [22, с. 106, 108, рис. 1, 1] и ряда других поселений [80, рис. 6; 5, рис. 12] этого района, а также захоронения Деуковского могильника [205, с. 227]. Контакты эти носили активный характер прежде всего со стороны черкаскульско-федоровского (черкаскульского) населения, свидетельством чему служит появление на Деуковском могильнике захоронений по обряду погребений скорченно на правом боку головой на восток, столь характерных для черкаскульцев, и образование комплексов керамики на ряде поселений (Сусканское I, Подгорно-Байларское) и стоянке Кузькинской I, где срубно-черкаскульские орнаментальные признаки тесно переплетаются [130, рис. 18, 1—6, 9, 13, 15; 205, с. 232—236, рис. 52, 53]. О близких контактах черкаскульского и срубного населения в рассматриваемом районе свидетельствуют и антропологические материалы Такталачукского могильника [168; 232, с. 48—49]. Время контактов черкаскульского (черкаскульско-федоровского) населения со срубным определяется где-то в пределах XIII—XII вв. до н. э. [130, с. 136; 205, с. 230—236; 134, с. 38—39]¹². Видимо, эти столь ранние контакты позднечеркаскульского и срубного населения во многом предопределили характер связей в последующий период между межовским и позднесрубным населением на терри-

тории Бельско-Икского междуречья, о чем уже неоднократно писали исследователи [184, с. 364; 142, с. 15; 143, с. 48—49].

Контакты между черкаскульским и приказанским населением в рассматриваемом регионе прослеживаются слабо. В свое время в литературе высказывалось мнение о том, что приказанская культура сложилась “под сильнейшим влиянием андроновских и близких им племен” [49, с. 61]. На близость орнаментации посуды балымско-карташихинских и черкаскульских памятников обращал внимание А. Х. Халиков. Но эту близость он объяснял “не внедрением в приказанскую среду пришельцев с востока”, а рассматривал ее как “результат конвергентный, результат однотипного воздействия на лесостепное местное население культуры степного населения... срубно-андроновского (в Поволжье и Приуралье) и андроновского (в Сибири) культурного мира” [207, с. 53]. Мы в основном разделяем точку зрения А. Х. Халикова, хотя не следует забывать, что поздние черкаскульцы проникли вплотную к территории расселения приказанцев и контакты между этими группами населения, вполне вероятно, были. Причем активной стороной в них выступало прежде всего черкаскульское (черкаскульско-федоровское) население [205, с. 269; 207, с. 52].

Видимо, в самом конце развития черкаскульской культуры среднеуральские черкаскульцы начинают проникать в районы Нижнего и даже, возможно, Среднего Прикамья, свидетельством чему могут служить материалы Симонихинского I и Заосиновского VII поселений, где обнаружена посуда, близкая по облику позднечеркаскульской [59, с. 76—77; 60, с. 144; 225, рис. 13, 8].

Слабо пока прослеживаются контакты черкаскульского населения с его восточными лесными соседями. Несколько четче выражены контакты между поздними черкаскульцами кокшаровского локального варианта и сузгунцами. При характеристике посуды Кокшаровского I и Юрьинского IV поселений уже отмечалось наличие на ней некоторых черт сузгунского орнаментального комплекса: елочки, птичкообразных (арочных) гребенчатых штампов. Может быть, с влиянием сузгунского и близкого ему лесного населения, оставившего после себя памятники типа Чудской Горы в Прииртышье [102, с. 142—144], следует связывать манеру нанесения ямочных вдавлений вдоль меандровых фигур на посуде Юрьинского IV поселения (рис. 15, 3—5, 8, 9), а также оформление переходной зоны от шейки к тулову сосудов глубокими ямками, образующими жемчужины с внутренней стороны, на кокшаровских памятниках (рис. 12—16). Но и черкаскульское население, в свою очередь, могло оказывать определенное влияние на население лесной зоны Тоболо-Иртышского междуречья, так как в орнаментации посуды памятников этого района имеются узоры типа вдавлений углом гребенчатого штампа, рядов широких желобков на переходе шейки в тулово и др. [102, рис. 52, 1; 53,

1—3, 9], связь которых с черкаскульской орнаментальной традицией вероятна. Отмеченное сходство между черкаскульской посудой в ее кокшаровском варианте и сузгунской может свидетельствовать не только об определенных контактах между этими группами населения. Не исключено, что оно объясняется общностью происхождения этих культур от близкородственных культур предшествующей эпохи, что уже отмечалось в литературе [184, с. 369—370; 98, с. 83].

При рассмотрении направлений связей населения черкаскульской культуры с его восточными соседями встает вопрос и о восточной границе распространения черкаскульских древностей. Н. Л. Членова считает возможным относить к их кругу среднеприиртышские памятники типа могильника Черноозерье II и поселения Черноозерье VIII [226, с. 22; 227, с. 28]. На наш взгляд, эти памятники являются все же андроновскими, а не черкаскульскими, хотя на единичных черепках посуды поселения Инберень IV [97, рис. 3, 9, 10] и на одном сосуде могильника Старый Сад [137] отмечено характерное для черкаскульцев оформление меандров желобками. Нам кажется, что появление черкаскульских орнаментальных черт на единичных федоровских сосудах в памятниках Среднего Прииртышья связано не с проникновением в этот район черкаскульского населения, а с приходом сюда из районов Тоболо-Ишимо-Иртышского междуречья тех групп федоровского населения, которые в этом регионе находились в непосредственном контакте с черкаскульским населением. По нашим наблюдениям, восточная граница распространения черкаскульских древностей в лесной зоне проходит где-то в самых западных районах Тюменской области (рис. 26), а в лесостепной полосе местом стыка алакульской, черкаскульской и сузгунской культур являются, по наблюдениям Т. М. Потемкиной, районы, находящиеся в устье р. Исеть и чуть южнее его [152, с. 26]. Видимо, в районах нижнего течения р. Ишим проходила и граница стыка черкаскульской и еловской культур [105, с. 50—51, рис. 3, 1—3, 5, 6, 9—13]. Носители этих культур также имели определенные, хотя и слабо выраженные [102, с. 156], контакты между собой. Иными словами, проникновение черкаскульского населения в районы, расположенные к востоку от Среднего Зауралья, носило более ограниченный характер, чем движение этого населения в западном, южном и юго-восточном направлениях.

Причины слабого освоения черкаскульцами лесных районов, лежащих к востоку от Среднего Зауралья, связаны, возможно, со следующими обстоятельствами. Во-первых, эти районы по природным условиям были близки среднеуральским, и население их, подобно черкаскульскому, имело многоотраслевой тип хозяйства [102, с. 221—230; 104, с. 111—123], а с приходом сюда крупных групп черкаскульского населения могла возникнуть угроза перена-

селения. Во-вторых, что более вероятно, именно в рассматриваемый период (XIII—XII вв. до н. э.) внутри самого черкаскульского общества происходят важные изменения, связанные уже с прочным освоением поздними черкаскульцами навыков более прогрессивной формы ведения хозяйства — скотоводства, что потребовало внедрения черкаскульских групп населения в лесостепные и даже степные регионы. Причем прогрессирующая скотоводческая направленность хозяйства могла обеспечить общество большим, чем ранее, прибавочным продуктом, увеличить тем самым численность черкаскульских коллективов, а значит — создать угрозу перенаселения в зоне традиционного обитания. И, наконец, в-третьих, отток определенной части черкаскульского населения из лесных районов Зауралья в лесостепь и степь совпал с другим процессом (а может, был им даже стимулирован) — с процессом начавшегося постепенного давления на черкаскульское население лесных восточных и северных соседей. Давление это в конечном счете привело к широкой миграции в первых веках I тыс. до н. э. северных лесных групп населения (в Зауралье — населения гамаюнской культуры) в лесостепные районы Зауралья и Западной Сибири [102, с. 181].

И, наконец, пока не совсем ясны северные границы распространения памятников черкаскульского типа. Подобная ситуация в некоторой степени объясняется и слабой изученностью районов Зауралья, лежащих севернее широты г. Нижнего Тагила. Но все же немногочисленные разведочные обследования, которые проводились в бассейнах рек Каквы, Сосвы, Красноярки, Туры (районы гг. Серова и Краснотурьинска), не привели к открытию здесь черкаскульских комплексов [195; 201, с. 152—153]. Поэтому северные границы распространения черкаскульских (а также межовских) древностей следует ограничить районами, лежащими чуть севернее (приблизительно на 100 км) г. Нижнего Тагила (рис. 1, 26).

Освоение поздними черкаскульцами ряда сопредельных Среднему Зауралью территорий, например, предгорной Башкирии, Среднего Притоболья и частично Северного Казахстана, привело к тому, что межовское население, сформировавшееся на базе черкаскульского, в этих регионах уже являлось во многом аборигенным, хотя приток населения из Среднего Зауралья на отмеченные территории происходил и в позднебронзовое время. Это подтверждается анализом примесей в тесте посуды памятников указанных регионов. Наряду с такими примесями, как толченая раковина (предгорная Башкирия), шамот, песок, слюда (Среднее Притоболье и Северный Казахстан), характерными именно для местных групп населения, в отмеченных регионах встречается и межовская посуда с тальковой примесью, что свойственно прежде всего посуде горно-лесного Зауралья [205, с. 248; 55, с. 54; 73, с. 43; 78, с. 76; 152, с. 19].

В конце эпохи бронзы (XI—IX вв. до н. э.) межовцы уже прочно освоили районы Бельско-Икского междуречья, где вступили в тесные контакты с позднесрубным населением, образуя нередко совместные межовско-срубные общины [184, с. 364—365; 142, с. 11, 15; 143, с. 48—49]. Прочные и, видимо, длительные контакты (в том числе и проживание на одних и тех же поселениях) установились между межовцами и алексеевцами в Среднем Притоболье [153, с. 22—25; 156, с. 345]. Причем, как показывают материалы поселения Алабуга I (хутор Андроник), расположенного в пограничной зоне лесостепи и степи на юге Курганской области, в этих контактах участвовало и бархатовское население. Имели, очевидно, место контакты эпизодически проникавших в Северный и Центральный Казахстан групп межовского населения с местным саргаринским [204, с. 153; 38, с. 59], хотя проникновение межовского населения в эти районы Казахстана не носило столь выраженного характера, как у их предшественников — черкаскульцев. Даже наоборот, отмечены случаи обнаружения отдельных черепков саргаринской посуды в межовских памятниках горно-лесного Зауралья. Видимо, граница расселения межовцев и алексеевцев-саргаринцев в целом была более стабильной, проходила где-то в пограничных районах лесостепи [153, рис. 5], и межовские группы населения проникали в южную лесостепь и северные районы степи лишь эпизодически.

Взаимоотношения межовского населения с лесными западносибирскими соседями фиксируются прежде всего в кокшаровской группе памятников. Здесь на поселениях Кокшарово I и Юрьино IV найдены сузгунские и близкие им фрагменты посуды (рис. 34, 2—9). В южной зоне леса эти контакты были выражены слабее. Но они также имели место, тем более, что районы расселения межовцев и сузгунцев соприкасались (самые восточные межовские памятники отмечены в восточных районах Свердловской области по р. Туре и ее притокам [43, рис. 16, 5—9]), а отдельные группы межовского населения все же, видимо, проникали и далее на восток до водораздела Иртыша и Ишима, принимая участие, наряду с таежным обо-иртышским и ирменским населением, в формировании комплексов типа Кучум-Горы и Чупино [102, с. 163, 167]. Кроме того, как уже отмечалось, и само формирование межовского орнаментального комплекса в определенной степени было связано с влиянием на него орнаментальных традиций лесного тоболо-иртышского населения.

На березовском этапе развития активизируются контакты среднеуральских межовцев с населением бархатовской культуры, локализовавшимся в основном в юголесных и лесостепных районах Тоболо-Исетского междуречья. Отдельные бархатовские коллективы проникают даже в лесные районы горного Зауралья. Возможно, и само оформление березовского орнаментального комплекса как варианта позднемежовских древностей происходило не без влияния бархатовских групп населения.

До сих пор остается неясным вопрос о взаимодействии поздних мезовцев (березовцев) с населением гамаюнской культуры, которое активно в переходную от бронзы к железу эпоху осваивало районы горно-лесного Зауралья, выходя даже в лесостепь [35, с. 25]. В хронологическом плане появление гамаюньских групп населения в Среднем Зауралье исследователи относят либо к VIII—VI вв. до н. э. [100, с. 34; 34, с. 3—6], либо к еще более раннему периоду [34, с. 7]. Казалось бы, гамаюньцы должны были обязательно столкнуться с березовцами. Но в археологическом материале следы таких контактов прослеживаются в редких случаях. Слабые контакты мезовцев и гамаюньцев, отраженные в керамике памятников кокшаровской локальной группы: 2-го Курьинского прииска Шигирского торфяника, 6-го разреза Горбуновского торфяника и Юрьино IV, отмечает В. А. Борзунов [34, с. 6]. Некоторые гамаюньские черты (двойной ряд ямок с защипами-наплывами) имеются на березовской керамике поселения Коптяки II.

Создается парадоксальная ситуация. Имея значительные массивы мезовских и гамаюньских памятников, мы в то же время фактически не знаем гамаюньско-мезовских комплексов. Объяснить это можно либо неверностью определения хронологических рамок существования этих культур (или одной из них) в горно-лесном Зауралье, либо сложением таких отношений между березовскими и гамаюньскими группами населения, которые по каким-то причинам вообще исключали (запрещали) контакты между ними (во всяком случае такие контакты, которые находят отражение в массовом археологическом материале).

По-видимому, мезовское население имело определенные связи и с лесным прикамским (ерзовским) населением. По мнению ряда исследователей, мезовские группы населения оказали определенное влияние на формирование ерзовской культуры [182; 53, с. 48]. Вероятно, ерзовское население, наряду с мезовским, бархатовским, сузгунским и, возможно, ирменским, входило в пласт близких по облику культур позднебронзового времени лесной полосы Урало-Сибирского региона. Этот пласт лесных позднебронзовых культур находился в непосредственном соседстве с кругом степных культур валиковой керамики и, взаимодействуя с ними, определял развитие населения лесного Урало-Сибирского региона в самом конце II тыс. до н. э. — начальных веках I тыс. до н. э.

Активное проникновение гамаюньских групп населения в юго-лесные районы Среднего Зауралья совпадает с окончанием развития бронзового века в целом и началом формирования в Зауралье новых археологических культур уже эпохи раннего железного века: иткульской (лесные и северолесостепные районы) и гороховской (юголесная и лесостепная зоны). В формировании обеих культур важную роль сыграл мезовско-березовский компонент.

Весьма сложным является вопрос этнической интерпретации населения Урала эпохи поздней бронзы. Очевидно, нельзя прямолинейно отождествлять археологические культуры первобытного общества с определенными этническими образованиями и связывать их с современными этносами [9]. Так, например, В. И. Матющенко пришел к выводу о сложном, многокомпонентном составе населения еловских и ирменских памятников [126].

К решению вопроса об этнической интерпретации следует подходить с большой осторожностью. Ряд авторов, занимающихся изучением черкаскульских памятников, считает их угорскими в своей основе [184, с. 373—374; 208, с. 62; 224, с. 48; 110, с. 53]. По нашему мнению, следует согласиться с такой постановкой вопроса относительно угорской принадлежности черкаскульских памятников, хотя нужно отметить, что уже само черкаскульское население было этнически смешанным и содержало ираноязычный компонент [208, с. 62], который отождествляли с новокумакским, вернее, раннеалакульским (петровским) влиянием. Очевидно, гораздо сложнее был этнический состав межовского населения. Основным компонентом в сложении межовской культуры являлся черкаскульский или угорский, если отождествлять часть черкаскульского этноса с угорским, распространенным во II тыс. до н. э. в Западной Сибири и тяготеющим к восточным склонам Урала [102, с. 93]. Этот компонент мог войти в состав межовской культуры в качестве исходного. Другим компонентом, как нам кажется, являлся степной срубно-андроновский (индоарийский), обуславливающий ряд сходных черт как в межовской, так и в других культурах — западных (приказанской и поздняяковской) и восточных (ирменской и карасукской). И ирменская, и карасукская культуры содержат один и тот же компонент — андроновский [126, с. 79; 209; 138; 117; 132, с. 139—140]. Вполне вероятно, что этот компонент, включенный еще в черкаскульскую культуру и оказавший активное воздействие на сложение межовской культуры, обусловил появление общих черт в культурах на окраинах степного срубно-андроновского скотоводческо-земледельческого мира [220, с. 72].

Некоторый свет на проблему контактов финно-угорского и индоиранских народов проливают данные лингвистики. До сих пор в языке финно-угров сохранились названия домашних животных, имеющие ираноязычные корни [1, с. 28—29]. Интересно, что В. И. Абаев считает, что иранские племена, оставшиеся в Европе, продолжали контактировать с финно-уграми. Эти контакты оставили след в заимствовании из иранского финно-угорскими языками таких важных культурных терминов, как названия золота, железа, слов “боров”, “нож”, “кабан”, “рог” [1, с. 29]. Часть этих заимствований (“железо”, “кабан”) может относиться ко второй половине эпохи бронзы, времени существования черкаскульских и

межовских памятников. На это же указывают Л. П. Хлобыстин [208, с. 62] и Н. Л. Членова, отмечающая, что ряд заимствований из общиндоевропейского языка вполне отражает "особенности хозяйства и андроновских, и черкаскульских племен" [224, с. 48]

Форма керамики, орнаменты, элементы погребального обряда металлические и другие изделия межовских памятников имеют много аналогий как в памятниках Западного, Северного (алексеевско-саргаринская культура) и Восточного Казахстана (трушниковские памятники), так и в южных культурах (амиробадская), которые на указанных территориях являлись автохтонными, связанными с памятниками предшествующего времени [77, с. 15—16; 218, с. 115; 87, с. 167].

¹ В последние годы несколько детских коптяковских захоронений исследовано В. Д. Викторовой на поселении Палатки I в верховьях р. Исеть. Результаты пока не опубликованы.

² Автор раскопок этого могильника Е. П. Казаков не исключает возможности существования над могилами земляных насыпей, уничтоженных затем пахотой [90, с. 145].

³ В. А. Коренько, основываясь на данных Е. И. Синельниковой о нормальной подвижности тазобедренных и коленных суставов человека, считает, что степень сгиба ног в тазобедренных суставах менее 100(85)⁰ (первая цифра для мужчин, вторая — для женщин) и степень сгиба ног в коленных суставах менее 30(23)⁰ являются результатом насильственной их деформации [95, с. 14—15], что возможно как раз при тугом пеленании покойника.

⁴ Тенденция обеднения орнаментальных мотивов к концу бронзового века характерна не только для посуды Среднего Зауралья, но и практически для всех керамических комплексов юголесной и степной зон Евразии.

⁵ Процентные характеристики приводятся только по сосудам могильника Березки Vg, так как керамический комплекс могильника Перевозный Ia для объективной статистической обработки слишком мал (8 сосудов).

⁶ Для Кокшаровско-Юрьинской стоянки имеется еще одна дата, полученная по образцу дерева, — 3860 ± 40 лет назад, но она, вероятно, связана с раннебронзовым комплексом стоянки. Обе даты установлены в Санкт-Петербургской лаборатории ИА № 62056, 62059. Мы благодарны Ю. Б. Серикову, разрешившему использовать данные материалов этой стоянки.

⁷ Не исключено, что при новых раскопках этого памятника будут обнаружены другие группы керамики эпохи поздней бронзы.

⁸ Вероятно, заимствование этого обряда межовцами произошло не от самих абашевцев, а от их потомков, растворившихся в среде местного уральского населения, так как абашевские и межовские древности асинхронны, и следов прямых контактов абашевского и межовского населения не обнаружено.

⁹ Вопрос о происхождении черкаскульской культуры Н. Л. Членова решала на основе анализа признаков, присущих либо межовским памятникам (Красногорский I и Подгорно-Байларский могильники, стоянка Ахметовская I и др.), либо позднеркакульским, в которых уже проявляются межовские черты (Луговой курган, Тартышевский, Ахуновский, Тахтачукский могильники и др.). Следовательно, выводы Н. Л. Членовой нужно проецировать на происхождение межовской, а не черкаскульской культуры.

¹⁰ Вероятнее всего, валики на межовской посуде не надо связывать с инкультурными традициями; в этот период они почти одновременно появляются на посуде многих культур лесостепной и степной зон Евразии, что носит, безусловно, эпохальный характер [221].

¹¹ Предположение Н. Л. Членовой [226; 227] о распространении черкаскульского населения в районы Северного Приаралья и Южного Таджикистана (поселения Кокча XV, Кан-гурт-тут, Вахшская стоянка) нам кажется не совсем правильным. Керамика отмеченных памятников имеет скорее общеандроновский [227, рис. 3, 3—9], нежели черкаскульский фон.

¹² Контакты между федоровскими (а возможно, и отдельными черкаскульскими) и срубными группами населения на Украине некоторые исследователи относят даже к XV—XIII вв. до н. э. [22, с. 108—109; 115, с. 62—64].

1. *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов//Древний Восток и античный мир. М., 1972.
2. *Абаев В. И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.): Тр. междунар. симпоз. по этническим пробл. Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). Душанбе, 17—22 сент. 1977 г. М., 1981.
3. *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы//Материалы по археологии Узбекистана. Самарканд, 1975.
4. *Агапов С. А., Васильев И. Б.* Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье//Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
5. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья: Итоги работы Средневожской археологической экспедиции//Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
6. *Акимов А. М.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
7. *Алихова А. Е.* Комаровское поселение у Моечного озера//МИА. 1958. № 61.
8. Андроновская культура. Вып. 1//САИ. 1966. Вып. В 3—2.
9. *Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Проблема археологических критериев этнической специфики//СЭ. 1979. № 6.
10. Археологическая карта Башкирии. М., 1976.
11. *Ашихмина Л. И.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме//Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978.
12. *Ашихмина Л. И.* К вопросу о происхождении ананьина в Удмуртском Прикамье//Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
13. *Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф.* Стоянка эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье//Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
14. *Бадер О. Н.* Раскопки близ Тагила в 1944 г.//КСИИМК. 1947. Вып. 16.
15. *Бадер О. Н.* Поселение Забойное//ОК(В)АЭ. Вып. 1. М., 1959.
16. *Бадер О. Н.* Неолит Урала//МИА. 1970. № 166.
17. *Бадер О. Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
18. *Бельтикова Г. В.* Иткульские поселения//Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
19. *Бельтикова Г. В.* Исследования на поселении Дружный I//АО-1979. М., 1980.
20. *Бельтикова Г. В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников//Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982.
21. *Бельтикова Г. В.* Памятник металлургии на острове Малый Вишневый//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
22. *Березанская С. С., Гершкович Я. П.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
23. *Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей//МИА. 1951. № 21.
24. *Берс Е. М.* Археологические памятники г. Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954.
25. *Берс Е. М.* Отчет за 1956 год//Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 14. Свердловск, 1956.
26. *Берс Е. М.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959.
27. *Берс Е. М.* Памятники и керамика гамаюнской культуры//Из истории Урала. Свердловск, 1960.

28. Берс Е. М. Археологические памятники на острове Макуша//Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961.
29. Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
30. Берс Е. М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье//СА. 1976. № 4.
31. Бибилов С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала//СА. 1950. Т. 13.
32. Борзунов В. А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень//Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
33. Борзунов В. А. Гамаюнская культура: Лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1984.
34. Борзунов В. А. Хронология памятников гамаюнской культуры//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.
35. Борзунов В. А. Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики//Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987.
36. Борзунов В. А., Нохрина Т. И. Березки II — поселение эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье//Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1981.
37. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
38. Варфоломеев В. В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент//Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.
39. Васильев Г. М. Эвенки. М., 1969.
40. Васильев И. Б. Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии//СА. 1975. № 4.
41. Васильев И. Б., Горбунов В. С. Бирское поселение//СА. 1975. № 3.
42. Васильев И. Б., Горбунов В. С., Иванов В. А. и др. Работы Московского отряда Нижнекамской экспедиции//АО-1972. М., 1973.
43. Викторова В. Д. Археологические исследования по рекам Реж и Ница//ВАУ. 1952. Вып. 2.
44. Викторова В. Д. Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья//СА. 1968. № 4.
45. Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение: По археологическим материалам I тыс. н. э.// АЭБ. 1971. Т. 4.
46. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//СА. 1973. № 1.
47. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. — II в. н. э.). М., 1988.
48. Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И. Зуево-Ключевская стоянка// Археолого-этнические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
49. Генинг В. Ф., Соколова Н. И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности//Учен. зап. Перм. ун-та. 1967. № 148.
50. Генинг В. Ф., Старостин П. Н. Кумысские стоянки и могильники//ОНКАЭ. М., 1972.
51. Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. Итоги археологического изучения Удмуртии//ВАУ. 1961. Вып. 1.
52. Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.
53. Горбунов В. С., Обьеденнов М. Ф. Курганы срубной культуры у д. Старо-Япарово на р. Деме//Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
54. Горбунов В. С., Обьеденнов М. Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии//СА. 1980. № 3.
55. Горбунов В. С., Обьеденнов М. Ф. Жилища Юкаликулевского поселения//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.

56. Горбунов В. С., Обиженнов М. Ф., Юсупова Г. П. Исследования у дер. Юкаликулево в северо-восточной Башкирии//АО-1978. М., 1979.
57. Денисов В. П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье//ВАУ. 1961. Вып. 1.
58. Денисов В. П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры//Учен. зап. Перм. ун-та. 1967. № 148.
59. Денисов В. П. Раскопки поселений эпохи бронзы на Нижней Каме//ОНКАЗ. Вып. 1. М., 1972.
60. Денисов В. П. Поселение эпохи поздней бронзы возле Перми//АО-1983. М., 1985.
61. Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
62. Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск, 1977.
63. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.//ТИЗ. Новая серия. 1960. Т. 5.
64. Евдокимов В. В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
65. Евдокимов В. В. Поселение Шукубай II//Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
66. Евтюхова О. Н. Деуковская I стоянка//КСИА. 1973. № 134.
67. Зах В. А. Работы Четвертого отряда Тюменской экспедиции//АО-1985. М., 1987.
68. Збруева А. В. Городище Грохань//КСИИМК. 1947. Вып. 16.
69. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 1952. № 30.
70. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1952.
71. Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье//МИА. 1960. № 80.
72. Збруева А. В., Тихонов Б. Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии//Древности Башкирии. М., 1970.
73. Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области//ВАУ. 1973. Вып. 12.
74. Зданович Г. Б. Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973.
75. Зданович Г. Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
76. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
77. Зданович С. Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1979.
78. Зданович С. Я. Происхождение саргаринской культуры: К постановке проблемы//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
79. Зданович С. Я., Бухонин А. А. Работы на памятниках эпохи бронзы Петропавловском Приишимье//АО-1981. М., 1983.
80. Зудина В. Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья//Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
81. Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копены 3. М., 1977.
82. Иванов В. А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау//Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
83. Иванов В. А. Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1978.
84. Иванов В. А. Проблема культуры курмантау//Приуралье в эпоху бронзы раннего железа. Уфа, 1982.

85. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник//ТИЭ. Новая серия. 1963. Т. 81.
86. *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979.
87. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
88. *Кадырбаев М. К.* Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана//СА. 1977. № 3.
89. *Казаков Е. П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук//Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
90. *Казаков Е. П.* Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии//СА. 1979. № 1.
91. *Казаков Е. П.* III Соколовский могильник срубной культуры//Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.
92. *Калинин В. К., Обиденнов М. Ф.* Исследования поселений эпохи бронзы на реке Деме//Очерки истории дореволюционной России. Вып. 3. Уфа, 1975.
93. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Поселение эпохи бронзы в Приказанском Поволжье//МИА. 1954. № 42.
94. *Киришин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Удодов В. С.* Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая//Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.
95. *Коренько В. А.* К методике изучения погребений со скорченными скелетами//СА. 1984. № 3.
96. *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* Поселение федоровской культуры//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
97. *Корякова Л. Н., Стефанов В. И.* Городище Инберень IV на Иртыше//СА. 1981. № 2.
98. *Косарев М. Ф.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы//СА. 1972. № 2.
99. *Косарев М. Ф.* К проблеме западносибирской культурной общности//СА. 1974 № 3.
100. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
101. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: Дис. д-ра ист. наук. М., 1976.
102. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
103. *Косарев М. Ф.* Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
104. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.
105. *Косинская Л. Я.* Поселение Ир II//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
106. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.)//МИА. 1951. № 21.
107. *Крижевская Л. Я.* После- и поздненеолитическое время на Южном Урале//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
108. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время на Южном Урале. Л., 1977.
109. *Крижевская Л. Я.* Эпоха ранней бронзы в Южном Зауралье//VI УАС: Тез. плен. и некоторых докладов. М., 1977.
110. *Крутских Н. А., Шорин А. Ф.* Черкаскульские могильники в Челябинской области//СА. 1984. № 4.
111. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
112. *Кузьмина Е. Е.* Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
113. *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника)//Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
114. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

115. Кузьмина Е. Е. О западных связях андроновских племен//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
116. Кузьминых С. В. Металлообработка срубных племен Закамья//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
117. Кызласов Л. Р. Карасукский могильник Хара Хая//СА. 1971. № 3.
118. Максимов Е. К. Перелюбский клад медных серпов//СА. 1972. № 2.
119. Малютина Т. С. Могильник Приплодный Лог I//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
120. Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье в Волго-Донском междуречье//СА. 1980. № 1.
121. Марковин В. И. Долины Западного Кавказа. М., 1978.
122. Марзулан А. Х. Бегазы-дадыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
123. Матвеев А. В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры//СА. 1986. № 2.
124. Матвеев А. В., Сидоров Е. А. Ирменские поселения Новосибирском Приобье//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985.
125. Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканов на Южном Урале//СА. 1970. № 4.
126. Матющенко В. И. К вопросу об этнической принадлежности еловско-ирменских памятников и историческая преемственность в культуре населения Томско-Нарымского Приобья//Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973.
127. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура//Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974.
128. Матющенко В. И., Цыбиктаров А. Д. К хронологии андроновских памятников//Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
129. Медведев В. Е. Культура амурских чжурженей конца X—XI вв. Новосибирск, 1977.
130. Мерперт Н. Я. Из древней истории Среднего Поволжья//МИА. 1958. № 61.
131. Могильников В. А. Коконовские и саргатские курганы-памятники эпохи раннего железа западносибирской лесостепи//МИА. 1972. № 153.
132. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
133. Морозов Ю. А. История племен срубной культуры Бельско-Уральском междуречья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1977.
134. Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
135. Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
136. Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири//МИА. 1972. № 153.
137. Нескоров А. В. Раскопки могильника Старый Сад//АО-1983. М., 1985.
138. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
139. Нохрина Т. И., Шорин А. Ф. Погребение доандроновского времени могильника Березки Vg//Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1: Досоветский период. Новосибирск, 1988.
140. Обыденнов М. Ф. Новые стоянки черкаскульской культуры в Башкирии//СА. 1976. № 4.
141. Обыденнов М. Ф. Памятники черкаскульской культуры на территории Башкирской АССР//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
142. Обыденнов М. Ф. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
143. Обыденнов М. Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.
144. Обыденнов М. Ф. Тайны Уфимских холмов. Уфа, 1986.
145. Обыденнов М. Ф. Межовская культура в Южном Приуралье//Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.

146. Обьденнов М. Ф., Аюпова Н. П. К вопросу о периодизации археологических культур позднего бронзового века Южного Урала//Проблемы археологии степной Европы. Ч. 1. Кемерово, 1987.
147. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I, II//МИА. 1950. № 18.
148. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
149. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура//МИА. 1967. № 142.
150. Попов А. А. Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
151. Порохова О. И., Богданов С. В. Раскопки памятников в Оренбургской области//АО-1983. Т. 1, 1985.
152. Потемкина Т. М. Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.
153. Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замаевских комплексов в лесостепном Зауралье//СА. 1979. № 2.
154. Потемкина Т. М. Черты неолита лесостепного Притоболья//Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
155. Потемкина Т. М. Алакульская культура//СА. 1983. № 2.
156. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
157. Пряхин А. А. Поселение срубной культурно-исторической общности у д. Раздольное//Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
158. Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
159. Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
160. Пшеничный А. Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений//АЭБ. Т. 2. Уфа, 1964.
161. Пшеничный А. Х. Племена раннего железного века в Башкирии//АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971.
162. Пшеничный А. Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры)//АЭБ. Т. 5. Уфа, 1973.
163. Пшеничный А. Х. Памятники эпохи бронзы в Башкирском Зауралье//Древние культуры Поволжья и Приуралья. Т. 21. Куйбышев, 1978.
164. Пшеничный А. Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
165. Раушенбах В. М. Керамика шигирской культуры//КСИИМК. 1952. № 43.
166. Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы//Тр. ГИМ. 1956. Вып. 29.
167. Раушенбах В. М. Раскопки стоянок в южной части Аятского озера//ВАУ. 1962. Вып. 2.
168. Рудь Н. М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
169. Рыжников П. А. Доисторическая жизнь у Исетского озера//Округ. 1927. № 18.
170. Рыкушина Г. В. Палеоантропология карасукской культуры: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1979.
171. Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области//МИА. 1940. № 1.
172. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья//МИА. 1951. № 21.
173. Сальников К. В. Раскопки на озере Березовском//КСИИМК. 1951. Вып. 36.
174. Сальников К. В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры//СЭ. 1951. № 4.
175. Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
176. Сальников К. В. Исетские древние поселения//СА. 1956. Т. 25.
177. Сальников К. В. Раскопки у с. Ново-Бурино//СА. 1959. Т. 29—30.
178. Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы//АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962.

179. Сальников К. В. Иткульская культура (К вопросу о "зауральском ананьине")//Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск, 1962.
180. Сальников К. В. К истории древней металлургии на Южном Урале//АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962.
181. Сальников К. В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы//ВАУ. 1964. Вып. 6.
182. Сальников К. В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии//АЭБ. Т. 2. Уфа, 1964.
183. Сальников К. В. Кельты Зауралья и Южного Урала//МИА. 1965. № 130.
184. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
185. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965.
186. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
187. Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культурным постройкам обских угров//ТИЭ. Новая серия. 1963. Т. 84.
188. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров//МАЭ. 1971. Т. 27.
189. Соколова З. П. О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
190. Старков В. Ф. Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье//СА. 1970. № 1.
191. Старков В. Ф. К вопросу о периодизации зауральского неолита//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
192. Старков В. Ф. Культуры периода раннего металла в лесном Зауралье//Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
193. Старков В. Ф. Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье//Исследования по мезолиту и неолиту СССР, Л., 1983.
194. Старостин П. Н., Багаутдинов Р. Н. Иманлейская и Уразаевская стоянки эпохи бронзы//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
195. Стоколос В. С. Археологическая разведка Серовского музея//Из истории Урала. Свердловск, 1960.
196. Стоколос В. С. Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки III//Учен. зап. Перм. ун-та. 1968. № 191.
197. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Урала: Хронология и периодизация. М., 1972.
198. Стоколос В. С. Исследования Мезенско-Уральского отряда//АО-1981. М., 1983.
199. Стоянов В. Е. О могильниках Западно-Сибирской лесостепи раннего железного века//ВАУ. 1973. Вып. 12.
200. Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье//МИА. 1960. № 90.
201. Федюнева Н. А. Исследования в Ильменском заповеднике и в Свердловской области//АО-1970. М., 1971.
202. Федорова Н. В. Исследования на городище Подчешах у г. Тобольска//Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 1974.
203. Фомина В. И. Селище у Спасского моста//АЭБ. Т. 2. Уфа, 1964.
204. Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
205. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
206. Халиков А. Х. Происхождение ананьинской культуры//VI УАС: Тез. плен. и некоторых дискус. докл. М., 1977.
207. Халиков А. Х. Приказанская культура//САИ. 1980. Вып. В 1—24.
208. Хлобыстина Л. П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976.
209. Хлобыстина М. Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасусской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.

210. Хлопин И. Н. К происхождению андроновского субстрата сибирских народов//Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969.
211. Цалкин В. И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья: Материалы для истории скотоводства и охоты в СССР//МИА. 1958. № 61.
212. Чемякин Ю. П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье//АО-1975. М., 1976.
213. Чемякин Ю. П. Работы Нефтепроводного отряда в Челябинской области//АО-1977. М., 1978.
214. Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров//СЭ. 1948. № 1.
215. Чернецов В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы//Тез. докл. на совещании по методологии этногенет. исслед. М., 1951.
216. Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г.)//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
217. Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции//КСИИМК. 1956. Вып. 64.
218. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 88.
219. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. 1970. № 172.
220. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР//СА. 1978. № 4.
221. Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
222. Членова Н. Л. Пути и распространение связей древних культур Поволжья и Приуралья в эпоху поздней бронзы//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
223. Членова Н. Л. О природе черкаскульской культуры//VI УАС: Тез. плен. и некоторых дискус. докл. М., 1977.
224. Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу о контактах финно-угров с индоариями//Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
225. Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Предуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.
226. Членова Н. Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху бронзы//Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
227. Членова Н. Л. Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
228. Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах//СА. 1984. № 1.
229. Шевченко А. В. Об антропологических особенностях носителей черкаскульской культуры//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
230. Шевченко А. В. Еще раз об антропологическом облике черкаскульцев//VI УАС: Тез. плен. и некоторых дискус. докл. М., 1977.
231. Шевченко А. В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза//Современные проблемы и методы в антропологии. Л., 1980.
232. Шевченко А. В. Современное состояние палеоантропологической изученности черкаскульской культуры//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984.
233. Шорин А. Ф. Курган раннего железного века на Южном Урале//Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
234. Шорин А. Ф. Случайные находки сейминско-турбинских и сосново-мазинских бронз в Южном Зауралье//Археология Прииртышья. Томск, 1980.

235. Шорин А. Ф. Черкаскульская керамика поселений Аргазинского водохранилища//Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.

236. Шорин А. Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье//Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

237. Шорин А. Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.

238. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

239. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала//Тр. ГИМ. 1940. Вып. 10.

240. Bockarev V. S., Leskov A. M. Jung und spätbronzezeitliche Gubformen in nordischen Schwarzmeergebiet//Prahistorische Bronzefunde. Munchen, 1980.

241. Tallgren A. M. Collection Zaounssallov an Musee historique de Finlande a-Helsingfors, 1. Helsinki, 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия
АЭБ	—	Археология и этнография Башкирии
БКМ	—	Башкирский краеведческий музей
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала
КА УрГУ	—	Кабинет археологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
ОНКАЭ	—	Отчеты Нижне-Камской археологической экспедиции
ОК(В)АЭ	—	Отчет Камской (Воткинской) археологической экспедиции
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СЭ	—	Советская этнография
ТИЭ	—	Труды Института этнографии
Тр. ГИМ	→	Труды Государственного исторического музея
УАС	—	Уральское археологическое совещание
		Учен. зап. Перм. ун-та — Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького

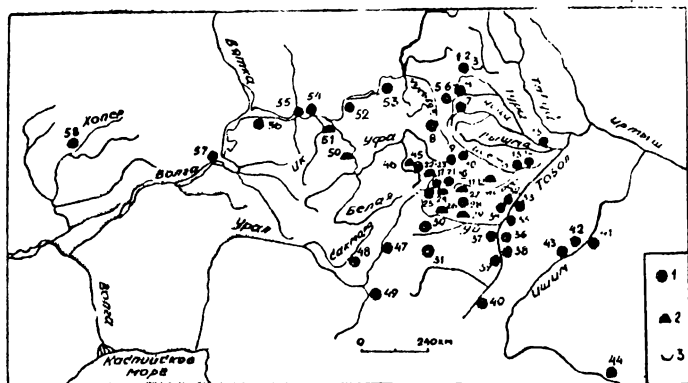

Рис. 1. Карта распространения основных памятников черкаскульской культуры: 1 — поселения и стоянки; 2 — могильники; 3 — отдельное захоронение; поселения и стоянки: 1—2 — Кокшарово I, Юрьино IV; 4 — Балакино I; 5—6 — Береговая I, 6-й разрез Горбуновского торфяника; 7 — Шайдуриха I; 8 — Бойцы II; 9 — Черкаскуль II; 10 — Березовское; 13 — Замаевское; 14 — Сухрино III; 15 — Жеряково; 16 — Черняки II; 17—21 — Березки V, X, Перевозный I, Б. Липовый I, Сигаево III; 25 — Липовая Курья; 28 — Коркино I; 30 — Дружный I; 31 — Мирный II; 32 — Язево I; 33 — Камышиное II; 34 — Язево III; 35 — Алабуга I (хутор Андроник); 36 — Конезавод III; 37 — Загаринское; 38 — Алексеевское; 39 — Садчиковское; 40 — Шукубай II; 41 — Бишкуль IV; 42 — Яленка I; 43 — Петровка II; 44 — Островное I; 45 — Юкаликулево; 47 — Кизильское; 48 — Таалыкаево I; 49 — Байту; 52 — Симонихинское I; 53 — Заосиновское VII; 54 — Луговское I; 55 — Сулканское; 56 — Кузькинская I; 57 — Комаровское; 58 — Раздольное; могильники: 11—13 — Б. Караболка, Ново-Буринo; 22—23 — Березки V, Перевозный Ia; 24 — Туктубаево; 26 — Приплодный Лог I; 27 — Смолино; 29 — Кинзерово; 46 — Ахуново; 50 — Тартышево I; 51 — Татчелачук; отдельное захоронение: Кокшарово I

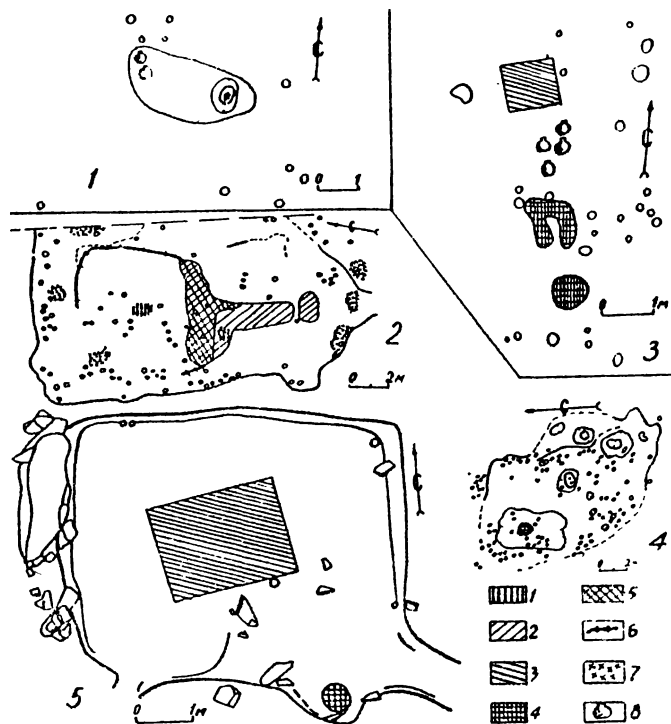

Рис. 2. Жилища черкаскульской и межовской культур Зауралья и Северного Казахстана: 1 — поселение М. Липовый IX; 2 — поселение Лужки; 3 — поселение Дружный I; 4 — поселение Явленка I; 5 — поселение Липовая Курья; 1 — кучка глины, 2 — углистый слой, 3 — современные перекопы, 4 — очаги, 5 — углистый прокаленный слой, 6 — канавки, 7 — скопления керамики, 8 — раздавленные сосуды

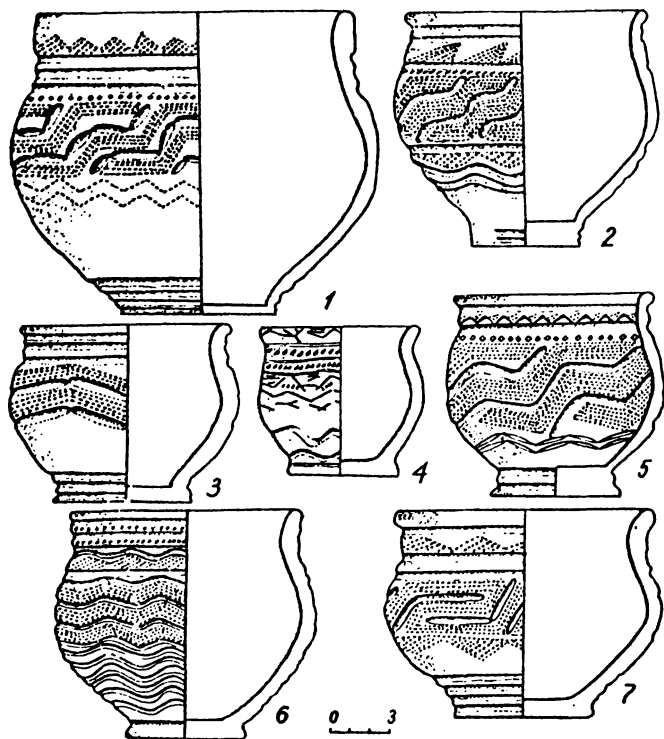

Рис. 3. Сосуды раннечеркаскульского типа. Могильник Березки Vг: 1 — оградка 25; 2 — погребение 12; 3 — оградка 26; 4, 7 — оградка 3; 5 — оградка 14; 6 — оградка 8

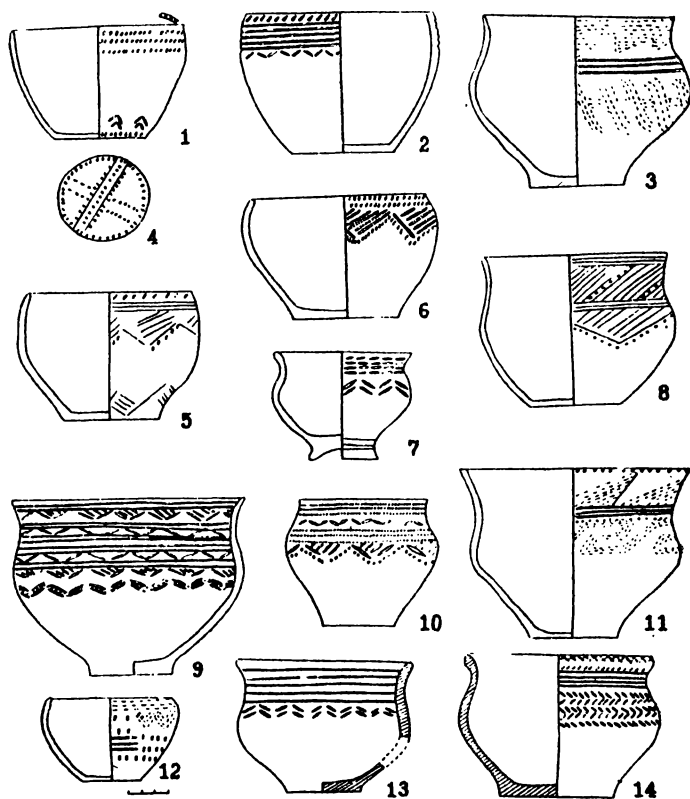

Рис. 4. Сосуды могильника Такталачук и Подгорно-Байларского могильника: 1—12 — могильник Такталачук; 13—14 — Подгорно-Байларский могильник

Рис. 5. Керамика черкаскульской культуры: 1—11 — керамика позднечеркаскульского типа поселения Черкаскуль II; 12—14 — керамика раннечеркаскульского типа поселения Коптяки V

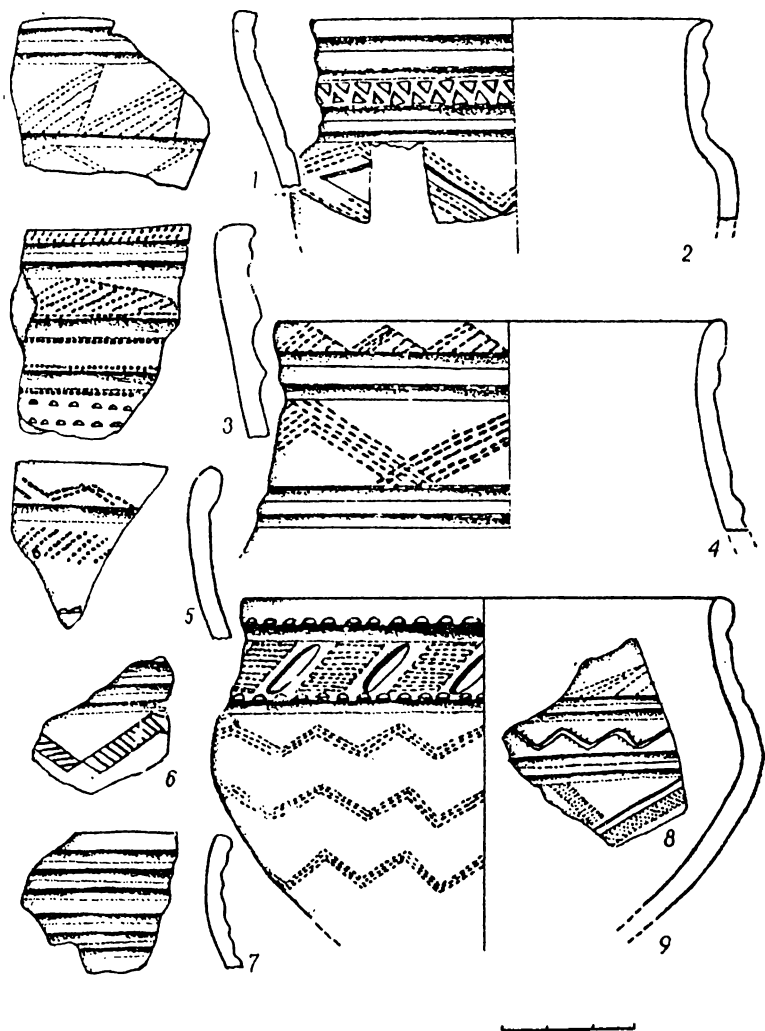

Рис. 6. Керамика позднечеркаскульского типа. Поселение Дружный I

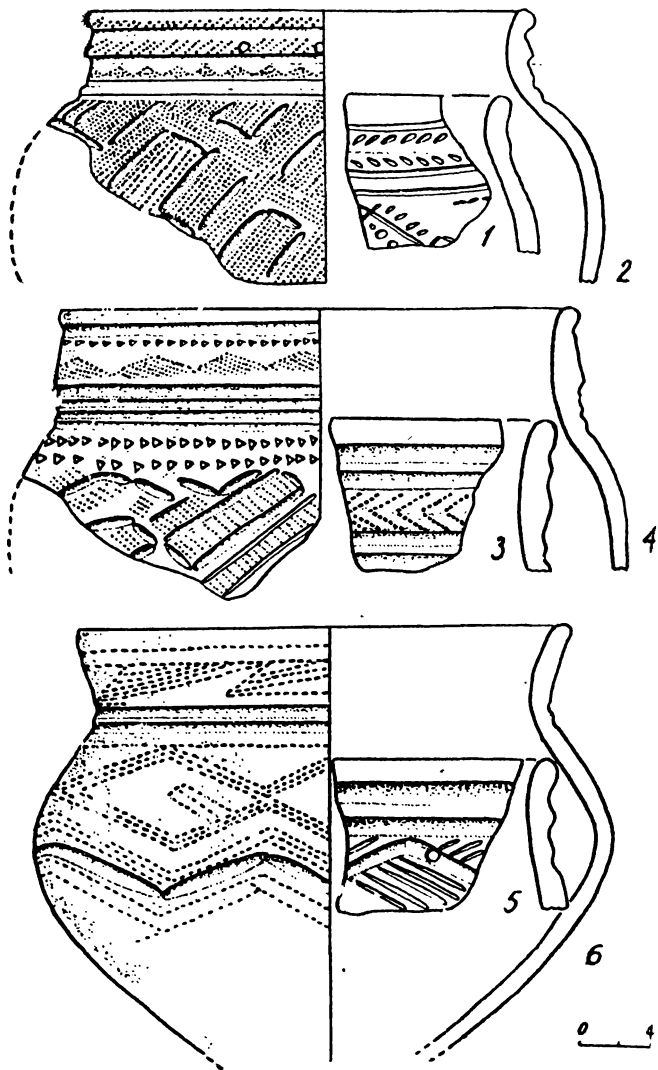

Рис. 7. Керамика позднечеркаскульского (1—5) и черкаскульского федоровского (6) типов. Поселение Коркино I

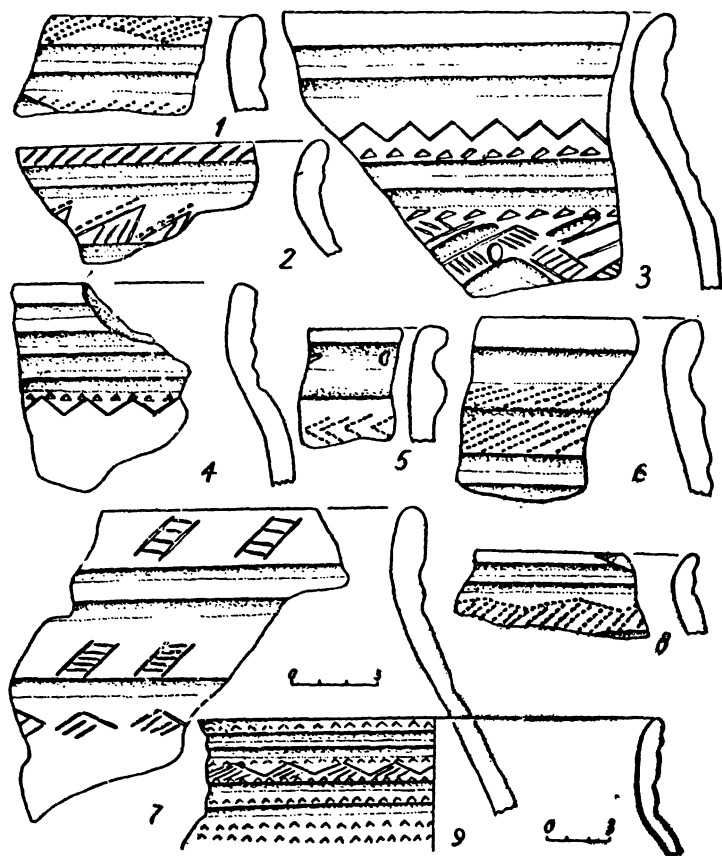

Рис. 8. Керамика позднечеркаскульского типа: 1, 2, 4—6, 8, 9 — поселение Мирный II; 3, 7 — поселение Коркино-1

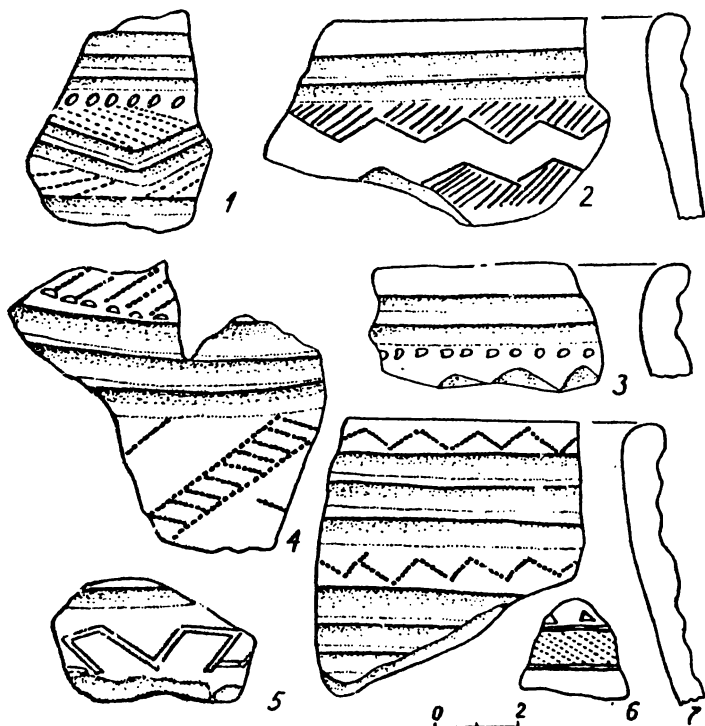

Рис. 9. Керамика позднечеркасского типа: 1 — местонахождение Тургож XXVII; 2 — поселение Бойцы II; 3 — местонахождение Касли V; 4 — местонахождение Бакла IV; 5—7 — поселение Карасье Озеро II

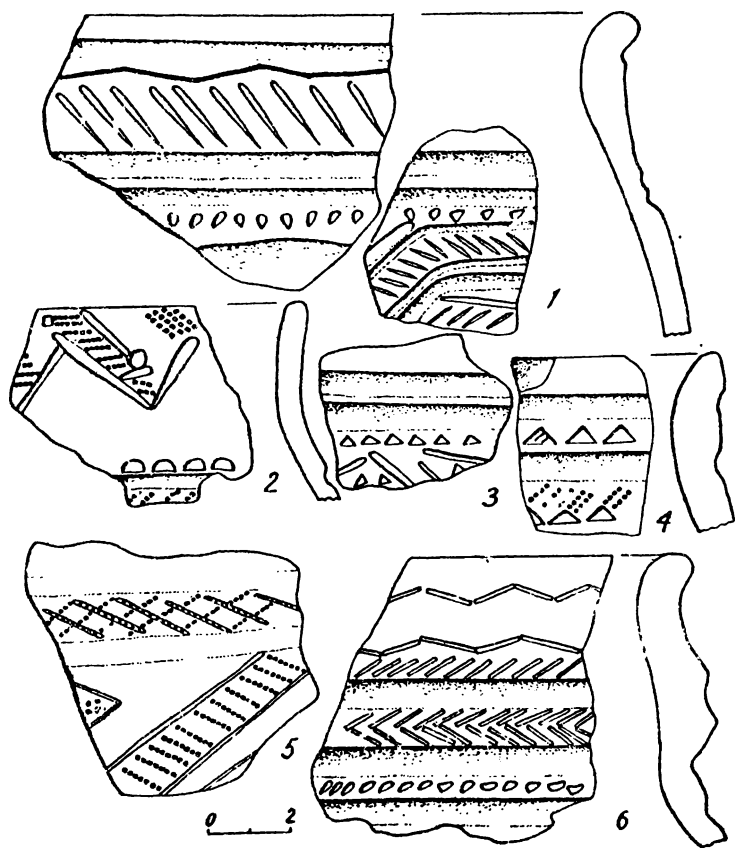

Рис. 10. Керамика позднечеркаскульского типа: 1, 4, 5 — поселение М. Липовый IX; 2 — поселение Кокшарово I; 3 — поселение Шайдуриха I; 6 — местонахождение Жеряково

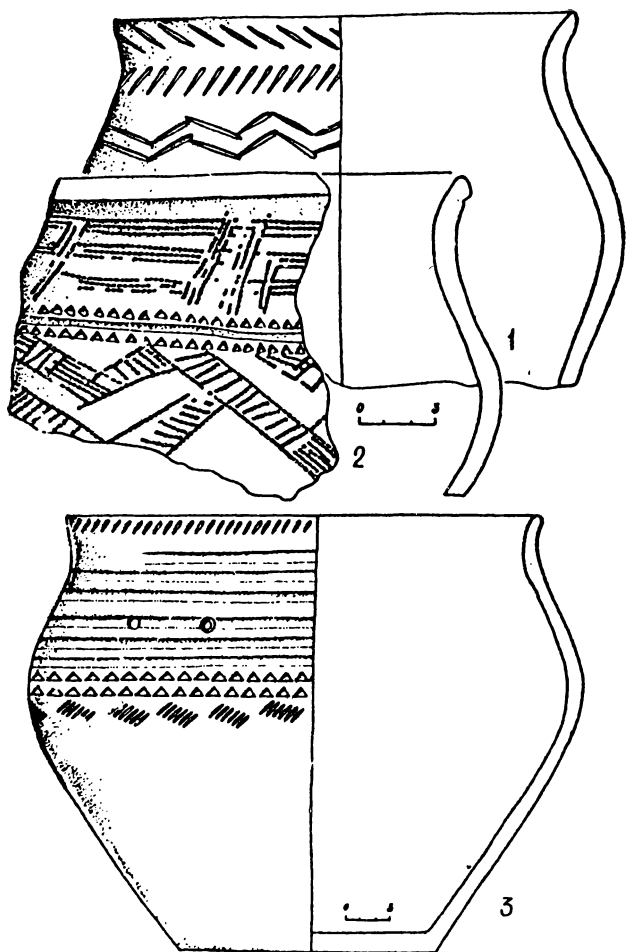

Рис. 11. Керамика позднечеркасского (2, 3) и межовского (1) типов. Поселение Алабуга I (хутор Андроник)

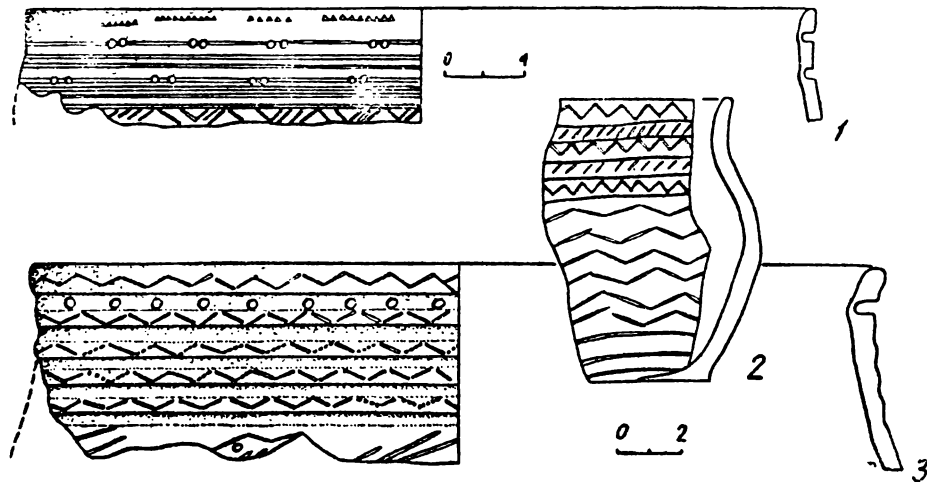

Рис. 12 Сосуды позднечеркаскульского типа. Поселение Кокшарово I

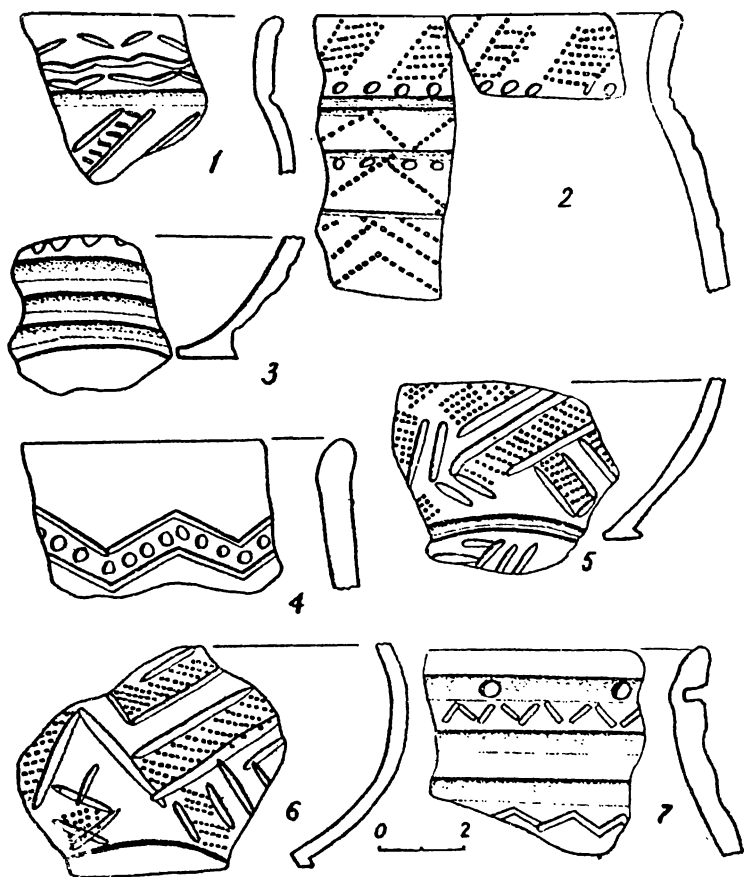

Рис. 13. Керамика позднечеркасульского типа. Поселение Кокшарово. I

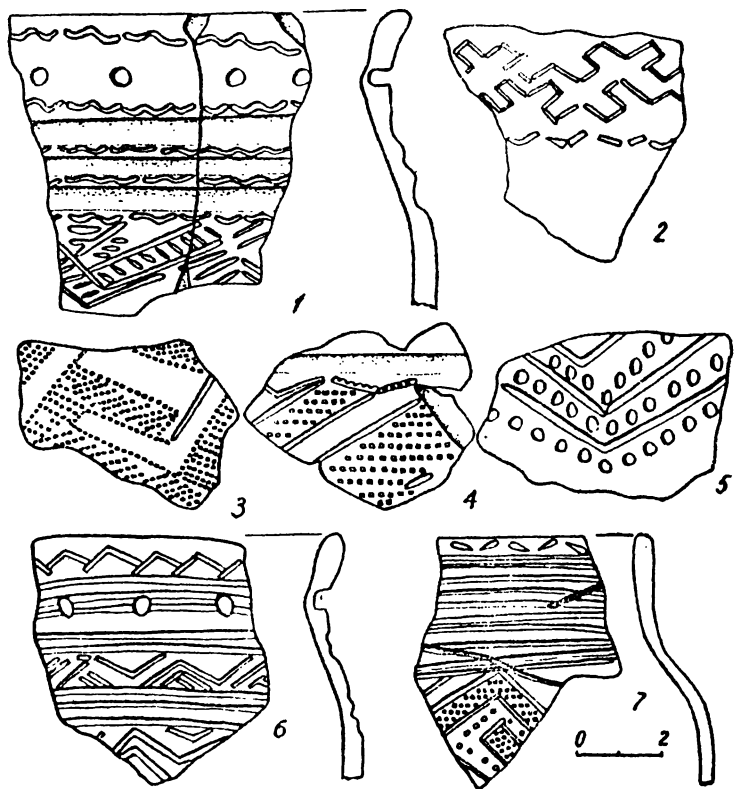

Рис. 14. Керамика позднечеркасульского типа. Поселение Кокшарово I

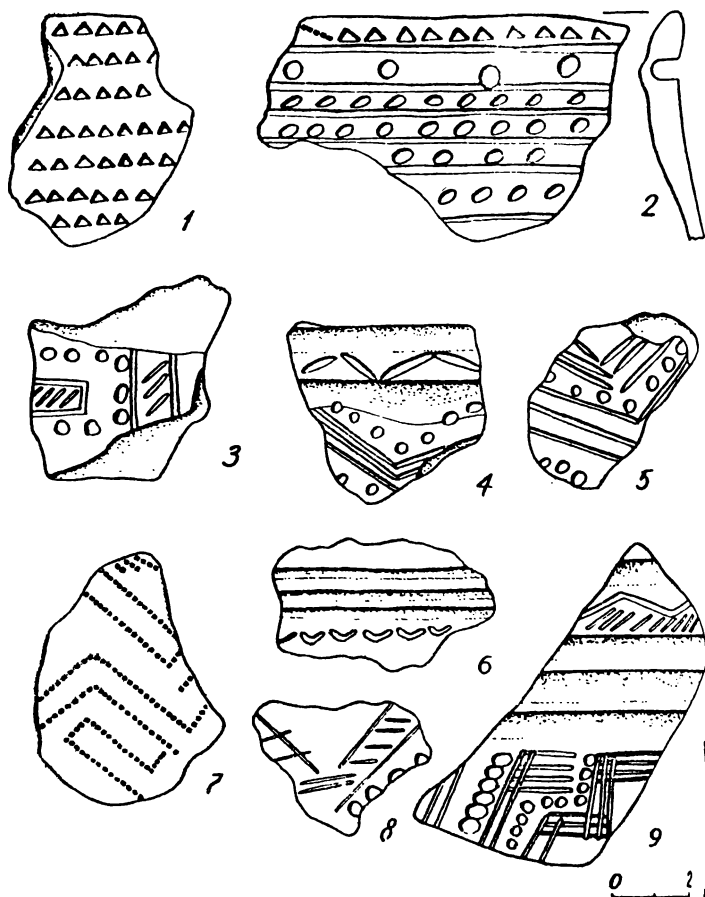

Рис. 15. Керамика позднечеркаскульского типа. Поселение Юрьино

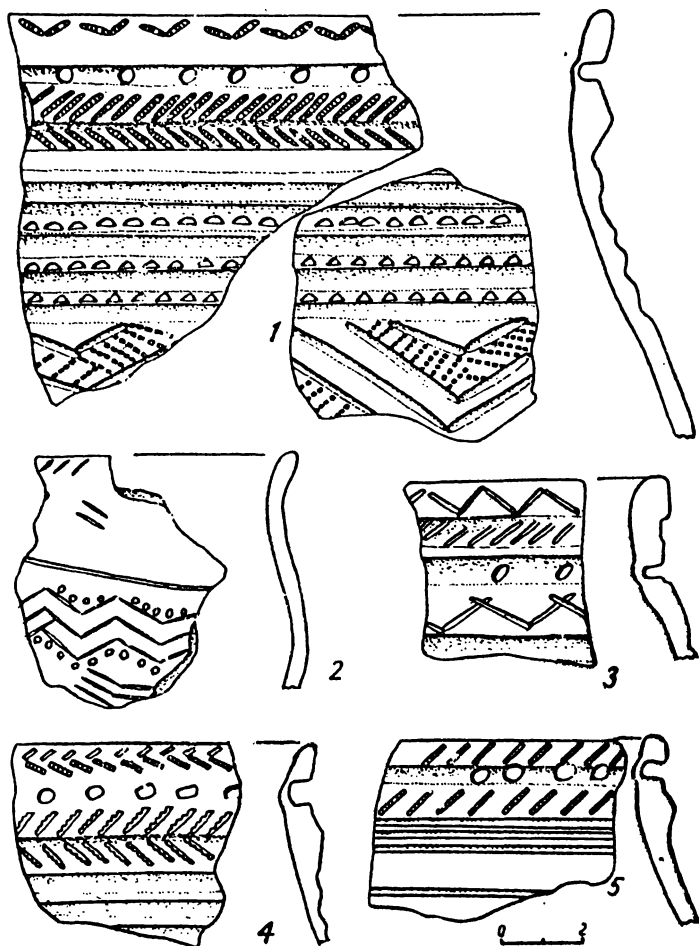

Рис. 16. Керамика позднечеркасского типа: 1, 3—5 — поселение Юрьино IV; 2 — Кокшаровско-Юрьинская стоянка

ЭЛЕМЕНТЫ Орнамент	БЕРЕЖИИ V		ПЕРВОЗ- НДЫ I		ЧЕРКАС- КУЛЬ II		БЕРЕЗОВ- СКОЕ		ДРУЖИНИ I		ЛИПОВЫЯ КУРЬЯ		КОКША- РОВО I	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
ИЗ ЛАПШ	267	421	120	124	30	384	42	322	51	336	65	371	34	214
МСАМАРЫ	66	10.4	42	14.9	2	2.6	19	14.6	16	10.4	16	9.2	15	9.6
	64	103	20	8.1	7	9.0	14	10.9	9	6.0	13	14	—	—
	8	1.3	1	0.3	—	—	—	—	—	—	1	0.6	—	—
	4	0.6	1	0.3	—	—	—	—	1	0.7	—	—	1	0.6
	13	2.1	5	1.6	—	—	3	2.2	—	—	—	—	—	—
	1	0.2	—	—	—	—	—	—	2	1.3	1	0.6	2	1.3
	3	0.5	1	0.3	—	—	1	0.8	4	2.6	1	0.6	3	2.4
	35	55	19	6.6	10	12.8	3	2.2	6	3.9	7	4.0	9	5.0
ТО МЕ НА ВАЛКЕ	1	0.2	—	—	—	—	—	—	2	1.3	—	—	—	—
ТО МЕ В НЕАВНО	—	—	1	0.3	—	—	2	1.6	—	—	—	—	—	—
	7	1.1	4	1.3	—	—	1	0.8	—	—	1	0.6	1	0.6
	3	0.5	3	1.1	1	1.3	—	—	1	0.7	—	—	—	—
ТО МЕ НА ВАЛКЕ	8	1.3	3	1.1	—	—	—	—	1	0.7	—	—	—	—
ВАЛКИ И ВОДОТЯЖИ	16	2.5	6	2.2	1	1.3	2	1.6	2	1.3	3	1.7	—	—
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ЗНАКИ	33	52	6	2.0	9	11.5	9	6.8	14	9.1	21	12.1	30	18.9
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ЛИНИИ	8	1.3	1	0.3	1	1.3	—	—	—	—	2	1.2	10	6.4
РОМБИЧЕСКАЯ СЕТКА	2	0.4	7	2.3	3	3.8	4	3.0	3	2.0	4	2.3	7	4.6
	26	4.1	14	4.1	9	11.5	18	13.9	19	12.5	34	18.6	3	2.4
	8	1.3	4	1.3	1	1.3	—	—	3	2.0	—	—	—	—
	21	32	13	4.7	—	—	8	6.2	7	4.6	—	—	5	3.2
	33	51	11	1.9	—	—	2	1.6	2	1.4	—	—	2	1.3
	5	0.8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	2	0.7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	1	1.3	—	—	3	2.0	2	1.2	—	—
СКОБКИ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	3.8
КОЛИЧЕСТВО ЛИНИЙ ПРОТАЯ ГИЗБЕНИ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1.3
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0.6	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0.6	—	—
СОО	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	15.4
САМОСТОЯ- ТЕЛЬНЫЕ	—	—	—	—	2	2.6	2	1.6	6	3.9	1	0.6	7	4.4
ИТОГО	624	100	204	100	13	100	130	100	152	100	174	100	156	100

Рис. 17. Элементы орнамента посуды черкаскульских поселений

ТЕХНИКА	БЕРЕЗКИ V		ПЕРЕВОЗ- НЫЙ I		БЕРЕЗОВ- СКОЕ		ДУЖ- НЫЙ I		ЧЕРКАС- КУЛЬ II		КОКША- РОВО I	
	КОР-ВО	%	КОР-ВО	%	КОР-ВО	%	КОР-ВО	%	КОР-ВО	%	КОР-ВО	%
ЖЕЛОБОК	269	38,1	120	37,9	42	32,8	51	33,0	30	38,4	34	21,4
ГРЕБЕНЧАТЫЙ ШТАМП	163	23,1	57	17,7	15	11,1	21	14,0	11	14,1	16	10,0
ГЛАДКИЙ ШТАМП	27	3,8	24	7,4	8	6,3	9	6,0	5	6,4	30	18,9
ВДАВЛЕНИЯ	74	10,5	44	13,6	25	19,4	29	19,2	12	15,4	10	6,3
НАСЕЧКИ	33	4,7	11	3,5	2	1,6	2	1,4	—	—	—	—
РЕЗНОЙ И ПРОЧЕРЧИ- ВАНИЕ	19	2,7	13	4,0	11	8,6	5	3,4	14	17,9	21	13,2
ВАЯК (ВОРОТНИ- ЧОК)	25	3,6	9	2,8	2	1,6	6	4,1	2	2,6	—	—
ЖЕЛОБОК И ГРЕБЕНКА	68	9,7	34	10,6	3	2,3	21	14,0	2	2,6	5	3,2
ЖЕЛОБОК И РЕЗНАЯ	6	0,9	2	0,6	13	10,1	4	2,7	1	1,3	—	—
ЖЕЛОБОК И ВДАВЛЕНИЯ	1	0,1	—	—	—	—	1	0,7	—	—	—	—
ПРОЧЕРЧИВАНИЕ И ВДАВЛЕНИЯ	6	0,9	—	—	2	1,6	—	—	—	—	7	4,4
ПРОЧЕРЧИВАНИЕ И ГРЕБЕНКА	6	0,9	5	1,6	2	1,6	—	—	—	—	5	3,2
ГРЕБЕНКА И ВДАВЛЕНИЯ	7	1,0	1	0,3	1	0,8	—	—	1	1,3	—	—
ЖЕЛОБОК, ГЛАДКИЙ ШТАМП, ВДАВЛЕНИЯ	—	—	—	—	1	0,8	—	—	—	—	—	—
ПРОЧЕРЧИВАНИЕ И ГЛАДКИЙ ШТАМП	—	—	—	—	1	0,8	—	—	—	—	2	1,2
ЖЕЛОБОК И ГЛАД- КИЙ ШТАМП	—	—	—	—	—	—	1	0,7	—	—	—	—
ГРЕБЕНКА УГЛОМ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,6
ГЛУБОКИЕ ЯМКИ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	15,8
ПРОТАЩЕННАЯ ГРЕБЕНКА	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,2
ГРЕБЕНКА, ПРОЧЕРЧИ- ВАНИЕ, ВДАВЛЕНИЯ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,6
ИТОГО	704	100	320	100	128	100	150	100	78	100	159	100

Рис. 18. Техника орнаментации посуды черкаскульских поселений

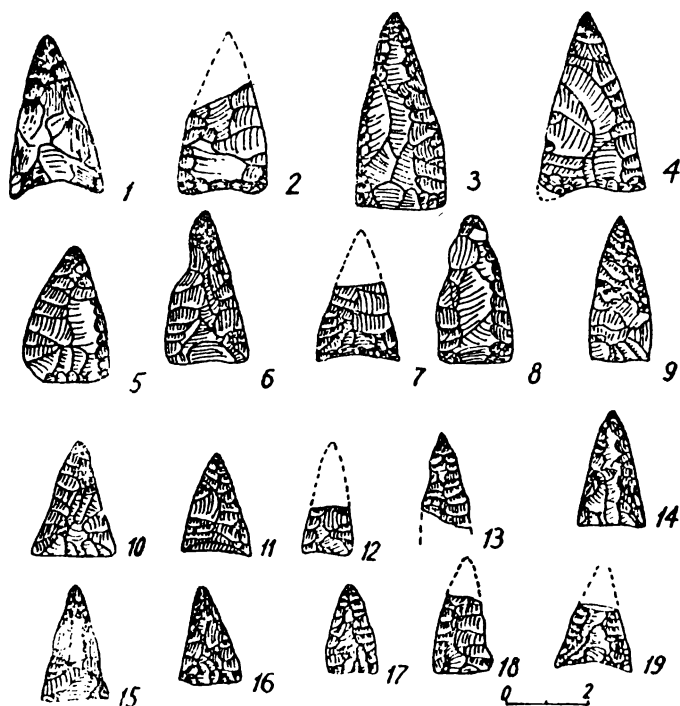

Рис. 19. Каменные наконечники стрел: 1 — поселение Шайду-
риха I; 2, 16—19 — поселение Юрьино IV; 3, 6, 8, 13, 15 —
Горбуновский торфяник; 4, 5, 7, 10—12 — поселение
Балакино I; 9 — поселение М. Липовый II; 14 — поселение
Перевозный I

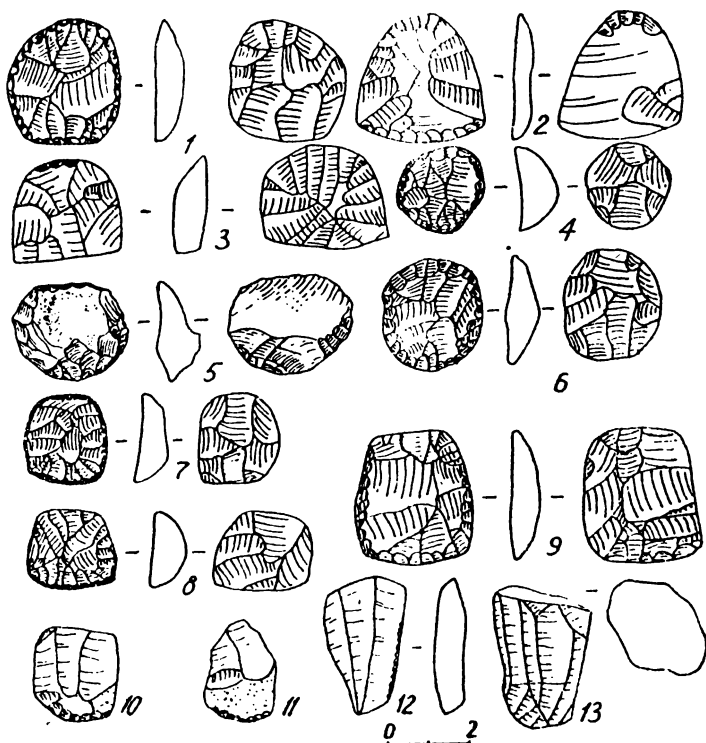

Рис. 20. Скребки балакинского типа (1—9) и другие категории кремневого инвентаря (10—13): 1—3, 6—13 — поселение Балакино-1; 4 — Горбуновский торфяник; 5 — поселение Шайдуриха I

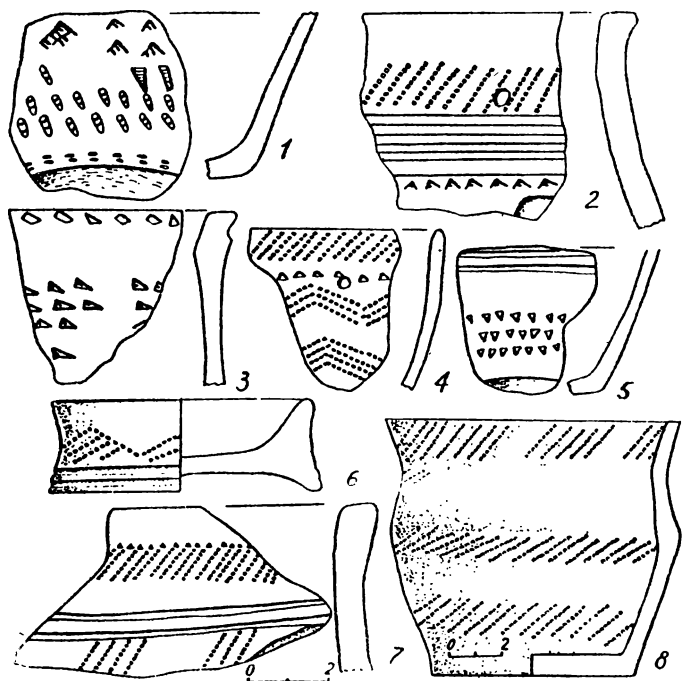

Рис. 21. Керамика коптяковского типа: 1—7 — поселение Коптяки V;
8 — могильник Березки Ve

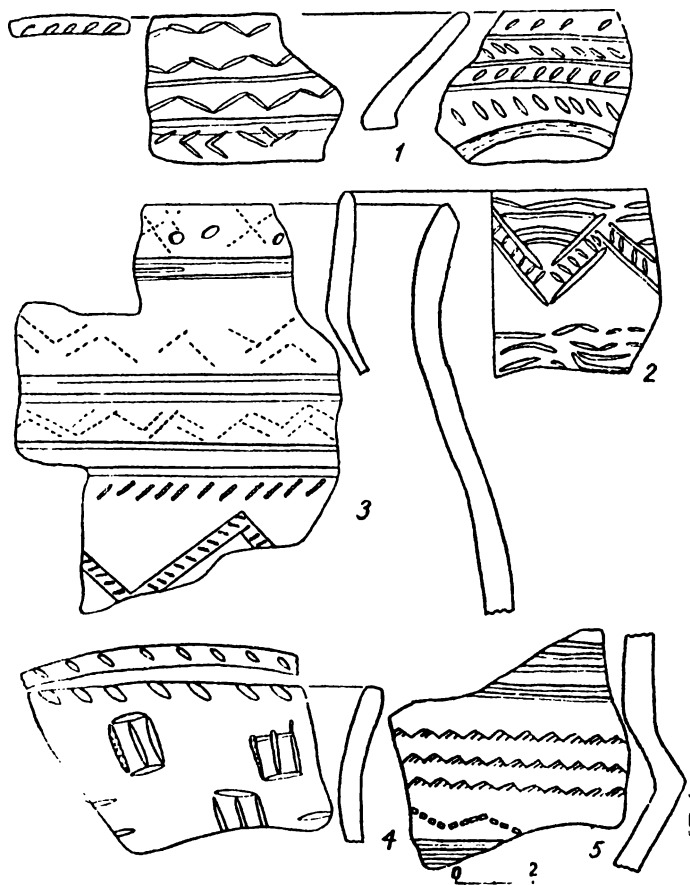

Рис. 22. Керамика коптяковского типа: 1—4 — поселение Кокша-
рово I; 5 — поселение Юрьино IV

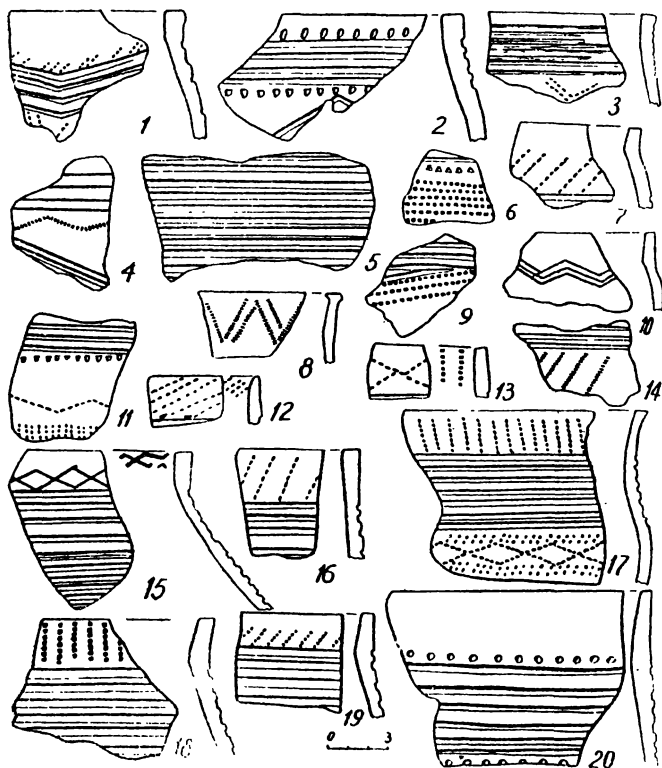

Рис. 23. Керамика с абашонными чертами: 1—17 — поселение Березки I; 18—20 — поселение Березки V

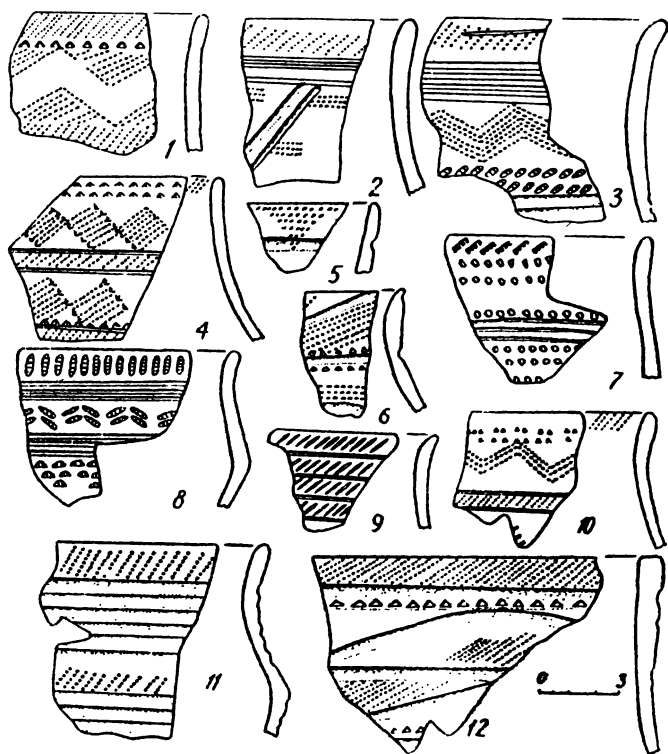

Рис. 24. Керамика нерасчлененного типа. Поселение Коптев V

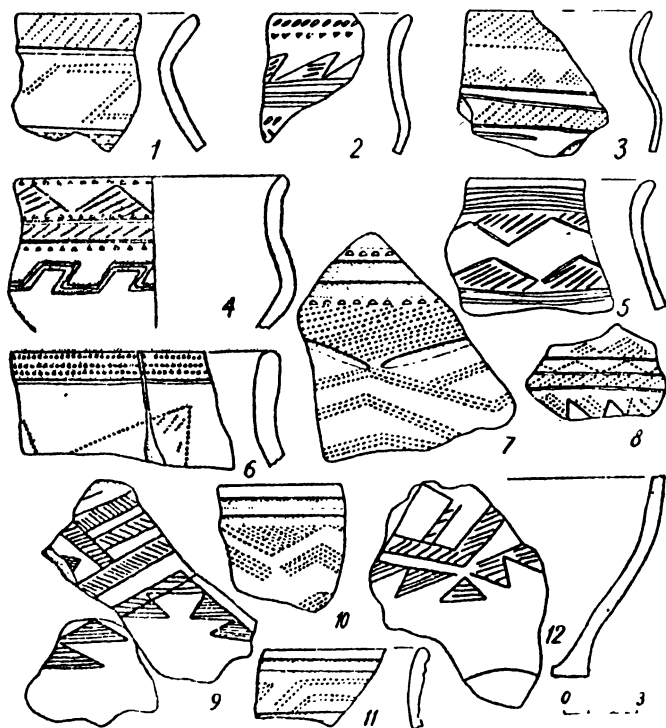

Рис. 25. Керамика нерасчлененного типа. Поселение Коптяки V

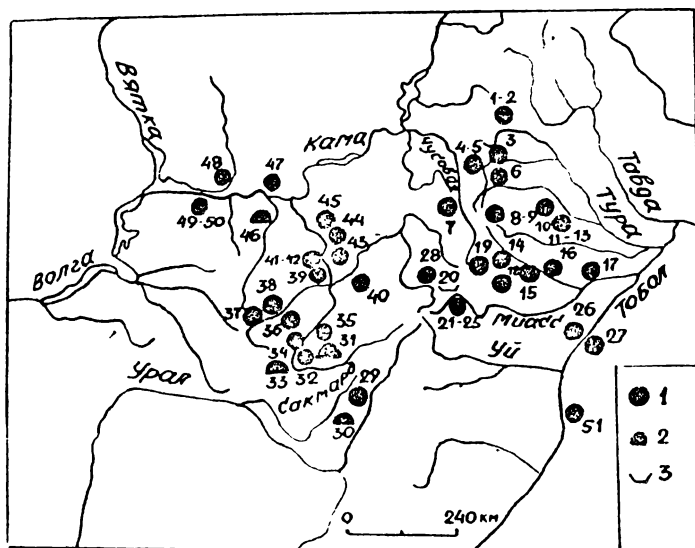

Рис. 26. Карта распространения основных памятников межевской культуры: 1 — поселения и стоянки; 2 — могильники; 3 — отдельное захоронение; поселения и стоянки: 1—2 — Кокшарово I, Юрьино IV; 3 — Балакино I; 4—5 — Береговая I, 6-й разрез Горбуновского торфяника; 7 — Бойцы II; 8—9 — Коптяки I, II; 10 — Мокино; 11—13 — Булановское, Кочнево I, Ирбитское; 14 — Березовское; 15 — Межевское; 16 — Лужки; 17 — Замараевское; 18 — Багаряк VI; 19 — Черкаскуль II; 21—25 — Березки V, Перевозный I, М. Липовый IX, Усть-Миасское IV, Сигаево III; 26 — Язевое I; 27 — Камышное II; 28 — Югаликулево; 29 — Бекешевское; 32 — Тюбяк; 34 — Нижний Тюкун; 35 — Инзелга; 36 — Казангуловское I; 37 — Жуковская; 38 — Давлекановское; 39 — Кумлекуль; 40 — Илматевская пещера; 41—42 — Ахметовская I, II; 43 — Дуванейское; 44 — Бирское; 45 — Старо-Кабановская II; 47 — Быргындинское; 48 — Икская I; 49—50 — Кузькинская I, VII; 51 — Алексеевское; могильники: 30 — Мамбетовский; 31 — Красногогорский I; 33 — Юрматинский; 46 — Подгорно-Байларский; отдельное захоронение: 20 — Березки V6

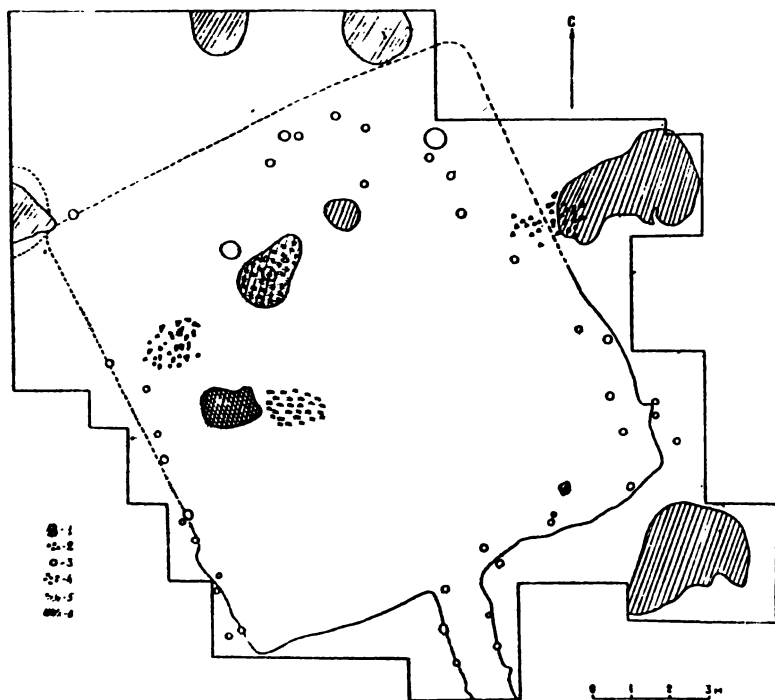

Рис. 27. План жилища поселения Кумлекуль (по К. В. Сальникову)

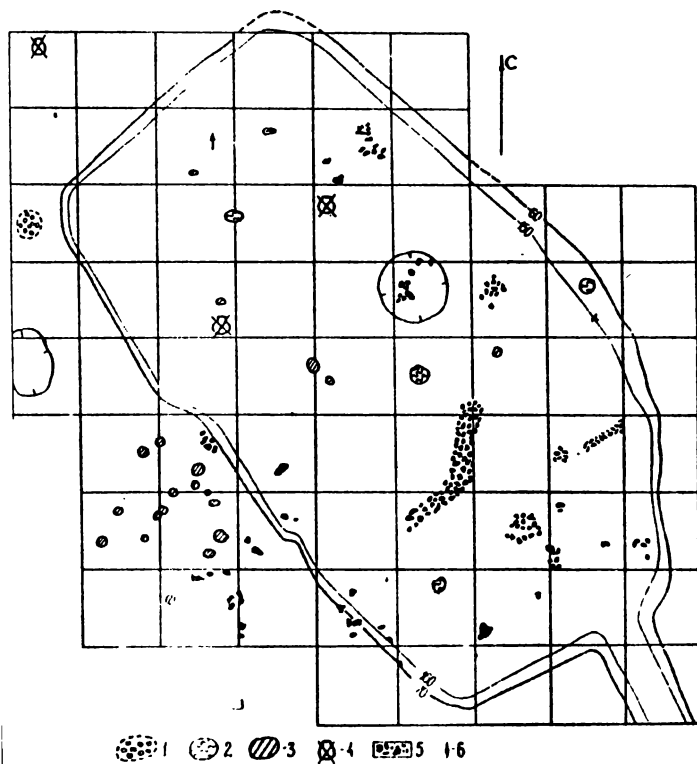

Рис. 28. План жилища 2 поселения Тюбюк

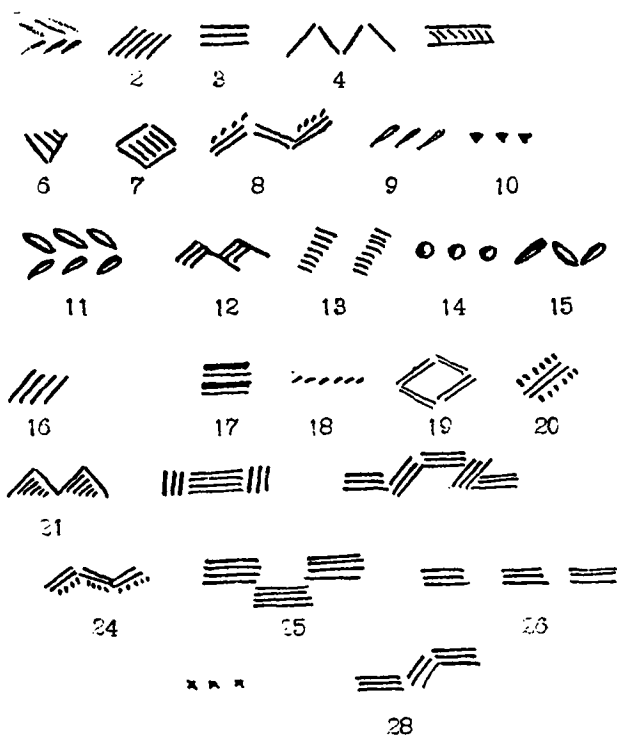

Рис. 29. Основные элементы орнамента посуды межовской культуры

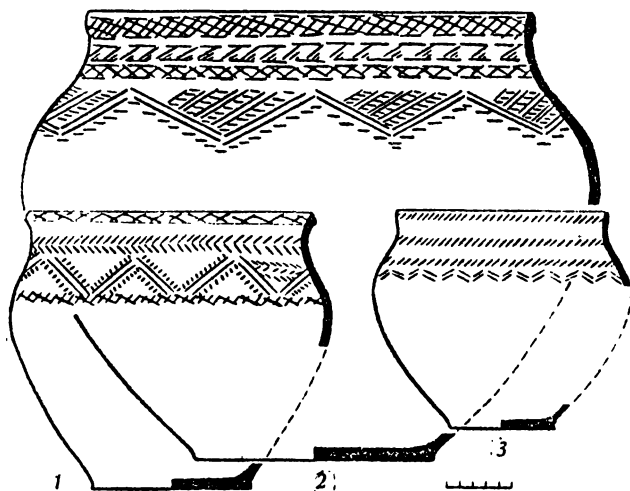

Рис. 30. Керамика межовского типа. Красногор-
ский I могильник

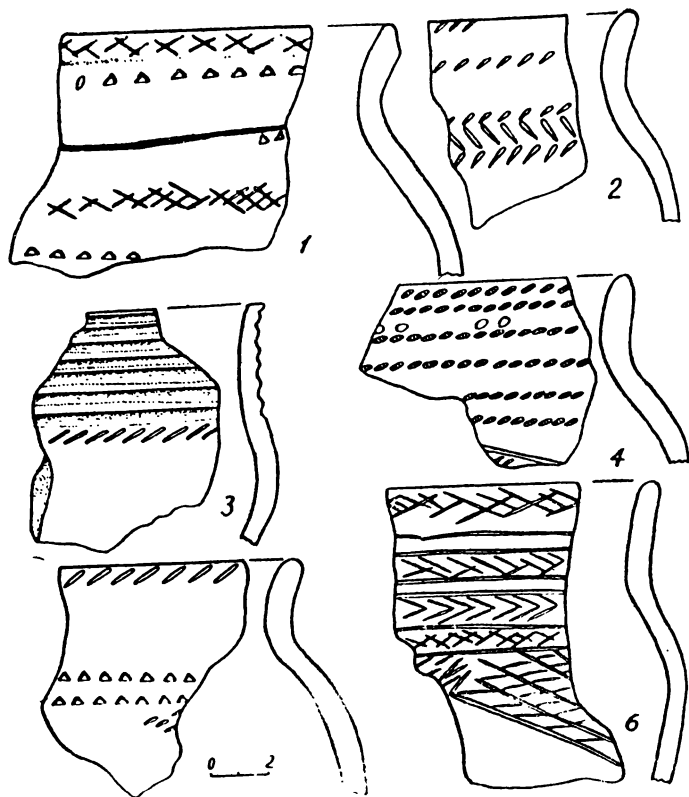

Рис. 31. Керамика межовского типа. Поселение Черкаскуль II

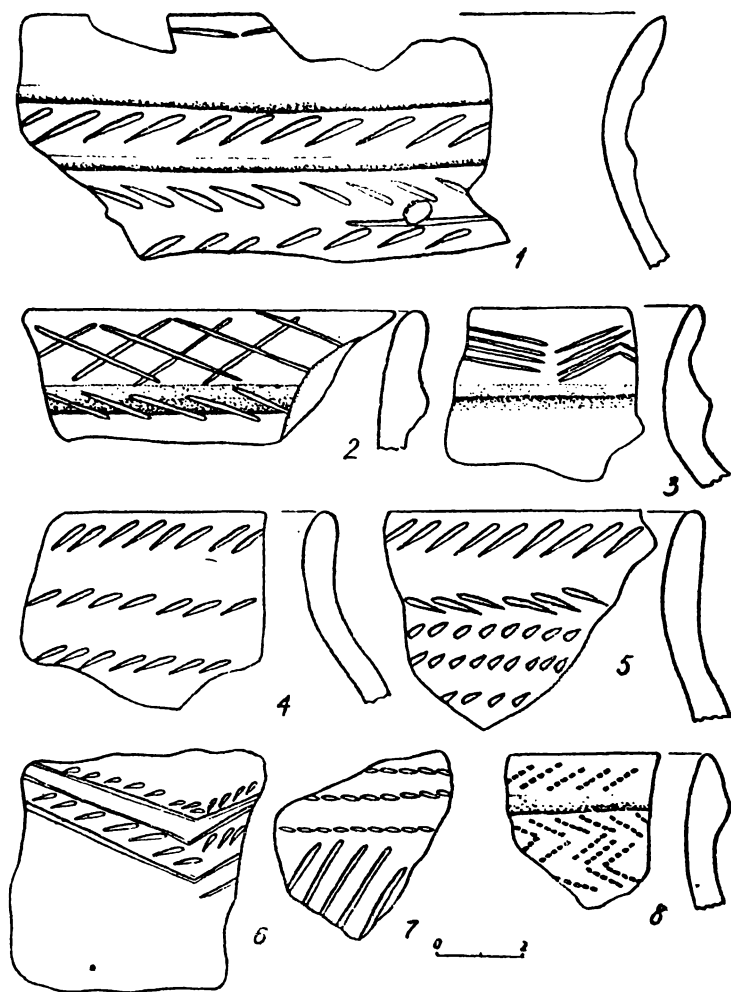

Рис. 32. Керамика межовского типа. Поселение Черкаскуль II

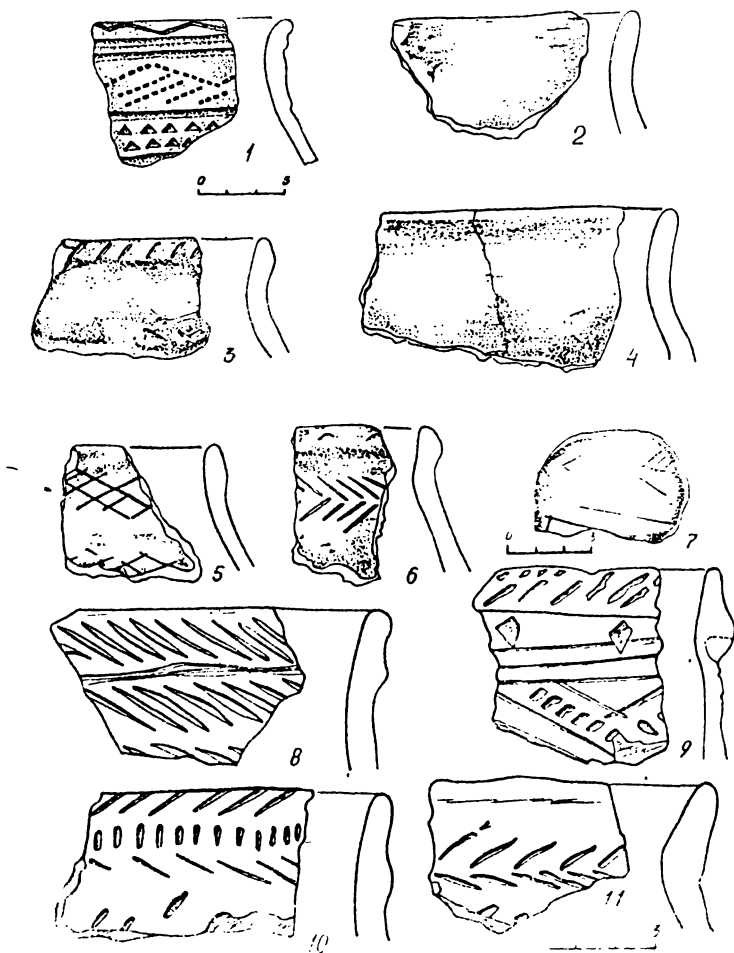

Рис. 33. Керамика межовского типа: 1—7 — Игнатьевская пещера; 8—11 — поселение Багарях VI

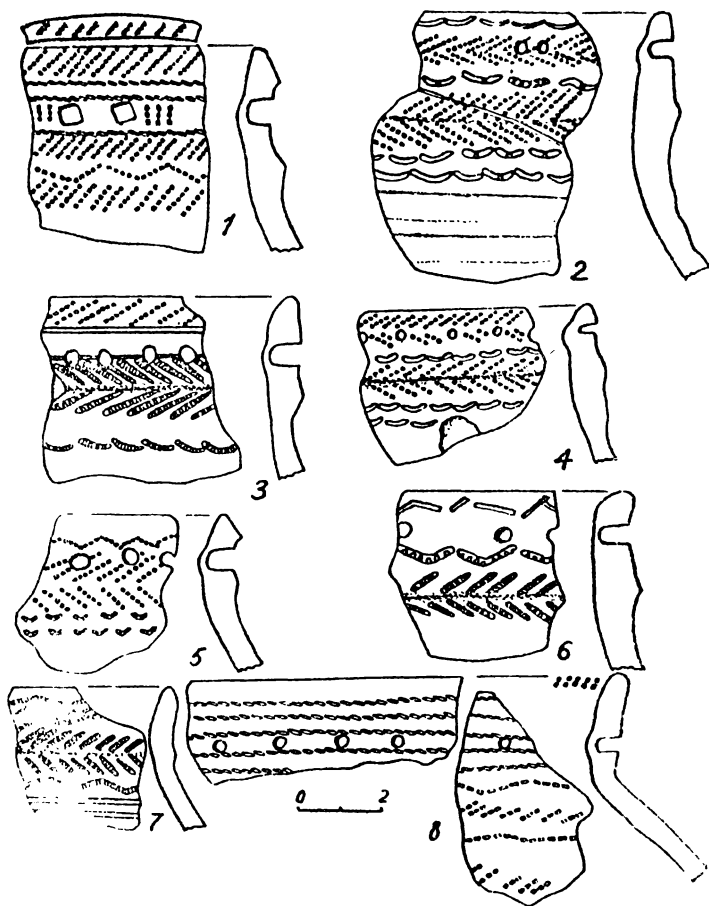

Рис. 34. Керамика межовского типа. Кокшаровский локальный вариант: 1, 3, 5, 7 — поселение Юрьино IV; 2, 4, 6 — поселение Кокшарово I; 8 — Кокшаровско-Юрьинская стоянка

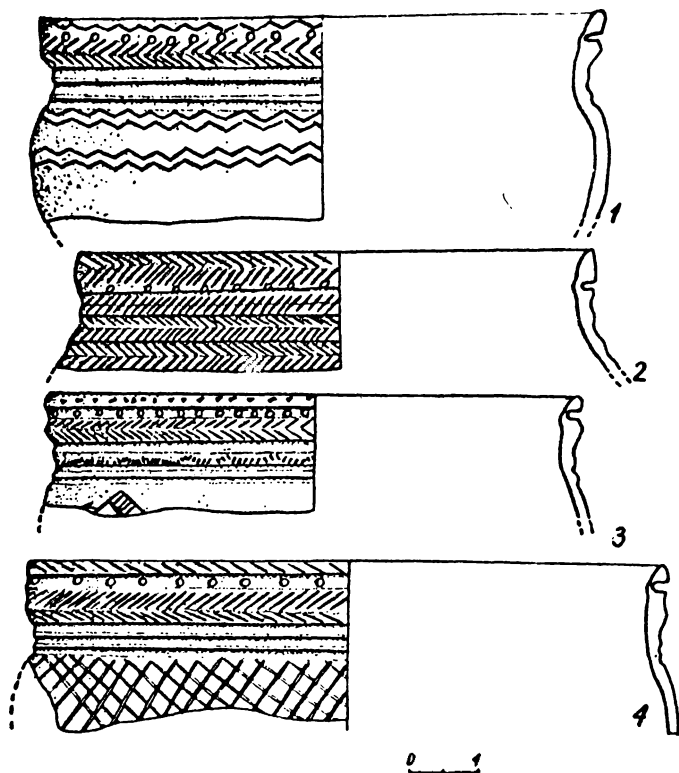

Рис. 35. Сосуды межовского типа. Поселение Кокшарово I

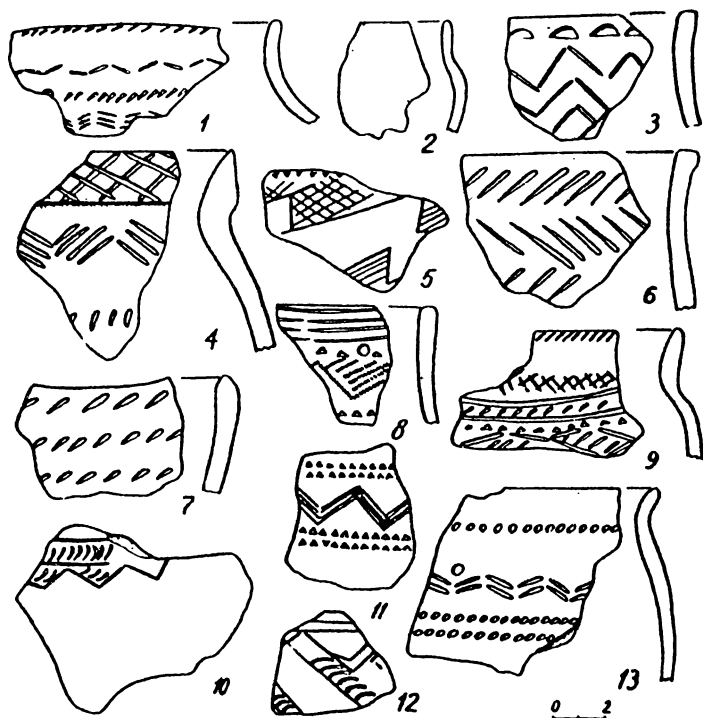

Рис. 36. Керамика межовского (4, 6, 7, 9, 13) и березовского (1, 3, 5, 8, 10—12) типов: 1—3, 5, 8, 10—12 — Березовское поселение; 4, 6, 7, 9 — поселение Черкаскуль II; 13 — могильник Березки Vg, оградка 20

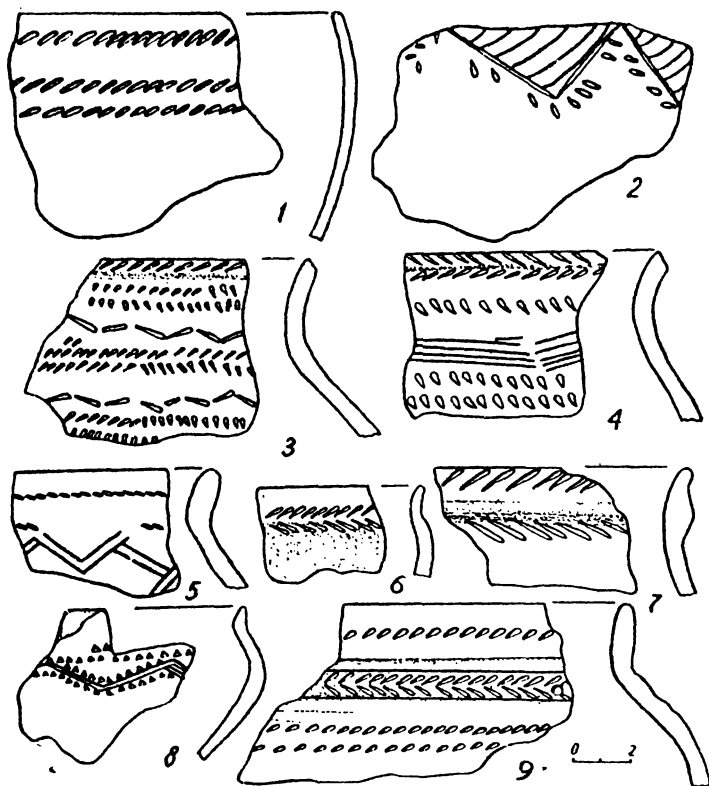

Рис. 37. Керамика березовского типа. Березовское поселение

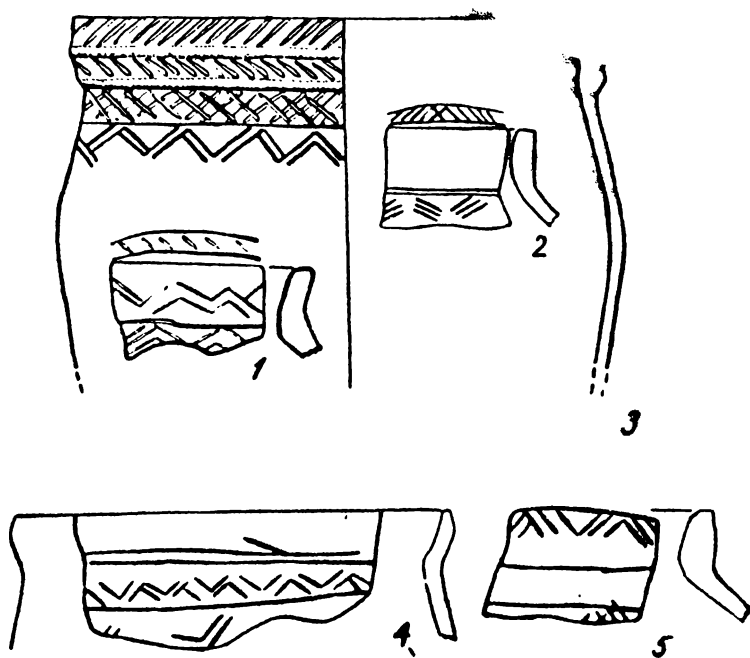

Рис. 38. Керамика межовского типа: 1 — поселение Перевозный III; 2 — поселение Березки V; 3—5 — поселение Аргазь XIII

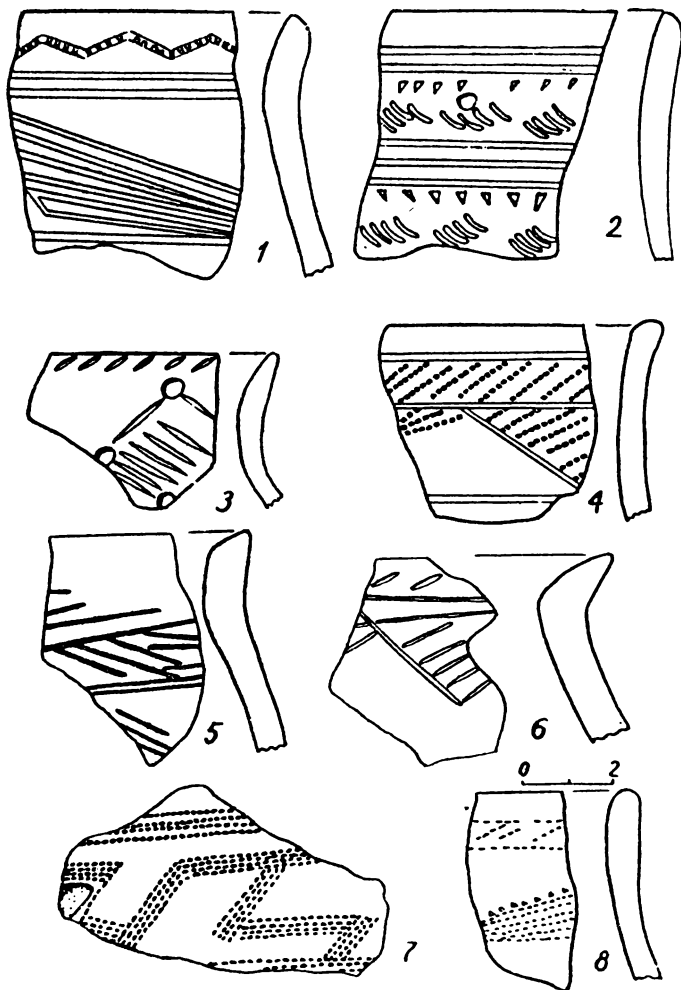
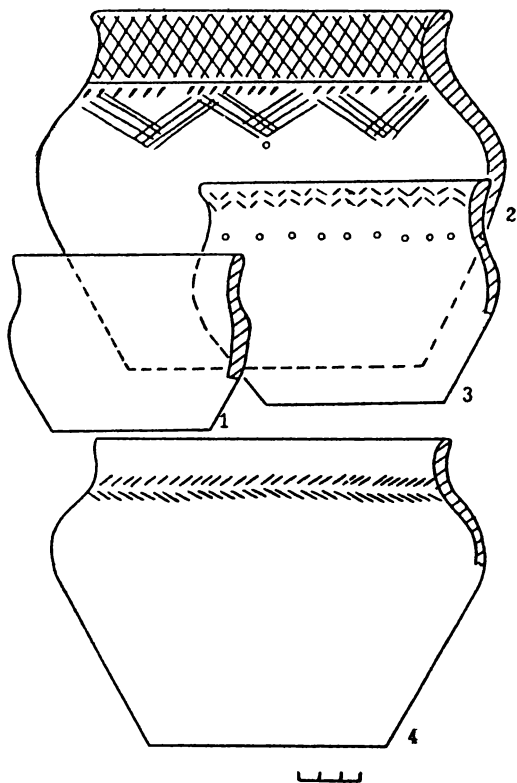

Рис. 39. Позднебронзовая (1—4), саргаринская (5, 6) и федоровская (7, 8) керамика с некоторых поселений Зауралья: 1—4 — поселение Б. Аллаки; 5, 6 — поселение М. Липовый IX; 7, 8 — Березовское поселение

**Рис. 40. Керамика межовского типа. Максютовская II
стоянка**

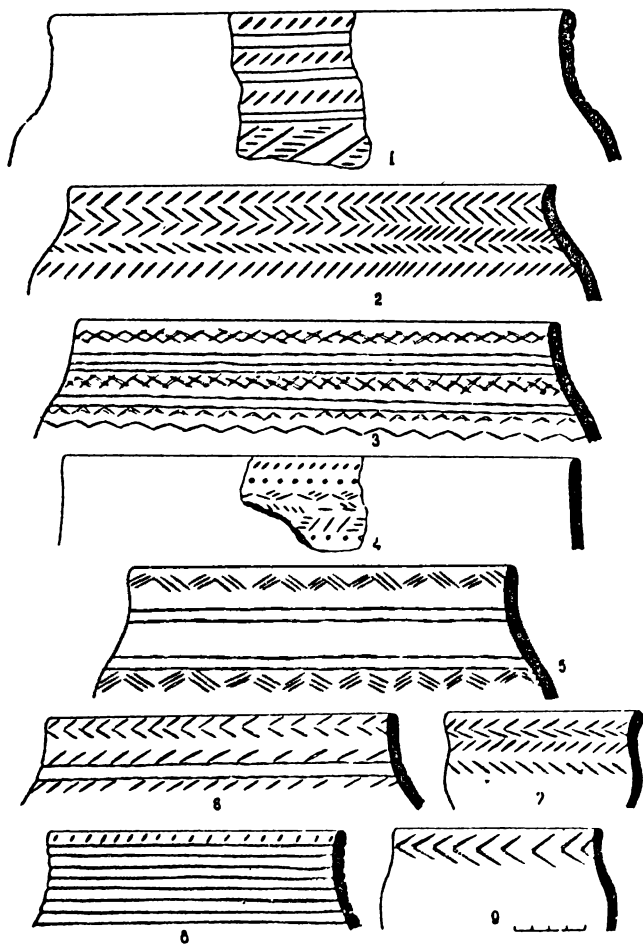

Рис. 41. Керамика межовского типа. Затонская II
стоянка

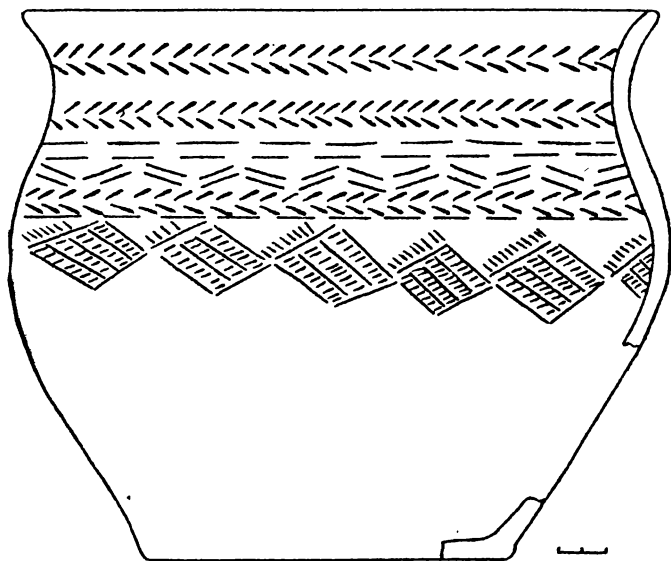

Рис. 42. Сосуд межовского типа. Балтачевская стоянка

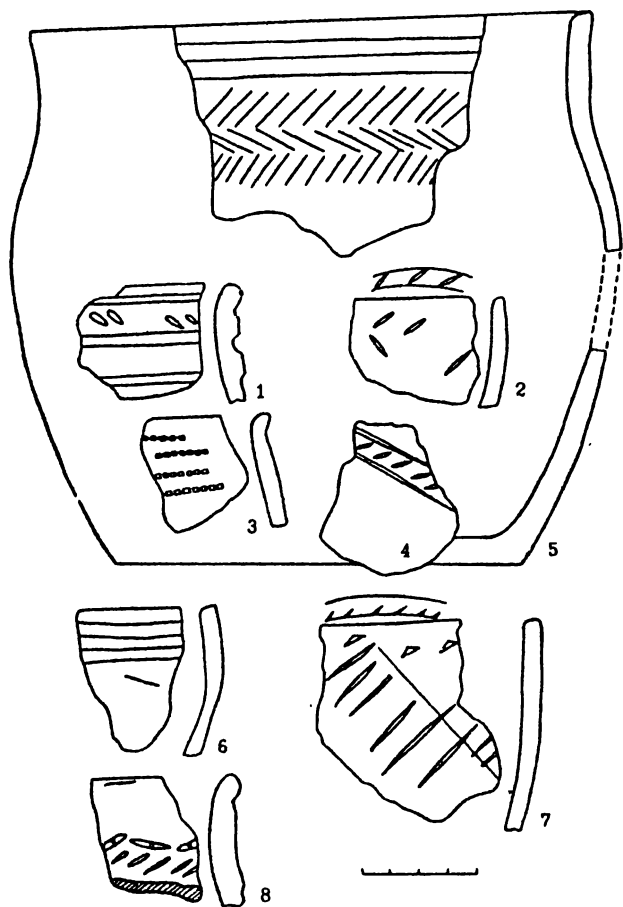

Рис. 43. Керамика межовского типа. Старо-Ногаевское II поселение

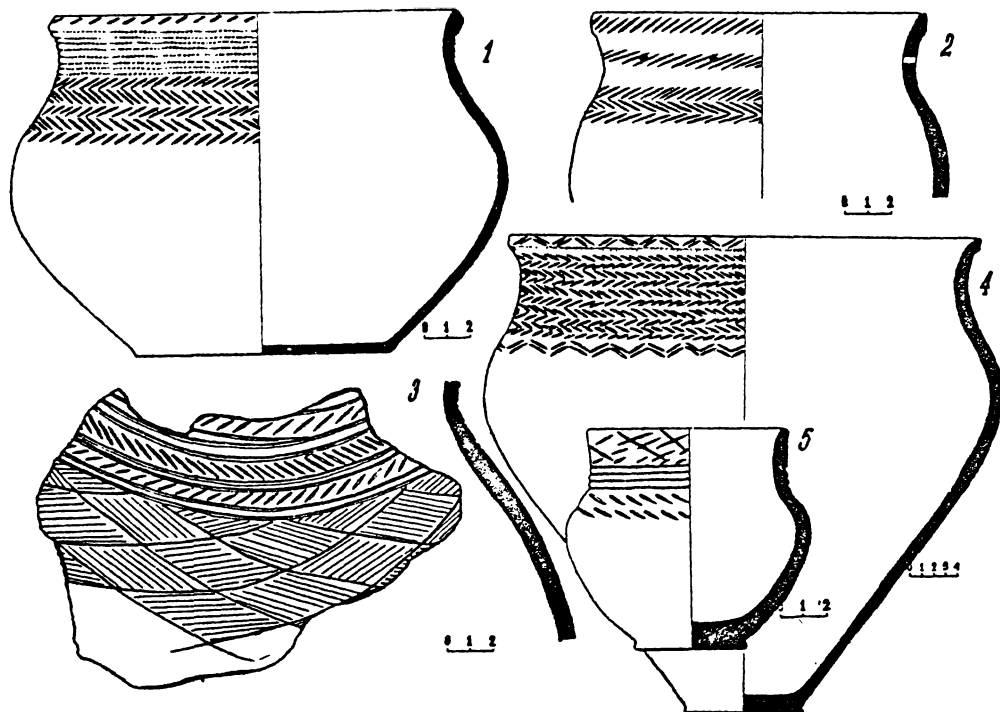

Рис. 44. Керамика межевского типа. Ново-Кизгановская II стоянка

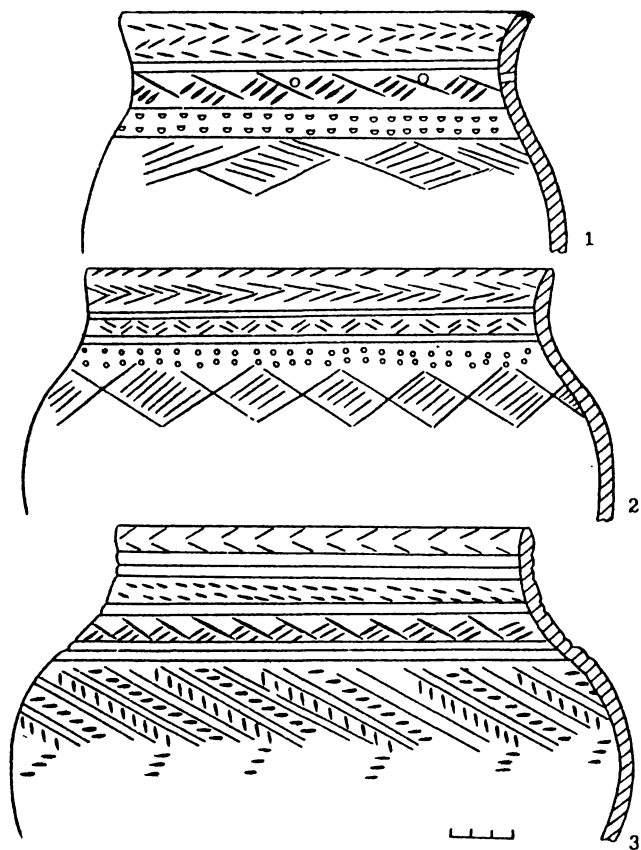

Рис. 45. Керамика межовского типа. Казангуловское Нижнее поселение

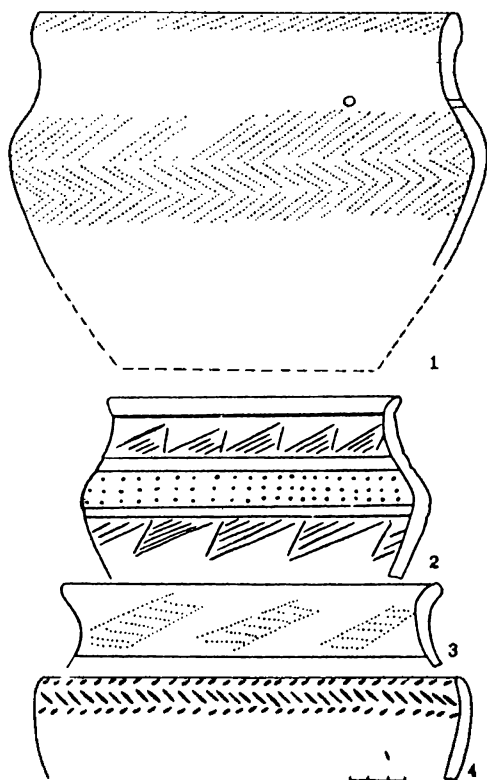

Рис. 46. Керамика межовского типа.
Сасыкульская стоянка

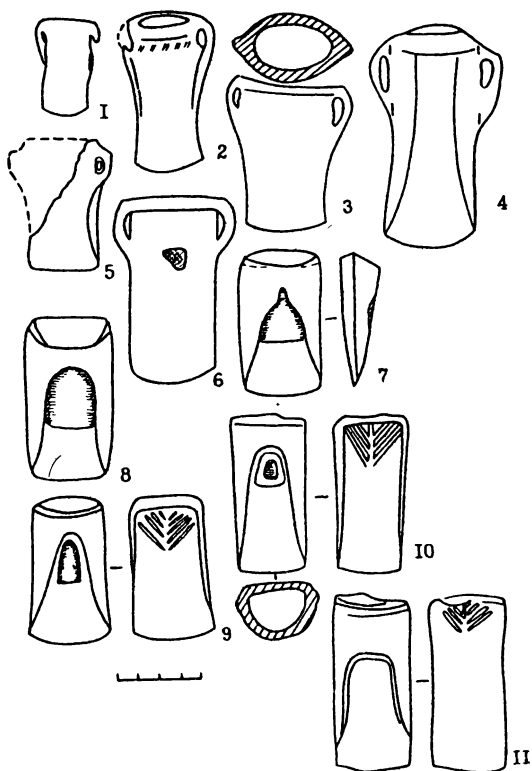

Рис. 47. Бронзовые кельты: 1 — городище Грохань; 2 — гора Петер-Тау; 3 — д. Сауз; 4 — д. Рысаево; 5 — поселение Усть-Бельское; 6 — Екатеринбургский историко-краеведческий музей; 7 — поселение Чесноковская Пашня; 8 — случ. нах. у р. Канащ; 9 — с. Китайское; 10 — с. Сулак; 11 — гора Нарис-Тау

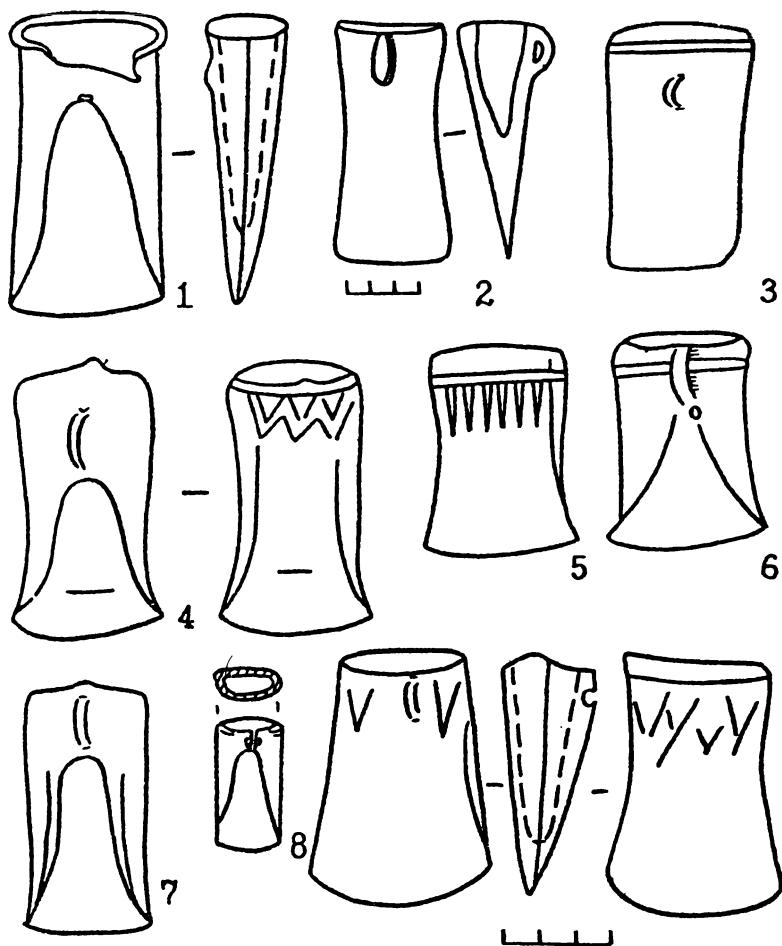

Рис. 48. Бронзовые кельты: 1 — поселение Юрак-Тау IV; 2 — поселение Забойное I; 3 — городище Гроханы; 4 — поселение Долговское; 5 — с. Кочневское; 6 — Екатеринбургский историко-краеведческий музей; 7 — стоянка Крутобереговая; 8 — гора Карауловская; 9 — д. Сауа

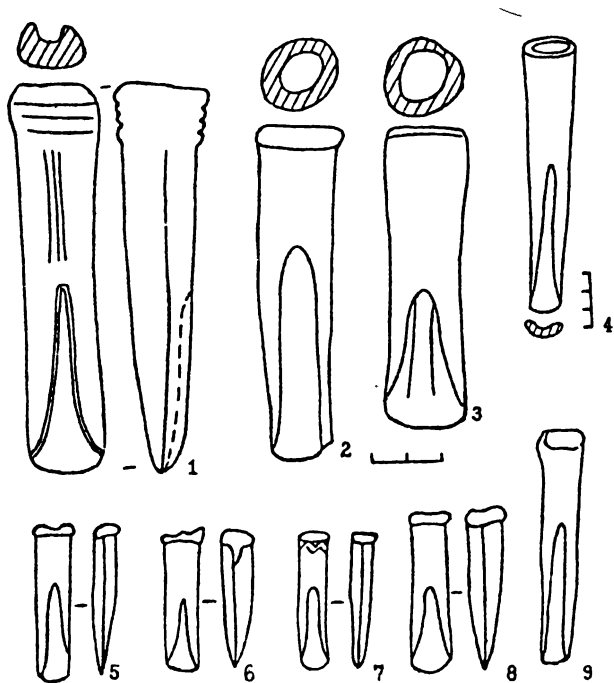

Рис. 49. Бронзовые долота: 1 — Дербедневский клад; 2 — поселение Черемуховый Куст; 3 — поселение Степное II; 4 — поселение Камышное II; 5 — поселение Луговское II; 6—7 — поселение Ананьинское; 8 — с. Ново-Мордово; 9 — Сосново-Мазинский клад

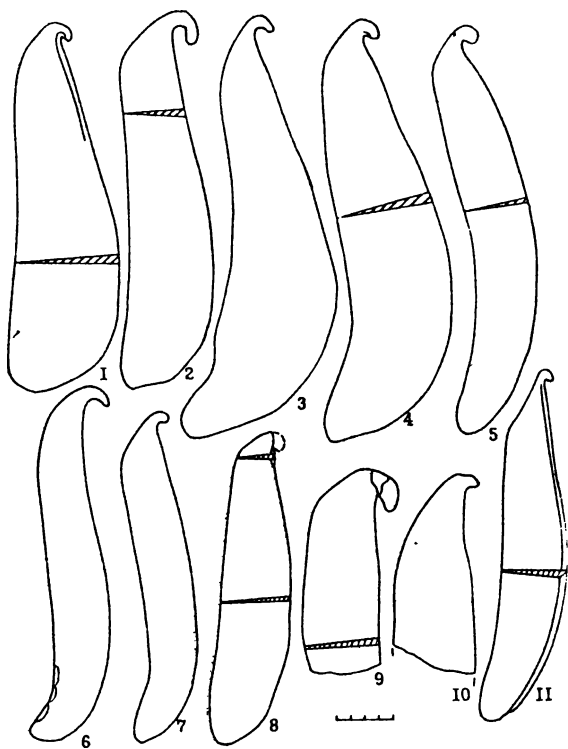

Рис. 50. Бронзовые серпы: 1, 2 — Дербедневский клад; 3 — с. Айтуган; 4 — Чистопольский уезд б. Казанской губ.; 5 — поселение Черемуховый Куст; 6 — с. Катайское; 7 — поселение Юкаликулево; 8 — поселение Ибраевское; 9 — стоянка Батраковская; 10 — клад Алексахино (б. Оренбургская губ.); 11 — поселение Явленка I

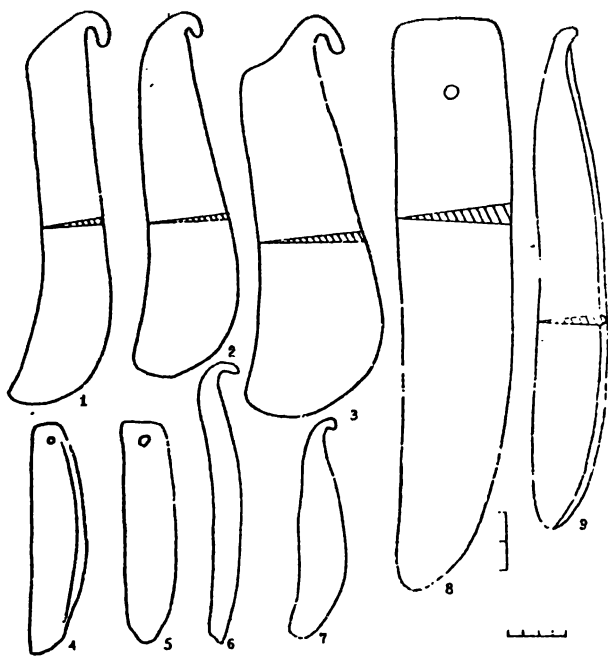

Рис. 51. Бронзовые серпы и косари: 1—3 — Кармановский клад; 4 — Сосново-Мазинский клад; 5 — поселение Яленка I; 6 — с. Беловольское; 7 — поселение Омари; 8 — поселение Кумляиское; 9 — поселение Чесноковская Пашня

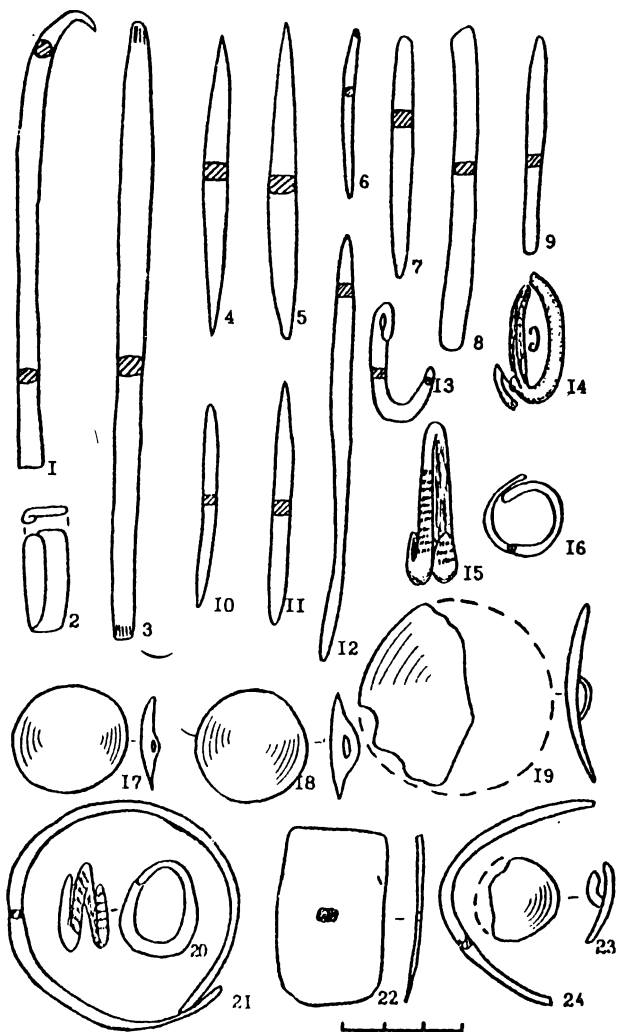

Рис. 52. Шилья, крючок и украшения: 1 — стоянка Уразаевская I; 2, 14, 17, 22 — Красногорский I могильник; 3 — Бирское поселение; 4—6, 15, 16, 23 — поселение Тюбак; 7—8 — стоянка Старо-Яппаровская III; 9 — стоянка Старо-Яппаровская I; 10—12, 20 — поселение Юкаликулево; 13 — стоянка Жуковская; 18, 24 — стоянка Ново-Кизгановская II; 19 — стоянка Ибрагимовская I; 21 — Юмаковский могильник

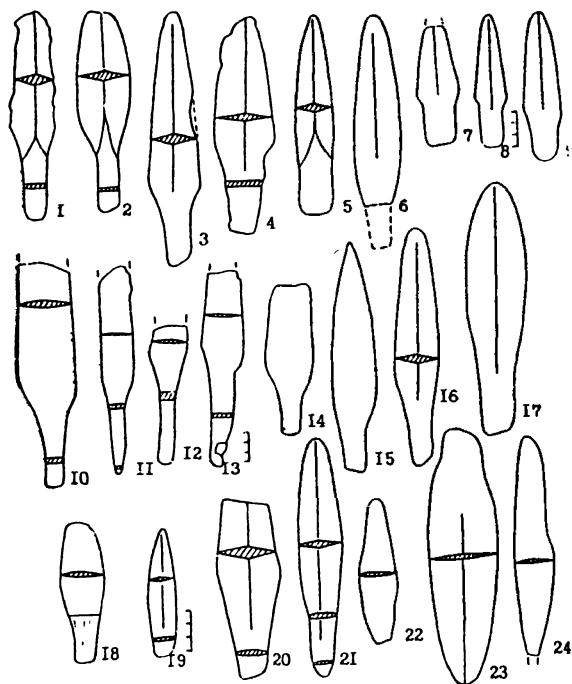

Рис. 53. Бронзовые ножи: 1, 2 — поселение Юкаликулево; 3, 18 — Такталачукский могильник, погребение 300; 4 — стоянка Старо-Кабановская II; 5 — поселение Шаблинское; 6, 7, 17 — Екатеринбургский историко-краеведческий музей; 8 — поселение Камышное I; 9 — поселение Криюши; 10 — стоянка Инзелга; 11 — поселение Таалыкаевское; 12 — поселение Лебяжье Островное; 13 — поселение Волостниковское; 14 — поселение Балымское, погребение I; 15 — поселение Чишминское; 16 — стоянка Березогривская I; 22 — поселение Кумысское; 23 — поселение Старо-Янгизитовское; 24 — поселение Зириковское

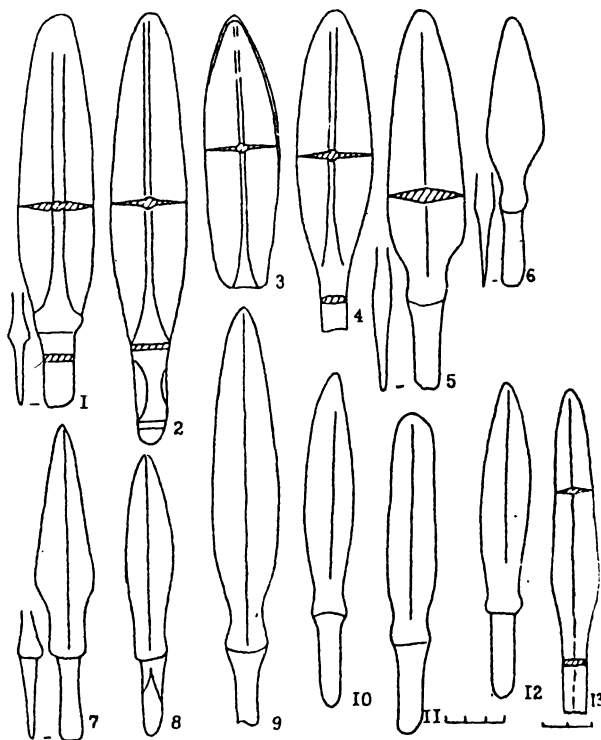

Рис. 54. Бронзовые кинжалы и нож: 1 — стоянка Ново-Кизгановская II; 2 — поселение Кузметово; 3 — поселение Бирское; 4 — Стерлибашевский краеведческий музей; 5, 6 — Кармановский клад; 7 — Красногорский I могильник; 8 — с. Катайское; 9 — оз. Малый Касаргуль; 10 — с. Кочневское; 11 — с. Куксянское; 12 — с. Троицкое; 13 — с. Березовское

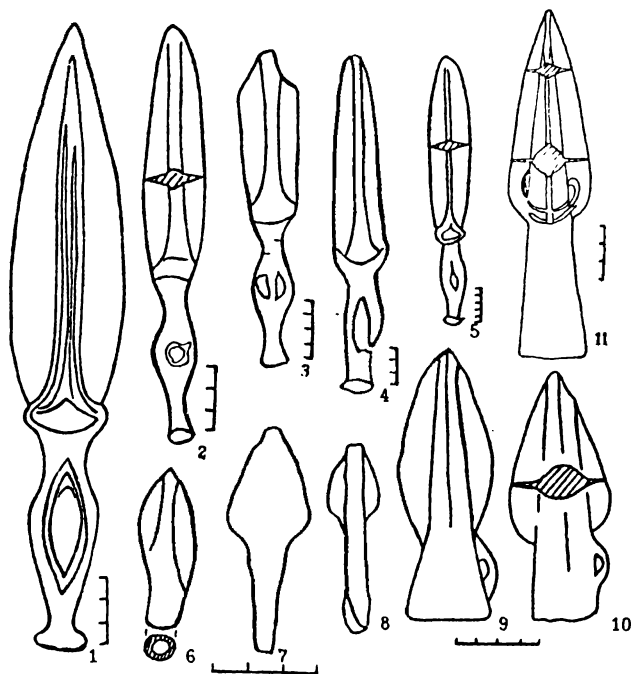

Рис. 55. Бронзовые кинжалы и наконечники стрел и копий: 1 — 6. Уфимская губ.; 2 — с. Зирган; 3 — г. Елабуга; 4 — оз. Аргазы; 5 — с. Грахово; 6 — поселение Кереневское; 7 — селище Межовское; 8 — поселение Березовское; 9 — д. Бочкаревка; 10 — с. Красный Яр; 11 — д. Сулем

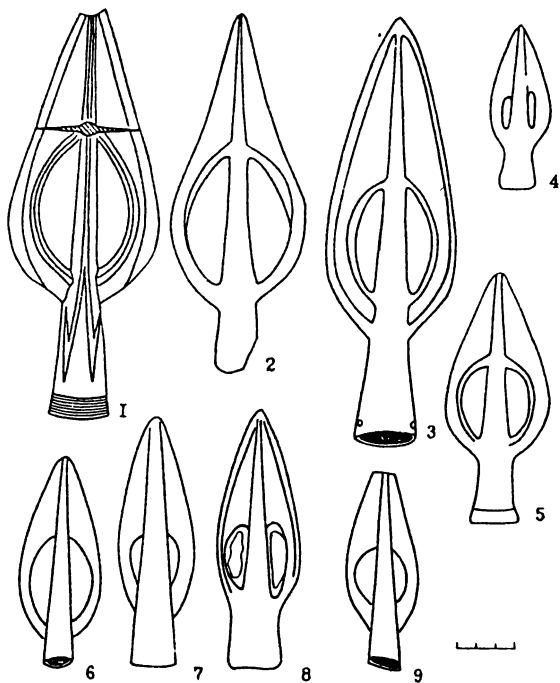

Рис. 56. Бронзовые кинжалы и наконечники стрел и копий: 1 — Кармановский клад; 2 — с. Тимашево; 3 — р. Миасс; 4 — оз. Карасий Исток; 5 — с. Пустобаево; 6 — с. Окольниково; 7 — Красногорский I могильник; 8 — Юмаковский могильник; 9 — оз. Ирбитское

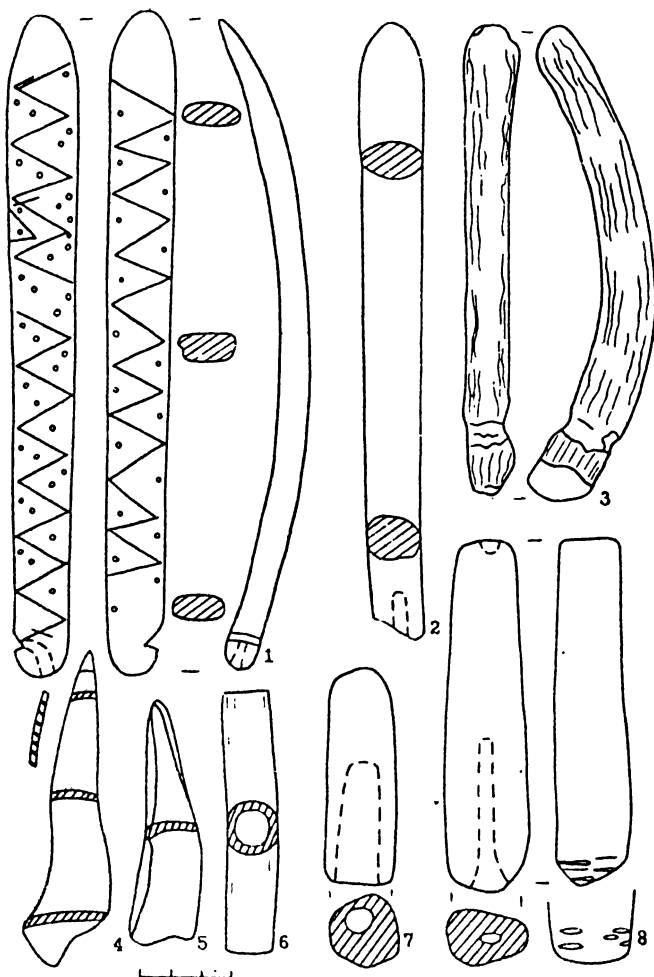

Рис. 57. Костяные изделия: 1 — стоянка Жуковская; 2, 7 — поселение Юкаликулево; 3 — поселение Кумлекуль; 4 — стоянка Мулино II; 5 — стоянка Старо-Яппаровская I; 6 — стоянка Сасыкуль; 8 — поселение Тюбяк

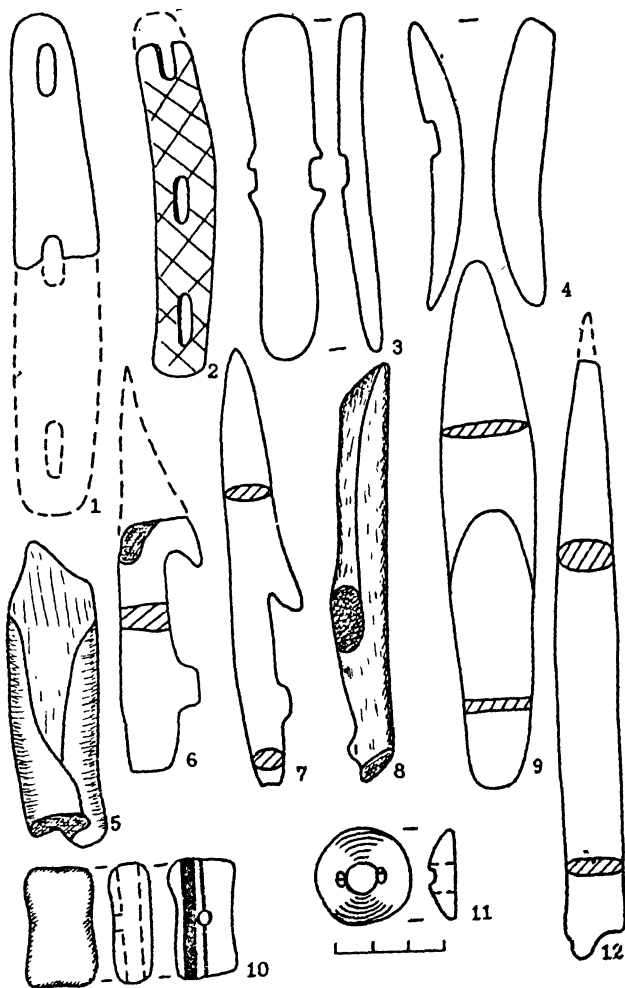

Рис. 58. Костяной инвентарь: 1 — стоянка Ново-Кизгановская II; 2 — стоянка Ахметовская II (по Б. Г. Тихонову); 3, 9, 10—12 — поселение Юхаликулево; 4, 7 — поселение Тисбак; 5 — стоянка Старо-Кабановская II; 6 — стоянка Мулино; 8 — стоянка Инзелга

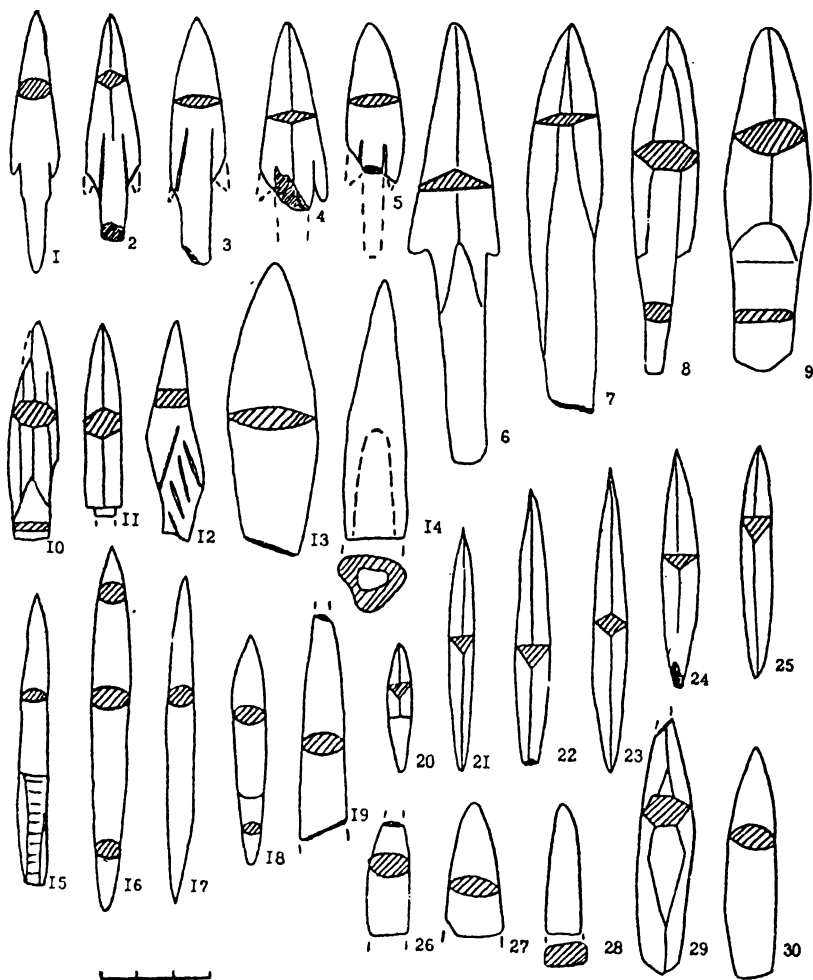

Рис. 59. Костяные наконечники стрел и дротиков: 1, 8—10, 13, 24, 25, 28—30 — поселение Юкаликулево; 2, 3, 19, 27 — поселение Тюбак; 4, 20—23 — стоянка Ново-Кизгановская II; 5, 16 — стоянка Юмагузинская I; 6, 7 — стоянка Мулино; 12 — Бирское поселение; 14 — стоянка Старо-Яптаровская I; 15, 18, 26 — стоянка Инзелга; 17 — поселение Казанбуловское Нижнее

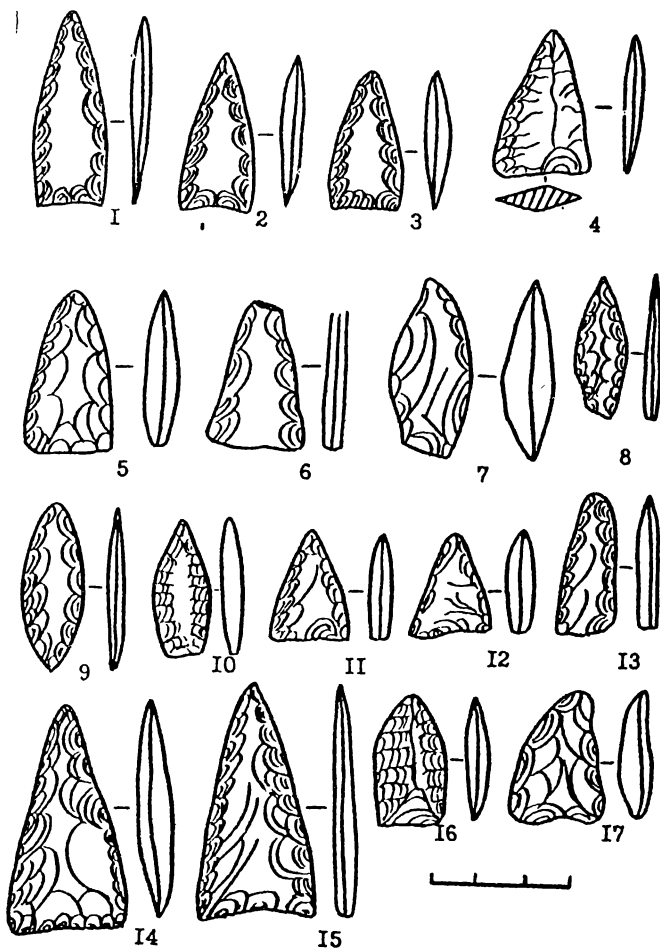

Рис. 60. Кремневые наконечники стрел: 1—3 — могильник Такталачук; 4 — стоянка Старо-Кабановская II; 5 — стоянка Жуковская; 6 — поселение Тюбяк; 7—9 — стоянка Максютовская II; 10 — стоянка Старо-Яппаровская III; 11—17 — поселение Юкаликулево

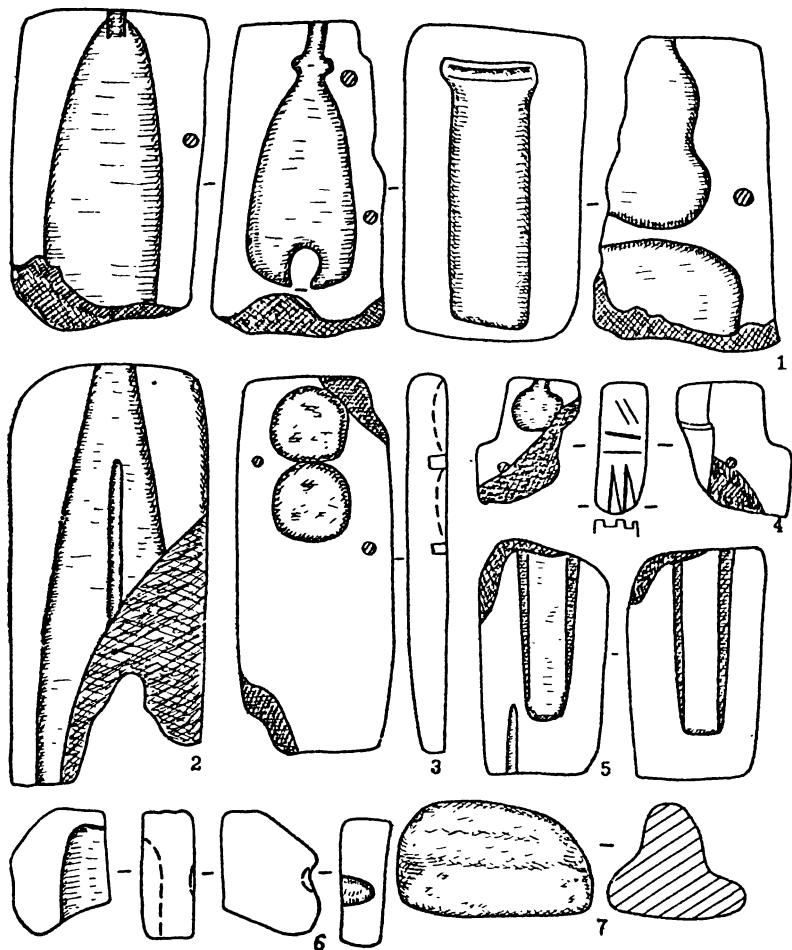

Рис. 61. Литейные формы и ложило: 1 — Башкирский краеведческий музей; 2 — стоянка Ахметовская I; 4, 5 — стоянка Дуванейская; 6 — поселение Нижегородское III; 7 — стоянка Кузькинская I; 1, 3, 4, 6 — камень; 2, 5, 7 — глина

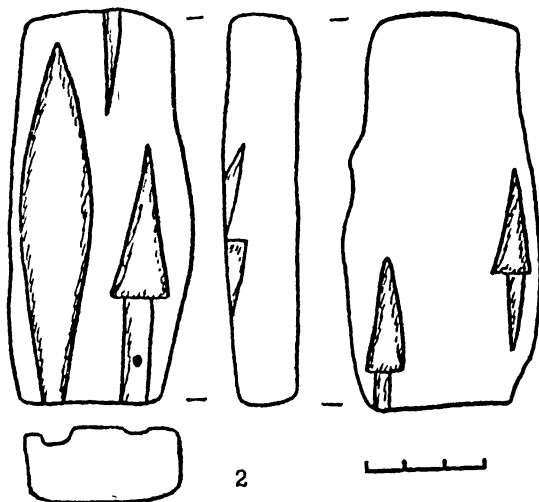
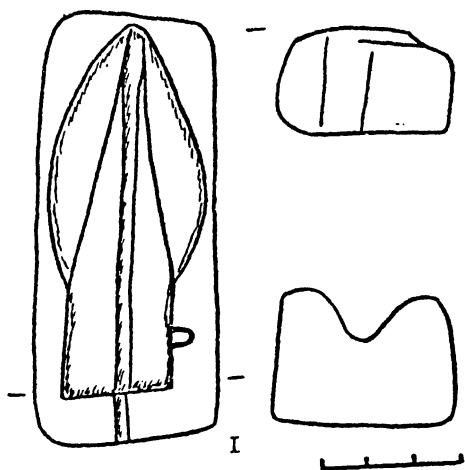

Рис. 62. Каменные литейные формы: 1 — с. Старая
Мать; 2 — поселение Тюбяк

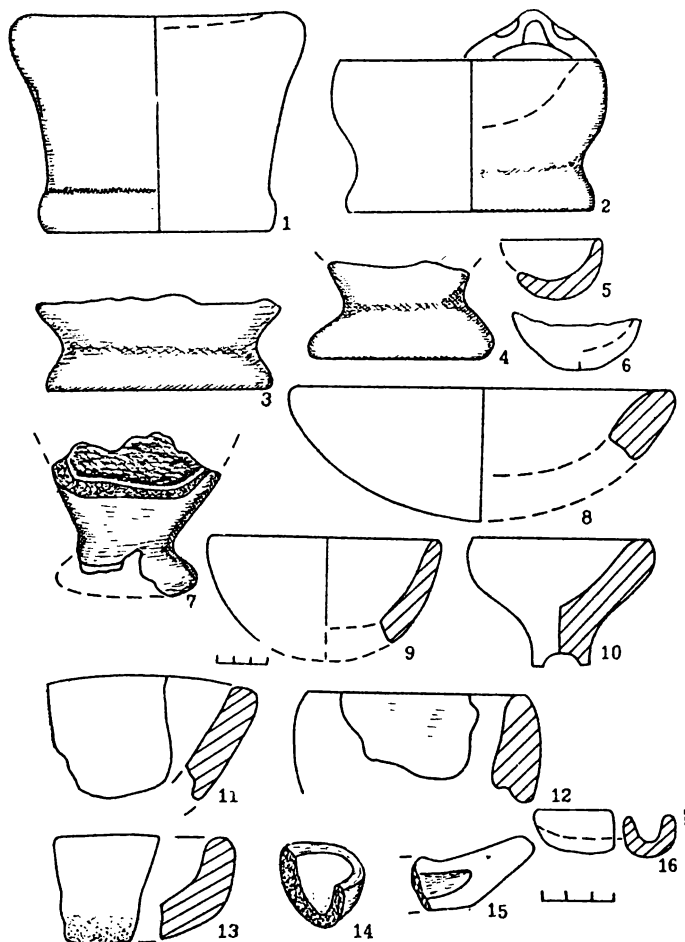

Рис. 63. Тигли и льячки: 1—3, 12—14 — поселение Тюбьяк; 4 — поселение Юкаликулево; 5 — стоянка Старо-Кабановская II; 6 — стоянка Кузькинская VII; 7 — д. Палкино (по В. Я. Толмачеву); 8 — стоянка Батрак-Айратовская; 9 — поселение Верхнее Биккузинское; 10 — Бирское поселение; 11 — поселение Нижегородское III; 15 — стоянка Старо-Яппаровская I; 16 — стоянка Старо-Яппаровская III

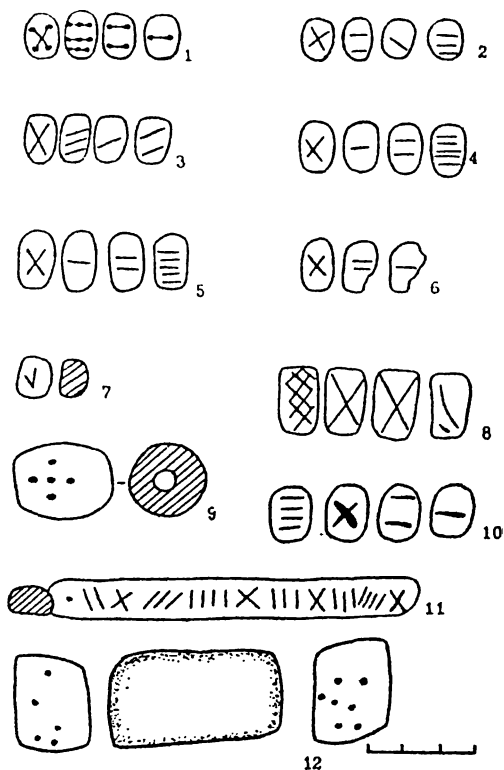

Рис. 64. Бюрфели и аналогичные предметы: 1 — поселение Юкаликулево; 2, 7 — поселение Липовая Курья; 3 — поселение Язевое I; 4 — поселение Мирный II; 5, 6 — поселение Коркино I; 8 — городище Чудаки; 9, 12 — поселение Карасье Озеро II; 10 — поселение Черемуховый Куст; 11 — бирка для счета обских угров (остяков) XX в. (по Ю. Б. Симченко); 13 — поселение Дружный I

ЭЛЕМЕНТЫ ОРНАМЕНТА	БЕРЕЗКИ V (гласкоп)		ЧЕРКО- КЛЬ II		М. ЛИДО- ВЫЙ IX		УСТЬМИ- ВОСКОЕ IV		БЕРЕЗОВ- СКОЕ		КОКША- РОВО I	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
	54	13,6	33	14,7	90	133	7	10,4	20	8,6	13	10,3
ВОЗВ. ВОЗВ. ВОЗВ.	5	1,4	3	1,3	31	4,6	—	—	28	12,1	19	15,1
ВАЯНИЕ И ВОЛНОЧКИ	16	4,4	17	7,6	70	10,3	2	3,0	7	3,0	2	1,6
	116	32,7	64	28,5	136	20,1	6	8,9	37	15,9	13	10,3
ТЯЖ. ВОЗВ.	1	0,3	—	—	4	0,6	6	8,9	3	1,3	5	3,9
МЕЛОКИ	7	1,9	6	2,9	16	2,4	3	4,5	—	—	18	14,1
УШКО МЕЛОКИ	15	4,2	5	2,3	—	—	—	—	—	—	—	—
	7	1,9	2	0,9	29	4,3	7	10,4	53	22,7	—	—
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ЛЮНКИ	31	8,2	14	6,2	76	11,2	4	6,0	12	5,1	1	0,8
ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ЛЮНКИ	20	5,7	20	9,0	72	10,7	14	20,9	39	16,8	20	16,0
ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЛЮНКИ	17	4,7	4	1,8	14	2,1	1	1,3	1	0,4	—	—
	13	3,6	20	9,0	40	5,9	2	3,0	10	4,3	3	2,4
	7	2,0	1	0,4	7	1,0	—	—	7	3,0	—	—
	—	—	3	1,3	2	0,3	—	—	1	0,4	3	2,4
	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,9	—	—
	—	—	—	—	1	0,2	2	3,0	—	—	—	—
	5	1,5	2	0,9	7	1,0	1	1,5	4	1,7	—	—
	2	0,6	—	—	2	0,3	—	—	1	0,4	—	—
КОМБИНИРОВАННАЯ СЕТКА	9	2,5	17	7,6	23	3,5	4	6,0	1	0,4	2	1,6
	2	0,6	—	—	7	1,0	—	—	—	—	—	—
	1	0,3	1	0,4	6	0,9	—	—	2	0,9	—	—
	3	0,9	—	—	4	0,6	—	—	1	0,4	—	—
	5	1,4	1	0,4	5	0,7	1	1,5	—	—	—	—
	1	0,3	2	0,9	14	2,1	3	4,5	3	1,3	—	—
	2	0,6	2	0,9	2	0,3	—	—	—	—	—	—
ОСОБОЕ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	15,1
	1	0,3	1	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—
СВОБОДНО	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,8
ССС	—	—	1	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	2	0,9	—	—	—	—	—	—	—	—
СВОБОДНО ИЛИ	36	14,4	3	1,3	13	1,9	4	6,0	1	0,4	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,8
ИЛИ	126	35,0	124	55,6	100	14,7	6,7	10,0	232	97,0	126	100,0

Рис. 65. Элементы орнамента межовских и березовских поселений Зауралья

ТЕХНИКА	БЕРЕЗКИ УРАЛЬСКИЕ II		ЧЕРКАС- КУЛЬ II		МАЛПО- ВЫЙ IX		УСТЬ-ИМ- АССКОЕ IX		БЕРЕЗОВ- СКОЕ		КОКША- РОГО I	
	КОЛ ВО	%	КОЛ ВО	%	КОЛ ВО	%	КОЛ ВО	%	КОЛ ВО	%	КОЛ ВО	%
ЖЕЛОБОК	22	5,2	11	4,9	16	2,2	3	4,1	—	—	18	12,4
ГРЕБЕНЧАТЫЙ ШТАМП	119	28,0	19	8,5	102	14,8	3	4,1	6	2,7	43	29,0
ВДАВЛЕНИЯ	43	10,1	26	11,5	55	7,7	2	2,7	19	8,3	7	4,7
ГЛАДКИЙ ШТАМП	15	3,5	9	4,0	2	0,3	—	—	—	—	9	6,1
ПРОКАТАННАЯ ГРЕБЕНКА	9	2,1	—	—	1	0,2	—	—	—	—	—	—
РЕЗНАЯ И ПРОЧЕРЧИВАНИЕ	167	39,4	131	58,6	338	47,4	36	48,6	107	46,0	24	16,6
ВАЛИК (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ)	21	4,9	20	9,0	101	14,1	2	2,7	35	15,1	21	14,5
НАСЕЧКА	8	1,9	4	1,8	57	8,0	20	27,0	53	22,7	1	0,7
ЛОЖНЫЙ ШИП	6	1,5	3	1,3	18	2,5	2	2,7	7	3,0	—	—
ЖЕЛОБОК И ГРЕБЕНКА	5	1,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ЖЕЛОБОК И РЕЗНАЯ (НАСЕЧКА)	3	0,8	—	—	4	0,6	3	4,1	3	1,3	—	—
ПРОЧЕРЧИВАНИЕ И ГРЕБЕНКА	1	0,3	—	—	2	0,4	—	—	—	—	1	0,7
ПРОЧЕРЧИВАНИЕ И РЕЗНАЯ (НАСЕЧКА)	—	—	—	—	—	—	1	1,3	2	0,9	—	—
ПРОЧЕРЧИВАНИЕ И ВДАВЛЕНИЯ	5	1,2	1	0,4	11	1,6	2	2,7	—	—	—	—
ГЛУБОКИЕ ЗЫКИ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	13,1
ГРЕБЕНКА УГЛОМ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,4
ИТОГО	424	100	224	100	707	100	74	100	232	100	145	100

Рис. 66. Техника орнаментации межовских и березовских поселений Зауралья

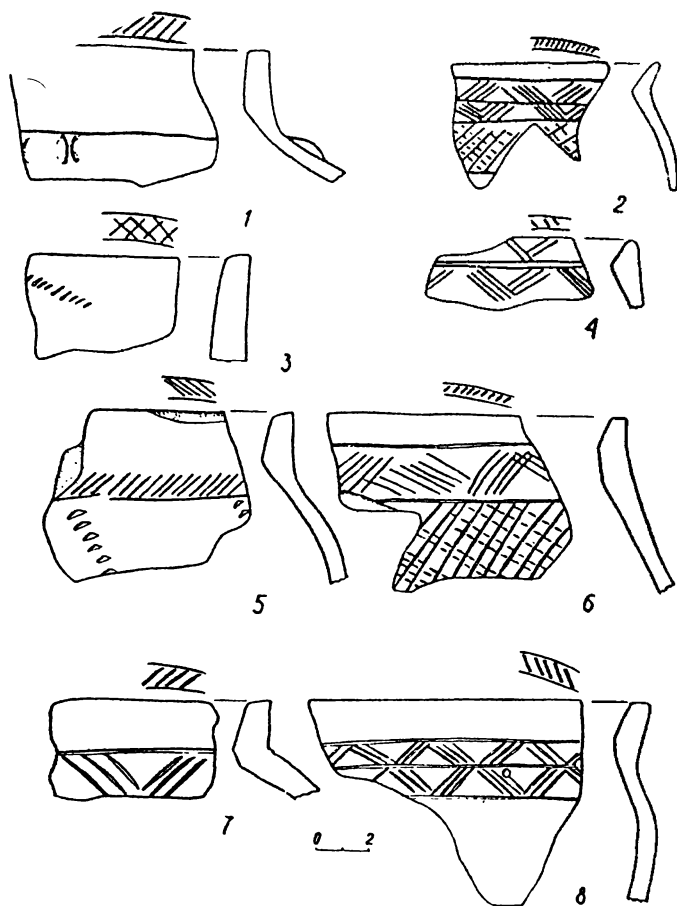

Рис. 67. Керамика раннего железного века. Поселение Березки II

